

ЛАВА

16

журнал поэзии

граффити & литература

Харьков
2012
СЛОВО

ISBN 981-354-7869-15-10

Главный редактор:

Богдан Ант – Герман Титов

Выпускающий редактор:

Юлия Куликова

Редакция

Виталий Ковальчук
Андрей Костинский
Евгений Кривочуприн
Юрий Шкурко

Издание является неотъемлемой частью
проекта клуба поэзии «АВАЛ»
(руководитель – Андрей Костинский)

Концепция и дизайн номера – Герман Титов

Дорогие Читатели!

Новый, 16-й номер
журнала поэзии «ЛАВА» посвящён главным городским искусствам —
граффити и литературе.

Горожане могут и не вспоминать о литературе — но она помнит о них.
Она подстерегает их везде - рекламным слоганом или случайной фразой.

Разумеется, случайной лишь для обывателя.

Поэт не знает случайных фраз. Город не знает случайных граффити.

Все мы — лишь часть его поэмы.

Багато иллюстрированной. Футуристической. Классической. Всегда новой.

Все наши новации легко встраиваются в коды его традиции.

Любая наша традиционность вносит в его жизнь неслыханную новизну.

Новогодние праздники — именно то время,
когда встречается старое и новое, традиционность уходящего года
и беззаветная новизна года нового.

Быть может, только граффити, исконный язык города,
и может выразить эту поразительную, праздничную дихотомию.

Редакция «ЛАВЫ» поздравляет вас с наступающим Новым годом и Рождеством!

Как стать нашим автором?

Здравствуйте, уважаемые авторы литературного журнала «Лава»!

Наверняка у многих из вас возникают вопросы о том, в каком виде лучше и предпочтительнее для редакции журнала присылать свои работы. Поэтому, думаю, ответ вас заинтересует.

Каждое издательство работает с рукописями: будь то текст, написанный от руки, или же это электронный файл, созданный в программе Word.

Представляем вам основные критерии создания наборного (чернового) файла, которые настоятельно рекомендуем учесть при последующей подаче материала в редакцию.

1. Все произведения набираются (копируются) в 1 (ОДИН) Word-документ.

2. Если вы подаёте в редакцию и стихотворения, и прозу, тогда создаёте соответственно 2 (ДВА) отдельных Word-документа.

3. В каждом Word-документе вы **указываете в следующем порядке:**

- фамилию, имя;
- село, деревню, станицу, город, район, страну проживания;
- краткую биографическую справку, которая включает:
  - год рождения,
  - место рождения,
  - год, когда вы начали свою творческую деятельность;
  - членство в каком-либо литературном объединении, СП и т. д.;
  - наличие публикаций (названия сайтов (ссылки), журналов, альманахов, год публикации в скобках после каждого названия издания — *пример: «Лава № 16» (Харьков, 2012)*);
  - названия авторских книг/сборников (с указанием в скобках после каждого названия города и года издания — *пример: «Вечер»* (СПб, 1912)*);
- @snoska * «Вечер» (СПб, 1912) — первый сборник стихотворений А. А. Ахматовой. — *Прим. ред.*
- подборку произведений.

Примечание. Подборки **без авторства** в самом Word-документе **рассматриваться не будут.**

4. Количество произведений — ограничено!

Поэзия — **до 10 стихотворений** (10 — максимум).

Проза и литературоведческие статьи — **до 5 листов формата А4** (5 — максимум).

Примечание. Не присылайте большие подборки с учётом, что «пойдёт в следующий номер». Это вносит путаницу и тратит время, которое мы могли бы уделить на литературную правку текстов или совершенствование журнала в целом. Подборки, содержащие много материала, рассматриваться не будут.

5. Все тексты должны быть набраны **12 кеглем** (размер шрифта), с одинарным интервалом.

6. Весь текст выравниваете по **левому** краю, **без красной строки.**

7. Что **НЕ СЛЕДУЕТ** делать:

- выделять текст полужирным шрифтом;
- лишние отбивки, отступы, вынос эпитафий в право и прочее (кроме абзацев);
- заглавные буквы в названиях и в тексте — то, что хотите выделить или подчеркнуть, обозначьте курсивом;
- переносы в словах;
- рамочки и прочие «красивости» — нам нужен ТОЛЬКО ваш ТЕКСТ.

8. ДОПУСКАЕТСЯ:

- выделение *курсивом* (шрифт с наклоном) отдельных слов (в поэзии), частей предложений, абзацев (в прозе и лит. статьях).

9. Тире, дефис

Для многих пользователей Word постановка правильного тире является настоящей проблемой. Пользователи не отличают длинное тире от среднего или от дефиса.

Обычное длинное (правильное) **тире «—»** ставится сочетанием трёх клавиш: **ctrl+alt+минус.**

Среднее тире (чаще между датами: 2012–2013) ставится сочетанием клавиш: **alt+минус.**

Дефис «-» ставится клавишей **«минус»** или «чёрточкой» рядом с клавишей «0»

Внимание!

ТОЛЬКО длинное тире и дефис отделяют пробелами с обеих сторон.

10. Фотографии — обязательно!

В следующих номерах мы планируем размещать **фотографии** авторов. Присылайте свои фото в формате любого графического формата: **.jpg, .jpeg, .tif** и др.

Основное условие — на фото **должны быть изображены только вы**, а не родственники, питомцы, дети, цветы и проч.

НЕ ПРИСЫЛАЙТЕ фото в Word-документе!

11. Картинки

Для картинок и фотографий, иллюстрирующих ваш материал (проза, литературоведение), создайте отдельную папку. В неё вы помещаете до 5 картинок (5 — максимум) любого графического формата (см. п. 9).

12. Каждой папке или Word-документу вы присваиваете свою Фамилию и имя для распознавания нами авторства при создании архива рукописей.

13. Если вы копируете материал из интернета — проверьте его обязательно на наличие опечаток, ошибок в стилистике, грамматике.

14. Проставьте везде букву Ё.

15. Уделите особое внимание пунктуации (знакам препинания). Это один из критериев грамотности. Чтобы воспитывать культуру языка, культуру речи, мы должны предоставлять на страницах нашего журнала только качественные материалы, повышая тем самым и авторский, и читательский уровень как прошлых, настоящих, так и будущих поколений.

Новые произведения присылайте по адресу:

coast-in-sky@mail.ru
germanostitois@mail.ru

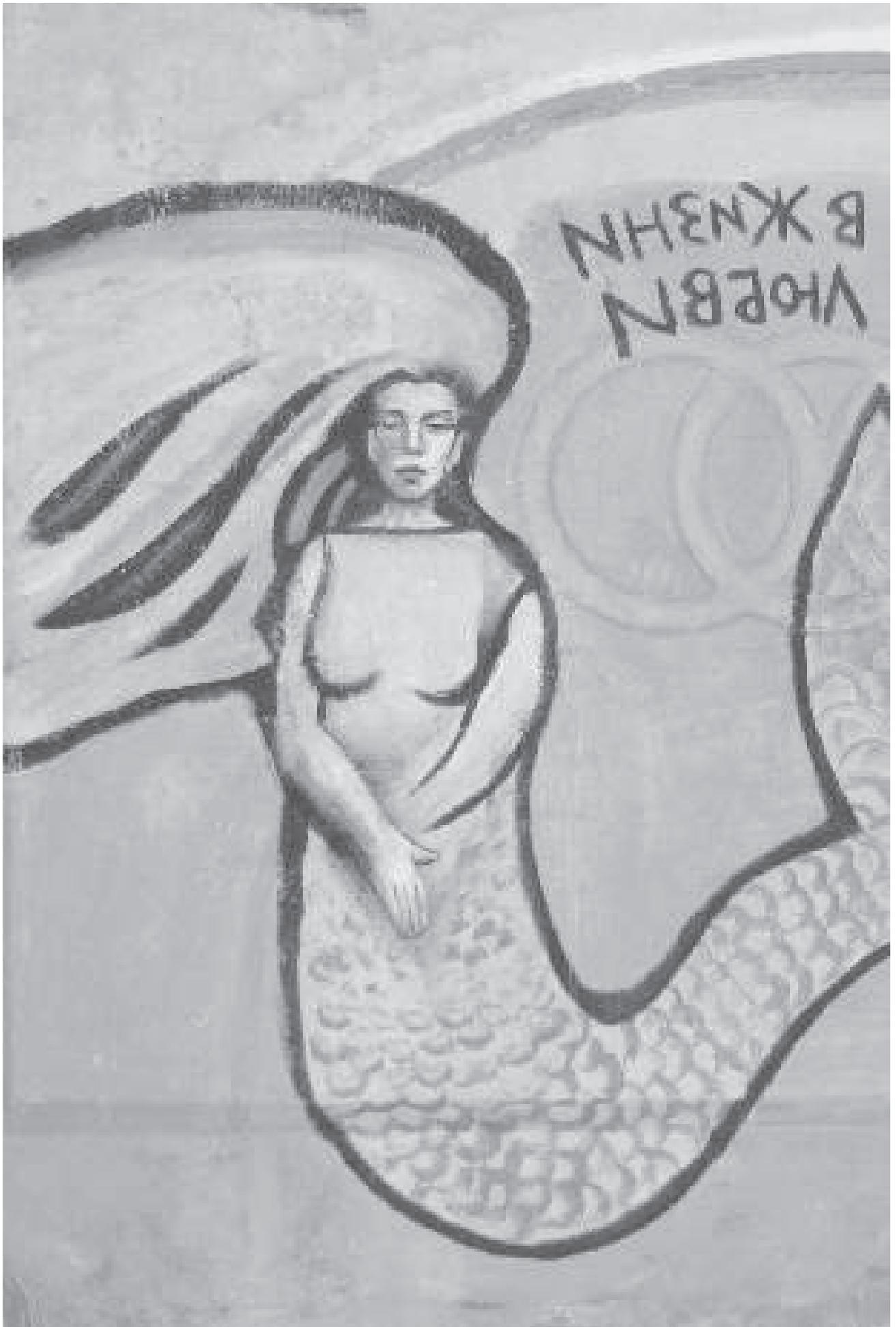
Телефоны редакции

(057) 759-72-28 и (097) 259-33-68
сайт: avalpoem.ru

Группы ВКонтакте

АВАЛ, АВАЛГАРД

С уважением
выпускающий редактор
Юлия Куликова

ЖИЗНИ
ОБВЛ

ПОЭЗИЯ

ПОЭЗИЯ

Побе-ЖДИТЕ!-ли

Усилиями Клуба поэзии «АВАЛ» и Оргкомитета фестиваля «ЛІАВ-іN-fest» 29–30 сентября 2012 года в Харьковском Цехе поэзии (ул. Лермонтовская, 27) проходил очередной фестиваль, в рамках которого Федерация слэма Украины (президент — Виталий Ковальчук, вице-президент — Богдан Ант) 29 сентября провела первый в истории «КУБОК БОЛЬШОГО СЛЭМА (UKRAINE OPEN)»

(рефери — слэм-мастер Виталий Ковальчук). В слэме принимали участие поэты из Украины и России. В финал вышли пять участников, среди которых был и победитель — Сергей Окишев, чью подборку стихотворений мы с радостью и представляем вашему вниманию! А Сергею желаем новых творческих достижений, побед, вдохновения и свершений всех его желаний!

Сергей ОКИШЕВ

Северодонецк

Родился 17 августа 1986 года в городе Северодонецк. С 2000 года — член литературного объединения «Обрій». Многократный участник и дипломант фестиваля детской поэзии «Джерельце». Принимал участие в фестивале «Каштановый дом». Дипломант юбилейного V Всеукраинского песенно-поэтического фестиваля «Город Дружбы приглашает» в номинации «Поэзия» (15–16 сентября 2012 г.). Победитель II Открытого Международного фестиваля поэзии «ЛІАВ in Fest» (Харьков, 29–30 сентября 2012 г.), обладатель Кубка Большого слэма. Публиковался в коллективных сборниках, альманахах, литературном журнале «Радуга», других периодических изданиях. Автор сборника стихотворений «Дактилоскопия» (Северодонецк, 2012). В данный момент работает корреспондентом отдела информации и связей с общественностью ЧАО «Северодонецкое объединение Азот».

Сирены

Засидели стаканами скатерти.
Торговали украденным счастьем.
Совесьь отдали нищим на паперти
(вроде доброе дело, а «здрасьте»!).
Упивались и страстью, и страхами.
Заливали в голодное горло.
И утешили всех, и затрахали.
И вели себя нагло и гордо.
Извели, извели племя адово
и замучили песнями ангелов.
Так, что небо рыдало и падало,
а внизу погасили все факелы.
Растрепали и нервы, и волосы.
И ушли по забытым течениям.
Но запомнили люди в их голосе
не любовь, а всего лишь влечение...

Музыка сдохла

Губы дрожат в перерывах на вдохи.
Лживая ночь от тяжелых портьер.
Звуки, как бабочки, попросту сдохли,
Чтоб украшать дорогой интерьер.
Корчится, рвётся оглохший динамик.
Музыка в сердце стремится попасть.
Только сегодня печаль между нами
Или похмелья горячая пасть.
«Сплин» разошёлся — робеет и плачет,
Мучает струны на третьем ладу...
Завтра, я знаю, всё будет иначе.
Просто сейчас с головой не в ладу...

Осень

Теряет пожелтевшую листву
заросший бороною клён патлатый.
Я в эту осень на лету
ворвался с багровеющим закатом.
Я эту осень разменял с тобой,
как окна разбивают капли света,
как нежный, тёплый, ласковый прибой,
выбрасывает мелкую монету.
Я это время подарю тебе.
На чашку чая прикуплю билетик.
Мы не поедem в призрачный Тибет,
туда мы птиц проводим летних.
В твоих глазах я не устал искать
вопросы о несбыточном и детском.
Пока не заржавел в груди закат,
попробуй под дождём переодеться!
И ты поймёшь, как нежен этот дождь,
какая грусть в прощальном птичьем утре...
Быть может, и меня тогда поймёшь,
не пожалев о прожитой минуте.

Есенину

Тяжело мне уснуть без пьянящего мозг алкоголя.
Просыпаться не в силах без крепких своих сигарет...
Знаешь, друг, я душою мучительно болен.
И того, кто спасёт меня, нет...
Голова моя буйная, будто в дурманящем клее,
ничего не желаю, никого не хочу...
Кто-то маленький, бледный садится ко мне на колени.
Я бледнее не меньше, слушая полную чушь.
Книга сказок ужасных, где принцессы воняют водкой,
На коленях у мальчика... Пальчиком водит — прочти!
Холодею, и голос срывается ноткой:
— Не такой! Не такой! Может только... почти.
— Ты читай, не стесняйся! — гнусавит и скалитися
страшно.
— Пил, кидался словами и жил во вранье!
Не любил, не боялся, не помнил ни долга, ни
важного...
Не стесняйся! Все жулики в этой стране!

Я склоняюсь над мальчиком, плакать стараясь потише.
Кто ты, дьявол возьми тебя, бес?
Он смеётся и тянет ручонки повыше

И, впевнившись мне в горло, шепнуть мне на ухо
полез...
— Я твой сын! Ты не помнишь, тогда, в чистом поле
Полюбила девчонка рифмованный бред?!

Просыпаюсь... Мой друг, я мучительно болен...
И того, кто спасёт меня, нет...

Жарко

Жарко, жарко, жарко...
Воздух съедает солнце.
Словно больная шавка,
градусник вверх несётся.
Скучно, скучно, скучно...
Ночью в подушку плачешь.
Жизнь такая сучья,
воздух такой горячий,
жаркий и настоящий...
Мысли, стихи, объятья
ты собираешь в ящик.
И, не меняя платья,
снова бежишь проснуться
в сети к нему, и кофе...
Мнутя, мнутя, мнутя
мысли, объятья, строфы.
Делаешь так, как надо,
думаешь, как бунтарка...
Правда, правда, правда
в том, что сегодня жарко...

Черти

Бурная молодость складки у рта начертит.
Утро прикажет стать в опостылевший строй.
Что же вы роетесь в сердце расхристанном, черти?
Я не для вас доставал человеческий гной.
Я не для вас затевал с тишиной разговоры,
Врал и смеялся, что всё хорошо у меня.
Вы же, предатели, сна и спокойствия воры,
Душу хотели на строчку о ней поменять.
Ангелы! Ангелы песни о ней мне диктуют!
Вам не понять! А они, в колокольчик звеня,
Образ на сердце не колят, а кистью рисуют,
Маминым взглядом лелея меня и храня.
Что же вы роетесь, душу травя алкоголем?
Не для того я пришёл, чтобы петь за пятак.
Мокрым июньским дождливым расхлябанным полем
Я убегу от вас, черти! Всё будет не так...

Кто-то

Выстрелить в спину идущему сзади.
Прыгнуть чуть выше своей головы.
Кто-то хрипит, поджидая в засаде.
Кто-то смеётся, считая столбы...

Выкинуть ножницы, камень, бумагу.
Выиграть, выстоять, выставить счёт.
Кто-то в лицо получил за отвагу.
Кто-то медаль получил ни за что.

Город дождём тротуар многоточит.
Зубы крошатся от жёсткости слов.
Кто-то кого-то опять не захочет.
Кто-то не выдержал тяжесть оков.

Кончатся фразы «Люблю!», отговорки.
Время печатью на женском лице...
Кто-то свободный мечтает в каморке.
Кто-то боится уснуть во дворце.

Кто из нас?

Кто из нас доживёт до ста?
Тот, кто шёл босиком по снегу,
Или я, в полупьяной неге
Целовавший тебя в уста?
Кто из нас проживёт с тобой?
Тот, кто держит тебя в объятьях,
Или тот, кто бежит обратно,
Чтоб хотя бы не в глаз, а в бровь...
Кто из нас потерял себя?
Тот, кто жрёт и глотает фильмы,
Или тот, кто смертельно, сильно
испугался терять тебя...
Кто из нас доживёт до ста?

Дорога

Успела ночь седыми тучами
Луну и звёзды схоронить
Уже кончается скрипучая
И душная дороги нить.
Уже по-свойски и по-своему
Собаки лают на цепи.
Что нам дорога эта стоила?
Не отвечай... Ещё поспи.
Что нам закат, который поровну
Делил и небо, и волну?
Когда на родине так здорово...
Но хочется забыть страну.

Донбасское сетевое ЛИТО

Вначале был страх молчания. Потом, когда страх отступил, появилось желание помочь другим. В 2010 году, Иван Нечипорук и Анна Воинова организовали выход небольшого коллективного сборника молодых авторов — «Вольные стражи весны» (название сборника было найдено в песне Александра Литвинова «Ода розовым псам»). Учитывая, что работа над сборником протекала при помощи интернета, спонтанно появилась идея создания сетевой региональной организации. Эту идею воплотили в жизнь на сайте «Блогспот». Сейчас количество литобъединенцев перевалило за отметку 30 человек, расширилась география и возрастная амплитуда участников. Ведь, как говорит представитель старшего поколения — енакиевский поэт Юрий Орлов: «Как любому поэту — мне 17 лет», а значит всех, у кого в душе весна, рады видеть в литобъединении. Альманахи литобъединения поступают в муниципальные библиотеки Донецка, Горловки, Дзержинска и Дружковки. Презентации изданий ЛИТО проходили в Горловском музее миниатюрной книги, в Литературном музее Горловки и в Донецкой областной библиотеке им. Н. Крупской. «Литовцы» активно участвуют в конкурсах, фестивалях, и звания лауреатов и дипломантов свидетельствуют о том, что не безрезультатно.

Адрес литобъединения <http://stvesna.blogspot.com/>

Вера АГАРКОВА

Родилась 19 февраля 1982 года в с. Биллингс Магаданской области. Живёт в пгт Старобешево, Донецкой области. Журналист районной газеты «Новая жизнь», обладатель премии «Золотое перо Донбасса». Печаталась в альманахах; в журналах Украины, России, Австралии. Лауреат литературной премии им. Н. Рыбалко. Автор сборника стихотворений «Отшельник».

Из цикла стихов «Капли на стёклах»

Ливневые потоки

я напитываюсь влагой и тьмой
разрезанной посередине
вывернутой наизнанку
луной
меня режут ливневые потоки
ещё больнее — живые, но злые строки
кровь смешивается с грязной водой
течёт пенными сгустками по мостовой
плечи иссечены, слепнут глаза
млечным туманом затянуты

последний трамвай
замаячил на перекрестке:
пора бежать
падает в лужу душа
но —
некогда поднимать

Охра

на стёклах —
промокшие лица
листьев
мне снова не спится
одной
напиться —
и сдохнуть
чтоб завтра родиться
другой
докурю и вытрушу пепел
в окна
кто-то
здесь охрой
рисует просинь
несмело
я сонно впадаю
в осень
и —
слушаю время

Расшифрую почерк

бьются в окно мерзлое
потоком неровным, млечным
слезы твои, словно
мое продолжение, вечность
в мокром движении по стеклу
читаю твои напутствия
мучаюсь, пока разберу букровку
сплету брызги
твое лучшее — моё избранное
из облачного далёка — тире — точка —
лей на меня строки
я расшифрую почерк

ПЯТЬ

нежно-колючими иглами
брызгами на стекле
тонкими, ломкими, склизкими
напиши мне
через всё тело — цифройю пять —
то, что давно хотел мне
сказать

До-жжж-дь

верю в приметы:
сердце болеет — значит, ещё живёт
где-то за тысячу километров
дождь
идёт:
доо-жжж-дь
слышишь, как стук монотонный похож
на пальцев звук:
он тревожен и тих — барабану по стёклам
как по кнопкам, когда пишу тебе стих
смешно и грустно немного:
мокнул дороги,
по которым я не приеду на встречу с тобой
странно, что я это помню:
вокзальную площадь
перрон и

часы, под которыми ты курил
смотри: грязный лист ржавым пятном во тьме,
прилипший неуклюже к оконной раме —
это ладонь моя —
густо-кровавая рана, дрожащая от одиночества
это я
в маленьком провинциальном городе
от холода корчусь

тень накрыла тебя и кровать
странно
как я скучаю
по прошлому, которому не бывать

Иван ВОЛОСЮК

Родился в 1983 году в г. Дзержинске Донецкой области, в семье шахтёра. Выпускник русского отделения филологического факультета ДонНУ. Автор пяти сборников стихотворений. Публиковался в журналах Украины, России, Беларуси, Молдовы, Казахстана, США, Германии, Австралии. Член Межрегионального союза писателей Украины (МСПС) и сетевого ЛИТО «Стражи весны».

***

*Прощай, немая Россия...
М. Лермонтов*

Ни Праги нынешней, ни Праге миновавшей
Нет в памяти моей, по крови я не чех,
Но прав был человек, однажды мне сказавший,
Что молится за всех.

Мне незачем писать для всех, кто на земле той
Не побоявшись жить, боится умереть?
Ты думаешь, что стих — разменная монета,
Кочующая медь?

Ты думаешь, без нас Россия будет та же,
И сохранят её от всякого врага,
Но на руках моих — спасительная сажа
Родного очага.

***

Ночь, как масло. Свет режет, как нож её.
Веет страхом от тёмной воды.
Кто на небе большими подошвами
Оставляет созвездий следы?

Кто царапает вкривь его, вкось его,
Непроглядный, вселенский туман,
То играет, как ветер с колосьями,
То монеткой бросает в фонтан?

И, дремая над бездной сферической,
Там, где вечность сгорает, дымя,
Согласился на труд титанический
В шуме времени слышать меня?

***

Я не боялся жить, и воду из реки пил,
Свободы не ценил, и не боялся уз,
Зачем же вы тогда придумали R-keeper,
Explorer и Bluetooth?

Мне некуда бежать, везде меня поймают,
Сим карту вложат мне в мобильный, что бы я
Не слышал, как Господь задумчиво играет
На флейте бытия.

***

В Киеве — холод, в Донецке — не то, чтобы радость,
Просто ещё не понятно, начнётся ли осень:
Кто-то собрался на год пролонгировать август,
Но к договору о лете остались вопросы.

Значит, всё будет, как раньше, и возле «Форнетти»
Тот же знакомый мне запах, знакомый, поскольку
Ты мне приносишь в оранжево-белом пакете
Самую лучшую, самую вкусную слойку.

Возле филфака пьём кофе, двадцатка найдётся,
Взять бы два американо и пить наравне их,
Но ты берёшь капучино, и мне остаётся
Горький эспрессо, который готовят быстрее.

В Киеве — дождь, а Донецк, как сегодня родился!
Я улыбаюсь, ты машешь рукой мне: «До завтра!»
Завтра окажется: мир навсегда изменился,
Нам не сказали, что осень приходит внезапно.

***

Я хожу оборванцем, и с Щорса сворачивать
В переулочек Орешкова мне как-то совестно.
Собираются осенью дни укорачивать
Или солнце над городом выключат полностью?

Или станет зима темнотой непролазною,
Снизу белым от белого снега подсвеченной,
Если сыпятся сверху снежинки алмазами,
Небеса фонарей подпирают подсвечники?

Настоящего времени тучи налитые
Ветер тихо уносит, и прошлого нет уже.
Чёрно-белого фото пространство закрытое,
Будь такую, как есть, обойдёмся без ретуши.

Для тебя это время теперь несущественно:
Пересадка на «Ветке», ты — с сумкою клетчатой.
Жизнь была эфемерной, а слово — вещественным,
Сердце было закрытым, твоим, засекреченным.

Больше не с кем делить
горький хлеб размышления,
Пережёванный воздух не выдохнуть полностью,
Но доверят ли мне голоса поколения,
Если каждый услышит себя в моём голосе?

Ксана ЕТОН

Родилась в 1976 году в Макеевке, в семье инженера металлургического комбината и балерины. Окончила Международный институт управления, бизнеса и права. Работала в сфере социального маркетинга, менеджмента, экономики, туризма, преподавала английский язык. Пишет давно, но серьёзно заниматься литературной деятельностью начала в 2011 году. Автор журнала и сайта издательства «Доля» (Симферополь, Крым), лауреат литературных конкурсов одноимённого журнала, финалист международного фестиваля «Славянские традиции — 2012». Автор поэзии, прозы, поэтических переводов.

Голубая грусть

Бирюзово утро в дальней стороне голубем взлетает, бледным перламутром, инеем в окне тени отцветают.

Голубым слонёнком наступает день, тяжело и трубно, покрывает плёнкой изморозь и лён ледяные губы.

Светло-синий вечер, холоден и строг, создан здесь для счастья — чтоб укутать плечи, выпить чайный грог и тесней прижаться.

Сине-чёрной ночью голубая грусть в домик постучится...
Может, он захочет — я туда вернусь, если стану птицей.

Не молчи

Мучительно жжёт и болит где-то в области сердца.
Шаг влево — шаг вправо — побег.
Констатация факта.
В груди сверхчастотной пульсацией — байты и герцы.
И даль открывает нечаянность нового тракта.

Тебя ни отдать, ни принять — ни душой, ни мозгами, но стоит мне вон за порог — сводит губельно скулы до желчи, до рвоты.
И хочется бить сапогами в лицо и закрытую дверь.

Не прощай мне загулы, чужие стихи, и слова не тебе, и стаккато не наших дождей.
Ну, ударь, обвини, закричи!
Встряхни мои плечи, кусай мои губы...
Когда-то ты это любил...
Но не прячься.
Не плачь.
Не молчи!

День сурка

Города и минуты цинично стекают сквозь пальцы, время скачет следами взбрыкнувших в галоп лошадей. Телефонные будки разбитыми стёклами плятятся на смешную суетность трамваев, дворняг и людей.

Ну откуда взялось это мерзкое чувство потери? Почему мне так страшно смотреть на себя в зеркала? Я не верю в хрустящий декабрь, распостёртый у двери, ведь я знаю — внутри, как напалмом, всё выжжено напрочь.
Догла.

Дежавю задолбало извечным своим постоянством, я боюсь, вдруг однажды проснувшись, понять — день сурка.
И грохочет внутри пустота, как консервная банка, когда ты говоришь — мне пора, созвонимся, пока...

Но я чувствую, как мои волосы ласково гладит, утешая меня, невесомая, добрая чья-то рука.

Спаси

До холода под лопаткой жаждать, бороться и — не получать.
Обманывать, обманываться, тщетно искать глубину, но лишь мельчать.
И к вечеру — совсем изувечена, на лбу печать изгиба (да что я стою?), и колючие взгляды в спину.
Кто у нас скорбных главою когда принимал? если только — жалел.
А кто понимал тех храбрых и редких, кто хотя бы пытаться посмел?
Посему и выходит — все в теме, а ты вот опять не у дел на этом празднике жизни — на поле минном.

Всем раздадут подарки, счастье, ответы... туда-сюда, вся эта приятная, чего уж там, сентиментальная суета.
А ты стоишь с протянутой рукой, глупо улыбаешься и думаешь: ну когда, когда что-то тёплое окажется и под твоей рубашкой?
Но — фиг вам, как говорится, и все надежды твои под снос.
С чего ты решила, что эта вселенная с её командором воспримет тебя всерьёз?
Ночь — вразнос, время — на самотёк, приличия — поездом под откос, а наутро лицо кукожится скомканной промокашкой.

Ох, как страшно признаться себе (другие видят, знают) в своих грехах, в том, что ты очень боишься, что и это реалити-шоу потеряет крах — как и прежде, ничто не исправив, рассыплется в прах — и эта жизнь. И никак не прикажешь плоти — иже еси.

Раскладываешь по полкам, причём осознание доводит
тебя до бешенства,
почему вдруг бывает с собою так тошно, что впопору
вешаться.
Но я не первая, и не последняя, и даже не самая
безнадёжная грешница,
так что... возьми под своё крыло, командор!..
Спаси! спаси...

Александр КУРАПЦЕВ

Родился 18 апреля 1981 в г. Дзержинск. Пишет стихи, песни, рассказы. Играет в рок-группе, любит шахматы. Член сетевого ЛИТО «Стражи весны» и Конгресса литераторов Украины. Публиковался в литературных журналах «Страна Озарение» (Новокузнецк), «Склянка Часу» (Канев), альманахах «Пять стихий» и «На крыльях Слова», «Вольные стражи весны».

Листья

*Сестра моя жизнь...
Б. Пастернак*

На небе камни,
под небом следы,
взмахни руками —
и останется дым,
вдохни колечко —
и он станет тобой,
нас время лечит,
да не от того.

Ворчат врачи,
говорят, ерунда,
что нас учили:
время — это вода.
Мы пили жадно
из настенных часов,
томясь от жажды,
раскалённый песок.

На небе комья,
под небом мука,
пускают корни
костры в облака,
и ночь, как птица,
и жизнь, как сестра,
мы — листья-лица
в осенних кострах.

Змеёсень

Фонари глазищами шурятся,
Фонари мне — до фонаря.
Под ногами ползает улица,
Шелестит листвою, как змея.

Город переполнился кобрами,
И несётся кубарем рябь,
И столбы фонарные рёбрами
Протыкают хмурую хлябь.

Я сегодня сонный, растрёпанный,
Я такой же, как и всегда
В дни, когда за блёклыми стёклами
Кобры шелестят в городах.

* * *

Тень вытирается об асфальт,
Становится слишком тонкой,
Но, даже выпавшая в окно,
Продолжает ползти.
Мы разучились латать рукава
Рек, что руками скомканы,
Мы научились стоять стеной,
Чтобы стеной идти.

Это не правда, это не ложь,
Это зовётся гармонией,
Тень, выпадая в твоё окно,
Быстро теряет власть.
Время зовёт, а в кармане нож
Или сульфат аммония,
Мы научились бежать стеной,
Чтобы стеной упасть.

Генерал рябиновых

Грозди гулко, грязного города
Нависают квадратом кварталов,
Одичав от тоски и от голода,
Небо спряталось в окнах усталых.

И царапает лапами форточка,
И рыдает, по стёклам стекая,
Оставляя прозрачные чёрточки,
И душа за стеклом намокает.

Но вокруг собираются армии,
Шелестят, пригоровившись к сече,
Опалённый, подорванный кармю,
День распался на пепел и вечер.

Перекрёстный огонь листопада
Настигает озябших прохожих,
Залпы бьют из кустов, из засады,
Не жалея ни лужи, ни кошек.

Я иду с тополями и клёнами,
Под осколочным ветром сутулясь,
Умирать под твоими знамёнами
Генералом рябиновых улиц.

Иван НЕЧИПОРУК

Горловчанин. Шахтёр с филологическим образованием. Публиковался в журналах, альманахах, коллективных сборниках. Автор нескольких поэтических сборников. Член Межрегионального союза писателей Украины, Горловского ЛИТО «Забой» и Международного клуба Православных литераторов «Омилия», смотритель сетевого ЛИТО «Стражи весны».

Родной язык

Я люблю украинскую речь,
Но её не считаю родною,
Этот факт не даёт мне покоя —
Он завис, как Дамоклов меч.

Я был вскормлен другим языком —
Я тепло южнорусских наречий
С материнским впитал молоком.
Русской речью был вочеловечен!

Мой славянский род — равновелик,
Не объять его мерою узкой...
Я люблю украинский язык!
Но родным я считаю — русский!

***

Когда тоска моя изыдет
И растворится в светлых снах,
Я вспомню: сотню лет не видел
Дом, где жила моя весна.

На тех заросших переулках
Дома стоят один в один.
Но сердце, помню, билось гулко,
При виде выцветших гардин.

Там я почувствовал впервые
Вкус искушённого огня...
Там нынче окна угловые,
В ночи горят не для меня.

***

Уход зимы, заявленный в программе
Перенесён на неизвестный срок.
Вновь снег ложится свежими пластами.
Получен назидательный урок.
Тепла не ждать, а добиваться надо,
Огонь души в лицо зиме плеснув!
В надежде вырвать из объятий ада
Такую долгожданную весну.

Алхимия осени

Город октябрьски багров,
Окнами шурится сонно.
В горнах осенних костров
Плавится золото клёнов.

Дым обвивает дома
Лаокооновым змеем.
Стелется горький туман,
Город в угаре немеет.

Золото тает в огне,
Воздух свинцом наполняя.
Дым, от тоски замутнев,
Грустно течёт за трамваем.

***

Борьба не даёт результатов,
Я снова в плену у страстей.
Я тщетно пытаюсь куда-то
Уйти от плохих новостей.
Я снова умчался в весну бы,
И жил бы апрелем одним...
Но слышишь, как крошатся зубы,
От злости. И падают дни
Тяжёлым разлапистым снегом,
Ошибки мои затая...
Проходит как будто во сне год,
Где тает надежда моя.

Марина СУХОТЕПЛОВА

Родилась в г. Енакиево. Работала журналистом в газете «Енакиевский рабочий», на городском радио, сейчас — корреспондент газеты «Дзержинский уезд». Публиковалась в коллективных сборниках, в альманахах, в журналах «Донбасс», «Лава», «Страна Озарение». В 2007-2009 годах возглавляла Енакиевское литобъединение «Родник». Участница съезда молодых писателей Донбасса «Славянск — 2008». Член литобъединения «Стражи весны».

Творчество

Бесконечность ночей, одиночество, глупый страх
смерти,
всё, что принято прятать подальше, за крепкий замок,
размотать, и дойдя, наконец, так до самого сердца,
в сердцевине его обнаружить лишь новый клубок.
Заплести нити вновь, не считаясь с годами, настроясь
на единственно нужный, как кажется, правильный лад,
с глупой бабьей надеждой: теперь-то связала на
совесть,
с вечной бабьей тоской: не пришлось бы опять
расплетать...

Камень

Брошу камень
в прозрачную воду,
чтоб кругами растрескалась
гладь.
В сумасшедшей осенней свободе
есть такое,
что не передать
ни словами, ни музыкой.

Камень
лёг на дно, и унялись
круги.
Боль уходит, оставив лишь
память.
И вдали
затихают
шаги.

Проводи меня

Проводи меня
до остановки.
Пусть пьют машины,
ходят люди.
Пусть вокруг всё будет лишь массовой,
пусть внутри меня
ничто
не будит

дрожи или ненависти. Хватит
и того,
как я с тобой сглупила.

... Проводи меня. И пусть заплатит
осень нам —
за всё,
что с нами
было.

Шаг

От нежности — один шаг
до раскрытых в надежду окон...
И я делаю шаг — спеша —
только чтобы не быть одинокой,

и я делаю шаг — ещё?
Но свет в окнах всё дальше, дальше...
И глазам горячо, горячо
от нахлынувшей в сердце фальши.

Нить

В предвкушеньи разлуки вьюга
зарывает следы в снегах.
Мы стоим — друг напротив друга,
ну а в будущем — два врага.
Что нас связывает, что осталось?
Только нить в ослабевших руках,
чернота зимней ночи, усталость,
виноватая боль в глазах.
И не зная, на что решиться,
я стою и держу эту нить —
слишком слабая, чтоб проститься,
слишком гордая, чтоб простить.

Александр ТОВБЕРГ

Родился в 1974 в Красноармейске. По образованию — журналист. Выпустил три официальных сборника стихотворений. Печатался в разнообразных изданиях России, Украины, Германии. Участник сетевого ЛИТО «Стражи Весны».

Супрематическая история

В серой комнате есть 2 огромных окна.
В этой комнате живёт одинокий смурной поэт.
По выходным к нему заглядывает луна — —
В 3-е окно, которое то есть, то нет.

Обычно он пьёт зелёный чай по утрам,
Если с вечера пил водку и крепкий кофе.
Где-то за городом проживает его сестра,
Которая не устаёт повторять, что ему всё по фиг.

И, тут не поспоришь — это действительно так.
Всю неделю он ищет сигареты и спички,
Пока не вспомнит что он — мудака,
Год назад отказавшийся от вредной привычки.

Раз в месяц к поэту № 1 спускается поэт № 2,
Проживающий этажом выше.
И несколько суток они говорят слова,
Пока не заметят, что кто-то из них вышел

И если что-то изменится от смены комнат и тел,
Законсервировавшихся в окружность,
Один из них окажется вне пустотельных стен,
В 3-м окне, например, обнаружась.

* * *

Мы растаем словами в грунт,
И земля проникает в нас.
Чернозём, словно воздух, в грудь,
Набираем в культурный пласт.

А из нас выползает грязь,
Вылетает клубами вонь.
И слова разрушает лязг
Виртуальных железных войн

* * *

Какая летальная осень...
Какие последние дни!..
Нас ветром по городу носит,
И мы листопаду сродни.

Нам хочется выжить, и жить бы
Отсюда — и до навсегда —
До самой последней женитьбы —
Её нам не предугадать.

Беспечный диспетчер отправил
Метелицу птиц на юга,
И вслед, избавляясь от правил,
За ними мы мчим наугад.

Не нужно искать ничего нам —
За нас всё определено —
Мы в небо влетаем с разгона
И пьём золотое вино.

Какое пьянящее действие —
С тобой в унисон отзвучать,
На твой отголосок надеясь —
От вечности и — до сейчас.

Хрустальная ночь

Город Z зажигает огни костров,
И тиха и хрустальна вползает ночь
На бульвары варевом катастроф,
Карнавалом масок и плясок ног,

Шевелением рук и волос. И вот
Наползает страха тугой корсет.
И стеклом — под сердце, и там живёт,
Заставляя эльфов лететь на свет.

Сладко спящим уже не проснуться, им
Повезло головами уйти в пожар.
И бредёт brutальный Хэллоуин,
И танцуют отсветы на ножах.

За границей

Александр БЕРЕЗОВ

Г. Пыталово, Псковская обл., Россия

Родился в 1964 году. Поэт, философ, учитель иностранных языков. Пишет на русском, английском, немецком. Автор двух книг: «Дорога В Приют Богов» (Пыталово, 2008), вторая «Между Светом И Тьмой» (Псков, 2012). Предпочитает мясо, пиво и кожаную одежду. Слушает тяжёлую музыку, читает Стивена Кинга, иногда в оригинале.

Для тебя, невеста

Сшито белое платье — для тебя, невеста
Прибита подкова счастья — для тебя, невеста
Приданое собрано в кучу — для тебя, невеста
Найден жених самый лучший — для тебя, невеста

Вот идёт он — супруг твой высокий
Звенят золотые шпоры
Он фату твою приподнимет
И вопьётся в глаза глазами —
Ржут жеребцы, лают свора
Поезд свадебный мчится скоро
Торопясь из огня в полымя

Эти розы болезненно белы —
Эти розы отчаянно алы —
Пиво с хмелем перекипело
И сварилось и загуляло

Всё для тебя, невеста —
Золотой венец и колечко
По живому цепочка сковала
Его сердце с твоим сердечком
Красный жемчуг лёг вокруг шеи
Губы красные ждут поцелуя
И дразнящая речь ворожеи
Опутывает и волнует —

«Расскажи мне, к чему снится птица? —
Отчего я летаю бескрыло? —
И любимый мой — многолицый... —
И постель то рай, то могила?»

— Всё для тебя, невеста —
Ты развеешься в пух и перья
Всё для тебя, невеста —
Крылья очень громоздки в келье
Всё для тебя, невеста —
Многогранен алмаз и коварен
Всё для тебя, невеста —
Даже в ангелах дремлют твари
Замуруй своё сердце в стену
Чтоб любовь не сочилась наружу
И холодной змеей измены
Не согрелось в душе у мужа
Вот идёт он — супруг твой высокий
С плёткой, кольцом и цветами
Сороки трещат белобоки
Черви путаются под ногами —

Ворожея молвила слово
И сокрылась в плату цветастом
И подруженьки во всём новом
Жениху закричали властно —
Мол купец им нужен богатый
С золотой необъятной казною
Мол... — вперёд шагнули солдаты
И прошлись гребёнкой стальнойю
По полям — для тебя, невеста! —
По столам — для тебя, невеста! —
По полам — для тебя, невеста! —
По телам — для тебя, невеста! —

Щёлкнул плёткой — слетело платье
Обручил кольцом — где ты, счастье? —
Разбросал цветы над приданым
Стал любимым и самым желанным
Отворились в церквах иконы
Встрепенулись радостно свечи
И в воротах кто-то огромный
Возложил им руки на плечи
И голосом грому вторя
Пригласил на брачное ложе —
— Вы теперь как радость и горе
Несовместимо похожи —

Одето белое платье женихом (для тебя, невеста)
Пропита подкова на счастье женихом
(для тебя, невеста)
На чёрном златые шпоры жениха
(для тебя, невеста)
Мы отыщем нового вскоре жениха
Для тебя, невеста

Новый король

“He was born somewhere on the northern sea’s shore. His father kept silence and his mum looked and saw he had been chosen. He was spoken to taste bloody fruit of power and he heard kinda voice “Now you’re ours!” And he was caught and he was brought to the place he never wanted. And everybody said — Go ahead! And the priest took the crown saying — Hold it! And he became a King in the night of winter in the day of spring”.
The Book Of Reflections

Когда умер старый король,
Мы вычитали из книг,
Что когда придёт новый король,
Надо кричать —
Long live the king! —

Все розы и лилии,
Чертополох и клевер
Устилали ковром
Его дорогу,
А он с тоскою
Смотрел на Север
И спотыкался об пороги,
И улыбка коснулась
Губ только на миг,
Когда он услышал —
Long live the king! —

Охоты и войны,
Яд и кинжал,
Вопли толпы и дворцовый сплин
Стёрлись, когда он написал
Пальцем по пыли —
Long live the Queen!

Insektoria

У меня 100 друзей
И 100 подруг —

Летит, летит
Над землёй майский жук,
Его радары сканируют местность.
Летит майский жук,
А вокруг — неизвестность.

У меня 50 подруг
И 50 друзей —

Муравьи проводят разведку боем
В соседней лесополосе.
Они не берут пленных,
У них война на истребление.
Холод и голод
В их жёстких венах,
Они думают о
Новых поколениях.

(Мерцающий шар
Скользит по бархату,
Сшибая с орбит светлячков
И бабочек,
Спешит —
Объятья дыры распахнуты,
Манит она
Светом красной лампочки.)
Мигалка видна,
Нарастает звук —
Летит, летит
Над землёй майский жук.

У меня 10 друзей
И 10 подруг —

Зелёный кузнечик зелёный луг
Измеряет прыжками,
Блестя изумрудно —
В сочной траве
Жить не трудно.
В прыжке о боге думать не ловко —
Для этого есть
Божья коровка,
Таких, как она
Не возьмёшь на испуг...
Летит, летит
Над весной майский жук.

У меня 1 друг
И 1 подруга —
Наша жизнь будет вечной,
Пока не закончатся сутки;
Это будет любовь,

Как зрачки павлиньего глаза,
Первый звук первых слов
На нектаре экстаза
Не оставит следов

И во веки веков
С наших тоненьких рук
Летит, летит
Над землёй,
Над весной,
Надо мной,
И тобой
Майский жук.

Ночной поезд

На лице её блёстки,
И дождь бьёт по крыше вагона —
Будем знакомы,
Ляжем, уткнувшись друг в друга.
Ночи паук двигает лапками сонно —
После Питера первая станция — Луга.
На пластик стены
Ложатся чужие тени.
Они, как агенты,
Похожи на нас и на всех.
На шёпот за дверью
Настроены наши антенны.
Медленно
Липнет к губам полустон-полусмех.

Змея твоя съедена —
Капельки яда, как бусы
На шее лежат,
Повторяя вибрацию пульса.
Звёздная пыль заполнила трепетом ноздри,
Железная люстра висит
И пристально смотрит
На выводок серых мышей —
Цок-цок по полу лапки.
Топай с оглядкой,
Катай хлебный шарик по полю
И, если чуть что, —
Хватай свои шапки в охапки,
Иначе всем выпадет — ох! —
Не завидная доля.
Ведь после Питера вторая станция —
Псков... —

Отречение от престола
Ползёт из факса;
От часов
Разбитых пригоршня кусков
Легла туда, где вместо подписи —
Клякса.

Лежим, уткнувшись друг в друга —
Назад хода нет.
Наша крыша течёт,
Чёрный кот
Точит когти мурлыча —
В этой вечной ночи
Любые сны наперечёт,
Да и то с отголоском
Монголо-татарского клича.

Цок-цок лапки по полу,
По лавкам и по потолку.
Я не лгу,
Что был массой в руках Демиурга.
На лице её блёстки —
Ей страшно таиться в углу... —
Пыталово —
Третья станция от Петербурга.

Не нужна

Мои ноги длиннее подростка,
В моём декольте упругий вздох,
Но сыплется,
Как с потолка извёстка
Обида.
— Он — не принц.
Он — не бог.
Он — просто слепец в галерее,
Он — рептилия на сквозняке,
Он ползает по аллее
С фонариком в жадной руке... —

Вся любовь ушла в разговоры,
Вся нежность —
В односторонний трах,
Он изрезал меня,
Как доктор Моро,
А потом вымолвил —
Это брак.

Под чёрным стеклом —
Моя улыбка.
В пальцах цветок —
Я жду другого.
Он за семь морей,
В паутине зыбкой,
Я знаю, что он
Не осудит строго
Мои капризы и привычки,
Мой тайный голод
И явную жажду;
Он прямую речь
Не возьмёт в кавычки,
А я — извинюсь
И всё улажу...

Письма летят
Мгновенным импульсом,
Сутки стекают
Щелчком под пальцами...
Между логосом и
Куннилингусом
Есть что-то общее
И мне это — нравится... —

Мои кольца рассыпаны по столу,
Горит окно,
Я тиха и нежна;
Только дверь входная
Скрипит и хлопает,
И повторяет —
Не нужна...

Уже не трус

Я продал серый Volkswagen Golf —
Я купил синий трактор Беларусь —
Не потому, что я был ноль,
А потому, что я был трус.
Будь я чуть смелей,
Я б угнал КВ-2
И ровнял бы асфальт
Оголённым траком,
Весь дубовый бы лес
Перетёр на дрова,
И мёртвые реки
В живые овраги
Впустил бы для
Обновления крови,
И первым снарядом
Пощупал грудь славы —
Хотел бы... но не велят
Мои коровы,
Жующие гравий.

Трещит кукуруза,
Хрустит ячмень,
Пыхает тесто,
Булькает пиво —
Живой огонь
Сеет мой
Кремень.

Я еду домой,
Где (я знаю!)
Все живы.

Елена БЕРСЕНЁВА

Новосибирск, Россия

Змейка

Девочка-спринтер, девочка-истеричка, девочка
«ах как кружится голова», чай, шоколад, трава,
сигареты, спички, секс, сигареты, кофе, опять трава.
Девочка «как же ты мог, скотина!», девочка-насмёрть,
девочка-навсегда, праздничней и увертливей
серпантина, девочка-лето, девочка-холода.

Девочка-сказка, девочка-незабудка, девочка-бантик,
змейка петлей на шее. Змейка царапает вены и трусит
жутко, если ты вдруг не успеешь прийти за нею.
Девочка любит тебя до конца недели,
смотрит прогнозы, ночью тебя встречает.
Девочка верит, всерьез тебя изучает, знает,
куда побольнее всадить занозу.

Делаешь вид, как будто не замечаешь.

Ты весь такой серьёзный, большой и сильный,
мачо с мобильной трубкой, ленивый, сука,
ты пропустил свиданье, она просила, ты не пришёл,
даже не позвонил со скуки.
Девочка дура — ждёт тебя у окошка, молча тоскует
и ничего не просит, как-нибудь бросит:
«всё, задолбал, расстались!», ты удивисься
и тут же найдешь другую.

Жить будешь так, как будто и не встречались.

Змейка оближет сгущёнку лениво с ложки, скажет: «неважно, я уже не ревную», дёрнет за раму и молча шагнёт в окошко.

QIP

Мальчик девочку целует — трепещат смешно косички.
Я в ответ рисую смайлик, улыбаюсь по привычке.
Мальчик девочку целует, щеки розовеют ало: —
Как с работой? — Опоздала. Задержалась электричка,
обманули светофоры. Как ты? Где ты? — Я приеду.
Я приеду очень скоро.

Мальчик девочку целует — у меня дрожат ресницы,
за окошком ветер дует. — Что, опять тебе не спится?
— Да взяла работу на дом, там осталось две страницы
(мне не спится, мне не спится — я хочу тебя увидеть,
мне не спится — я считаю дни, часы до воскресенья,
сумасшедшая слепая блажь под дождиком осенним) —
Не грусти ...

— Не грусти, до скорой встречи... *БЬЁТСЯ КРАСНОЕ
СЕРДЕЧКО* ... *CRAZY* пробки на дорогах...
не успею... мерзнут плечи, кажется простыл немного
... знаешь, я совсем случайно... а вчера во сне увидел...
ладно, крошка, не печалься, через две минуты выйду...

— Ночь уже, какого черта до сих пор ты на работе? —
Да, заказчики, отчеты... там засада до субботы...
в воскресенье не приеду, извини, принцесса, *SORRY*.
Мальчик девочку целует — за окном труба и море.

Смайлик плачет, вытирает слезы розовым платочком,
держит мальчик виновато руку тонкую с цветочком.
За окном труба и море, с синим небом, теплым ветром.
Мальчик девочку целует — между ними — километры.

Безнадёжно разные

Без десяти, я почти опаздываю,
Все светофоры мигают красными,
Ругаю шофёра словами грязными,
Грубая я, прости.
Знаю, что грязная, тушь размазана,
Ты не дождёшься, мой ласково-страстный,
Приготовления были напрасными,
Опаздываю, без десяти...

Знаю, что мы не подходим друг другу,
Мы не подходим друг к другу на выстрел,
Начальник и тот говорит мне: — «Выспись!»,
Я отвожу глаза.
Месяц я пью витамины пачками,
Но знаю, что если поманишь пальчиком:
К чёрту красивых и нежных мальчиков —
Я однозначно за!

Знаю, что грязная, тушь размазана,
Мокрый свисает мой шарфик вязаный.
Знаю, что всё между нами сказано,
кроме «пока-привет».

Мы безнадёжно с тобою разные,
Но хочется, хочется, хочется праздника!
Мне короли судьбою предсказаны,
Ты же — бубновый валет.

Я за чертою любовной бедности,
Ты никогда мне не клялся в верности,
Я позабуду тебя из вредности,
Истинно — к праху прах.
Я зажимаю в руках истерику:
Сколько ни плакать — всё будет мелко,
И карамелька хрустит потерянно
В белых твоих зубах.

Кошки моей подруги

Кошки моей подруги — летающие предметы,
Они свободны как ветер,
Танцующий буги-вуги
В зелёных смешных штиблетах.

Подруги моей подруги приносятся в жертву кошкам.
Раскладывая их по плошкам,
Она вытирает слёзы, прикуривая сигарету
И стряхивая в урну пепел.

Мужчины моей подруги, которые несъедобны,
Совсем не боятся кошек
И могут дышать свободно,
Подкармливая их из плошек и ремонтируя мебель.

Соседи моей подруги, которые не мужчины,
Совсем не выносят кошек, и этому есть причины.
Они, дожидаясь ночи, спускаются по деревьям,
Приносят котят в лукошках и там оставляют под
дверью.

Котята зевают тоскливо, их любят безумные кошки,
Хозяйское тёмное пиво в ночи разливая по плошкам,
Хозяйка сидит в Интернете: ей мальчики пишут
красиво —
Хозяйка идёт на свиданье, а кошки молчат терпеливо.

Солнце

Просто сидеть и, сжав кулаки, считать: «Десять...
девять... »... сейчас он появится... пройдёт по сердцу
тяжёлыми башмаками, скажет: «Привет, красавица!»,
небритой щекою коснётся твоей щеки.

Потом отвечать, набычившись, хмуро, сегодня ж утром
решила, что вы расстались, прятать улыбку, идти,
держась за его рукав понуро, ведь знала же, дура,
что опять растаешь.

А он будет солнце ловить зубами, вгрызаться в него
как в пряник, а после вскрикивать во сне, и ты вдруг
понравишься его маме, и он закидает тебя звонками,
когда ты решишь отсидеться в оффлайне и молча
повсхлипывать в тишине.

А утром он буркнет: «Иди отсюда!», и сам выйдет
в кухню помыть посуду, ты будешь шептать: «Никогда
не буду!..», спотыкаться, захлебываясь слезами
в чужом подъезде. А после опять будет: «Десять...

девять... »... ты будешь зажмуриваться и верить, и чтоб не сорваться, считать проходящих слонов, чтобы вышло двести.

Печально складывать оригами, весеннее солнце ловить губами, и отвечать на звонки его маме, улыбаясь бессовестно его невесте.

Сны

Он приводит любовниц в дом,
садит за общий стол.
Наливает им яблочного вина,
хвалится:
— Настаивала жена, улавливаешь аромат?
Она
чувствует себя счастливой.

Обе его матери с ним нежны,
Его дочери послушны и холодны,
Его руки сильны,
Его дела важны,
Он не видит сны.

Его кошки
приходят на кухню к нему урчать.
Она, чуть касаясь его плеча,
говорит: «Доброй ночи»,
скрывая печаль.
И уходит в спальню.
Он — никогда не спит по ночам.

Снежная

Время летит, подгоняет сани, снова Зима, Зима...
девочка в шубке стоит босая — видно сошла с ума.
Время летит, подгоняет сани, время кусает, рвёт,
девочка в шубке стоит босая вот уж который год.

Не торопись, схоронись от ветра, руки согрей в тепле,
некуда ехать, сестрёнка Герда, братец твой — на игле.
Герда встаёт, ей опять не спится, жилка стучит в виске,
так еле слышно пищит синица, сжатая в кулаке.
Дома у Кая жена и двойня, кот под рукой сопит,
так ли нужны тебе эти войны? Спи, дорогая, спи.

Герда спешит, наряжает ёлку, пальцы её дрожат,
тускло блестят на полу осколки маленьких медвежат.

Время летит, уголки отбиты, братец совсем седой, злой
Дед Мороз затрясёт сердито спутанной бородой.
Герда встаёт, надевает шубку, Герда выходит в лес.
Девочка, спи и не мучай трубку — незачем ждать чудес.
Герда бежит, вот и лес, ёлки, ей бы на пару завыть
с волком, ей бы забыть, только что толку...

— Сержант, что там у вас? Что случилось?
— Да дура какая-то сумасшедшая под колеса выбежала,
чуть не сбил...

Зимой жить не надо

Зимой жить не надо —
Зимой надо спать.
В натопленной берлоге
Под старым одеялом.
Пусть будет телевизор
И жареной картошки
Большая сковородка,
А к чаю непременно
Полкружки коньяку.
Зимой жить не нужно —
Зимой нужно верить,
Шептать по телефону усталое «люблю»,
С угрюмой толстой кошкой
Мурлыкать на коленях.
Я дверь на ключ закрою
Ключ выброшу в окошко...
Зимой будет страшно —
И я её просплю.

Апрель

От блядей никуда не денешься,
Дверь закроешь — в окошко ломаются.
А за дверью — Весна-бездельница,
За берёзой — тропинка-скромница
Выйду в поле — валяться счастливо
Джинсы новые пусть промочатся.
До свиданья, мой милый-ласковый,
Здравствуй, тёплое одиночество!
Закурю сигаретку кислую,
Закушу печенюшкой сладкою.
Белки наглые смотрят искоса,
Всё ругают меня украдкой.
Всё ругают меня неистово,
Всё грозятся убить и высушить.
Буду жить у дедов на выселках.
Высылать вам работу письмами.
Заведу огородик лысенький,
И козу назову Инфляцией.
Приезжайте ко мне с ирисками
Песни петь на моей плантации.

Пить, валяться, ругаться матами...

Владислав ЗУБЧЕНКО

Оренбург, Россия

Пожарный, журналист, подполковник в отставке. Автор многочисленных статей в местных и центральных газетах и журналах о пожарных и спасателях. Не состоит ни в одном союзе, обществе и т. п., потому что сам по себе.

Близнец

Мы с ним с детства очень похожи,
тот же голос и та же стрижка —
часто путали нас, но всё же
мы с ним разные, так уж вышло...

Он упрямей меня и злее,
он с попутным не ладит ветром...
Он в ночи собирает звенья
разлетевшихся звезд и верит...

Что зажжёт их на небе снова —
потому что кому-то нужно
отыскать в темноте другого,
потому что теплей и лучше...

Если мир говорит стихами
о простом и о самом важном...
Мы с ним разными временами
проживаем, как будто дважды...

Он, конечно, не понят мною,
и хотя мы чужие слишком,
я веду его за собою...
Или он меня — так уж вышло.

Выходи поиграть

«Выходи поиграть, нам тебя не хватает, ты слышишь,
Отложи «на потом» все уроки, кино, выходи!»
Во дворе, сколько помню, себя я не чувствовал лиш-
ним,
я играл хорошо и на драку вставал впереди...

Может только и важно с чего мы и как начинали,
забивали мячи, кулаки разбивали и рты...
Те, кто шёл позади, наконец, безнадежно отстали,
пропуская бездарно удар за ударом судьбы...

Мы играли навывлет, меняя дворы и команды,
позже — женщин, друзей, каждый раз побеждая
других...
Но сейчас, когда нам «сорок пять», почему мы не рады
если рядом бегущий споткнулся на скользком пути...

Почему замерев, я, глухой от победной литавры,
тщетно силюсь услышать дыханье отставших былых...
«Выходите играть! — я кричу им, — мы снова на
равных
начинаем игру... » А вокруг — ни своих, ни чужих.

Первый бал

В колокола, во все колокола
звоните — начинается веселье...
За шлейфом — паж, с запяток — прыг, лакеи...
Кареты, лошади — всё будет до утра...

Пусть танец сбросит с юных плеч озноб,
пусть чувств корсет скрыт терпеливой страстью...
Неверен, нарочит и неподвластен
небрежный книксен молодых особ...

Он вновь нелеп, заученный урок,
с коленок дрожь сожмёт до боли пальцы...
И кавалер замрёт фигурой вальса,
и, кажется, что музыка убьёт...

Всё вспомнится сквозь много долгих лет,
когда захочется кружить обратно
тот первый вальс, неправильный, невнятный,
в пустынной зале, вместе, в тишине.

Зарисовка из лета

Ты не поверишь, но так и бывало:
город с рассветом лучами искромсан...
Свесившись в ряд к мостовым головами,
спят фонари, спрятав лица от солнца...

И умываются светом фасады
до необычного серого блеска...
Город мерцает вдали за волнами
призрачно-трепетной знойной завесы...

И раскаляясь, звенит каблуками,
высохнув снова до капли к полудню,
спрячется в тень за своими домами,
веря в дожди к середине июля

Уходящие безвозвратно

Уходящие безвозвратно,
вы по-прежнему мной любимы...
Я храню все свои утраты
в отболевшей душе доньне...

Я, как — будто, мудрей и строже
с этой памятью...
Вот мне снится
друг, который меня моложе,
я почти забываю лица...

Мы с ним оба, как — будто, живы
здесь, на том или этом свете...
У него тут другое имя,
он смеётся: не будет смерти!

Просто где-то меж жизнью мимо,
знает путь он туда — обратно...
Просто всё ещё мы любимы,
уходящими безвозвратно.

Роман ИВАНОВ

Москва, Россия

Родился в 1987 году. Директор фирмы ООО «АБК-Стандарт» (торговля электротехнической продукцией). Первые пробы пера — 2005-2008 гг., писал тексты песен. Начал писать стихи в 2011 г. Публикуется на сайте 33b.ru.

Четыре часа утра

Где стрелки умер пульс на четырёх,
Где плавала, мерцающая чешуёй, —
Всплыла... Вода стекала с крыш,
И все ручки к коллектору сходились —

Мерцали блики на стекле витрин,
Мелькали капли, сигаретный дым
Стелился... Серебристая, лежишь,
Спиной к стеклу. Часы остановились...

Глаза закрыты плёнкой. Запах!..
На площади. В канавах. В подворотне.
И в каждой луже мерзостная вонь!
Мгновенный вызывает спазм который раз!..

Бежать! Укрыться! Город-гроб!
Аквариум протухших мёртвецов!
Силентиум! Пустыня! Слейся на хрен!!!
Закашлялся, и, сглатывая кровь,
Как рыба на боку плыву... себя не понимаю...
Теченье... вынесет... авось!..

Про квадрат

Приснился мне во сне Малевич,
Он всё показывал квадрат,
В косяк не влазил Собакевич —
Пелевин затануться рад...

И Кафка с Гоей словно братья,
Обнявшись, выли на луну,
И Жанна плюнув на распятыё,
Ушла в Столетнюю Войну...

Бетховен словно Паганини,
Сальерил суп на Альбинон*,
В наацетоненной картине
Смешалась липа и канон...

Бальзак на соль насыпал раны,
А Мопассан Золил Флобер,**
Да, пушкой можно строить планы,* * *
Утратив время полумер* * * **

* Спасибо Ditto

** Спасибо censeo

* * * Спасибо aha220

* * * * Спасибо LudmilaList

Сквозь тернии...

Венцом терновым не кичась,
Я, китч терпеть, не возвышаясь,
Себя заставить не посмел,
Пусть маргинально, (как умел)
Но всё же был предел рассчитан,
И смысл переплетенья тел
Мерцал потерянно-тоскливым
Как свечки тонкий огонёк,
И публика дрожала в предвкушенье
Изученных стократно, всем известных дел...

Что дальше? Было ли затмение?
Я вам поведать не готов,
Кичась запретами оков, которыми себя опутал,
Я, прыгнуть выше головы, укрывшись зонтиком
цикуты, хотел,
Но как всегда цикуты чашу пил до дна...

Про мясо

Инстинкты расцветают пышным цветом
Раффлезия — любимый твой цветок,
Скафандр есть! Ракету мне, ракету!
Последняя надежда на восторг...

Ищите да обрящете — в парашу!
Лизал паркет — выплёвывал куски —
Нашёл к утру последнюю пропажу,
Поклажу, лажу, лодку, две руки,

Играли. Фортепьяно. Свечи. Ужин.
Три Оли глухо шлёпнулись в триоль.
Тире — намёк. Я никому не нужен!
Пусть рвутся струны! К чёрту канифоль!

Мне не нравится дождь...

Чёрной тенью помойной крадусь по тропинкам
уснувшим,
Шелестит ветерок из парадных под шёпот дождя,
Мне не нравится дождь и слепящие блики на лужах,
Фонарём обожжённый в глазах оцетинился мрак.

Ты мне дверь отвори, ты поставь мне блестящую
миску,
Пару рыбных голов, пару ломких надежд на обман,
Дай прозрачной воды, приласкай ты
бездомную киску —
Мне не нравишься ты, мне не нравится эта весна...

Отвори мне окно, я войду, чтобы высушить душу!
Но погашен светильник как тонкий намёк на отказ,
Мне не нравится дождь, пробежавший по мартовским
лужам
И нелепый фонарь... высекающий искры из глаз.

Назад в будущее

Когда впадаешь в декаданс,
Ты вспомни гордых пионеров —
По щам лупил их в преферанс,
На речке Яузе у сквера.

В цепях поплёвывал не раз!
Пускай! Отмечено в анналах,
Что развалился тарантас,
В зелёной мякоти бульвара!

И пусть кругом лущуют нас —
Не мы нужны — не стоит плакать!
Что мы сегодня? Что сейчас?
Кому чудим? С кем лезем в драку?

Не много ль толка? — Знаешь сам...
Себя жуём — такие нравы...
Кто третий? — Раб! Четвёртый? — Хам!
Прости! Обидно за державу!

Две минуты волны

Полдень жаркого лета. Песок. Раскалённые камни.
Две минуты волны — обжигающий пляс чайных
брызг —
Три секунды на взлёт в ослепительно-белом сиянье,
И четвёртая жизнь — словно чей-то наивный каприз.

Разгорается сердце, невинным пороком согрето;
Разрывает узор отрешённости чья-то слеза,
Мы — усталые мысли размытого ливнями лета,
Мы — печальные блёстки на спицах его колеса...

И снова о любви

Иммунность лбов ранимых Ахиллесов
Безбожнику твердит высокопарно:
«Что есть любовь? — Набор простых рефлексов,
Умноженный на этику скалярно.

Какие драмы! Сколько слов избитых —
В цветастой парандже линейность штампов;
Затравленность от поисков орбиты,
Где властвуют клише и дифирамбы!

Чему смеёшься вновь, певец за сценой?!
Высокопарный тон стращает, режет?!
Не веришь? — Часовой любви бессменный,
Глубок твой сон строптивного невежды...

Ты в это веришь: завтра только праздник?
И счастье всем? Без всякой меры?! Даром?!
Удостоверишься, унылый страдник,
Но будешь нем — проколот насмерть жалом!..»

Геннадий КРЕЙМЕР

Ганновер, Германия

Юдифь

светлеет утро. ты одна
(на лоб врага ступив зачем-то)
стоишь мечтательно-нежна
под свежим небом чинквеченто.
ты улыбаешься... чему?
победе над халдейской скверной?
или разгадываешь тьму
в немой гримасе Олоферна?
или подумалось о том,
как (и занятно и досадно)
у Караваджо ты потом
менадой будешь кровожадной;
а поздней, пасмурной порой
австриец выставить посмеет
уж не Давидовой сестрой,
а декадентской Саломеей.

Анна МАРТЫШИНА

Пенза, Россия

Образ жизни

По арбузному небу заплатами
Расползтись и воскреснуть котом,
И в ногах у старухи Ахматовой
Размурлыкивать вымерший дом.

Грызть лимонное лунное зарево
И сверчков в ледяном молоке...
И себя по чуть-чуть разбазаривать
В продавце, подлеце, батраке.

Верить рыхлому вороху прошлого,
Каждой ржавой иголке в стогу,
И лепить из себя мороженое
На бегу.

Город

В февральском небе радуги качались
И сыпали подтаявшими снами.
Ты рос вокруг предчувствием цунами,
И грянул. И столетья затрещали.

Смотрели люди грустными грачами
Сквозь лабиринты старой штукатурки.
А мы сосредоточенно молчали,
И от молчанья плыли переулки.

И от молчанья выпадали звёзды,
Слипались обожженными частями
И полными, горячими горстями
Швырялись в ямы, тюрьмы и погосты.

А мы инопланетными гостями
Восторженно разглядывали Город,
Базальтовый, с проплешинами ночи.
В сугробах просыпались мандрагоры,
И мир рождался, мягче и короче.

Иероглифы

Трубками, тряпками, лепкой апокрифа,
Мягкими всхлипами в мутной воде
Лезут в пустые глаза иероглифы,
Скалятся на листе
Неба, горбатого летними звёздами,
Сонмами надчеловеческих идиолов —
Выросли в лилиях облачной простыни
И пустозвонными грозами выдали
Тварную суть своего воскрешения
Сквозь человека — в останки развития.
Снегом развеялись.

Чувствуешь жжение
Где-то в антенках под корочкой лития?

Флаг

Колобок в небесах наг,
Золотая звенит ложь,
А моей головы флаг
Насадил вчера на нож.

Что ни радуга, то овраг,
Что ни танец — глухая боль.
А моей головы флаг
Сожрала ледяная моль.

Ритуально жужжит зной:
Перегонка смерти в зарю.
Воскресившему голос мой
Расскажу, как внутри горю.

Зародивший во мне гром!
Ласков город Твоих слов,
Как затерянный космодром
На планете семи ветров...

Голубикой немой стань,
Забери в корешки снег,
И свободой меня рань,
Прорастающей сквозь смех.

Глаза работа

созвездие рыб мёрзлое
стеклянными спит грушами.
но вот человек, ёрзая,
меняется с ним душами...

но вот в тишине холода,
в немой пустоте хаоса
родного, земного города
трепещет нелепость страуса.

трепещет живой радугой,
смертями, от вечности спасшими,
хрустальным костром Ладоги
и праздником в Простоквашине...

и ярче — огня линии,
и чьей-то души хоботы,
и небо земли синее
в огромных глазах робота.

Плывём

Бусинами золота ночь течёт
сквозь шелковистую соль слов.
Парус берёзовый наперечет
знает глубины рвов.

Ряска на брюхе, покой наг,
Колокол лечит ломов сталь.
Видели: в небе застыл враг,
лязгают сны о Грааль.

Тянет уйти, но воды нет —
Клейкая слякоть живой тьмы.
Вязнут хвосты остроносых комет,
режут стекло кормы.

Розы глазниц серебрят страх...
Сухо хрустит в голове соль.
Видели: небо стоптал Бах,
Солнце — мозоль.

Андрей НАСОНОВ Краснодар, Россия

Насонов Андрей Иванович (NaZoN) — поэт, родился в 1978 г. в п. Уташ Анапского р-на, Россия. Закончил биофак КубГУ, по специальности — микробиолог. Проживает в Краснодаре. Старший научный сотрудник Краснодарского НИИ сельского хозяйства. Лауреат литературных конкурсов «Поэт Декабря» (2002, 2007) краснодарского городского клуба литераторов «Гамбургский счёт», краевых: «Глагол» и «Голоса Надежды». Публикации в журналах: «Арион», «Юность», «Дети Ра», «Слово», «Российский Колокол», «Луч», «День и Ночь», «Студенческий меридиан», «Черновик», «Заповедник», «Дарьял», «Южная Звезда» (Ставрополь), «Новый Карфаген» (Краснодар), «Микролит» (Гулькевичи) и др.

Илья

Снова небо сыплется белою крошкой.
Лишь бы сбылось и судьбоносные странники не
околели.

Ты лежишь который уж век и в окошко
пялишься, а в нём всё дымка и дорожные колеи.

Вместе с тобой лежит твоя распластаннейшая Родина,
лежат железнейшие её дороги,
лежат заводы, стоят заводы, плакаты содраны,
не ходят ноги.

Или печь поедет или всё же ты слезешь с печи,
доползёшь до ведра, достанешь до ковшика.
Некому больше по храмам затеплить свечи,
небо божится крестиком коршуна.

Сломано всё, что только можно было сломать.
Господи, что же может быть ещё впереди!
А он улыбнётся и скажет загадочные слова:
«Встань и иди!»

* * *

Тамтамы издаലെка глухо, но цепко,
у самого виска бум-бум в крови.
Это Весна передаёт из самого центра,
что пришло время царствия травы.

Вот она повесила листок растерянно,
зелёный декрет на серой стене небесной:
вся земля — прущим из всех щелей растениям,
всё небо — заострённым пернатым песням.

Ты линяешь, скидывая одежду как кожу змеи.
Она высадила тебя на неизвестно каком берегу,
где причудливым узором насекомого мира пигмем
навстречу бегут.

И ты ждёшь и гадаешь, что дальше будет,
когда они придут и джунгли растительных тел
сковырнут кирпич и асфальт. Это тихий бунт
природы против тебя — несносный Чел.

Ты очнёшься где-то у гаражного задника.
В голове тамтамы, Весна, обернешься, мало ли...
и с надкрылий сидящего на плече клопа-пожарника
глянет на тебя кровожадная маска маори.

* * *

Заметелила мелом доска.
Сколько лет высветляешь тьму?
Но мы все прошли через эти наскальные
письмена и научились письму.

И как памятник тёмному детству —
этот чёрный квадрат.
Нам всё время хотелось деться
куда-нибудь в аккурат

мимо школы через ограду
в поле, где кричал футбол.
Строгость родителей добавляла градус
свободы и дарила ременную боль.

Мы боялись, как выстрела, вызова
к доске, к барьеру. Кто же смел?
И выложивши всё, что вызубрили
первыми ложились в мел.

Учитель-шаман поседел.
Заметелила мелом доска.
Мы с тобой стоим по сей день
перед ней, не зная, что сказать.

Доска расширилась до пределов
и мы шагаем за её край.
Мы снова, как в детстве, измажемся мелом —
может, нас пустят в рай.

Ночной пейзаж с рассветом (Анапа)

Здесь тополь стоит — Афродита Милосская,
лишённый ветвей, отбитых ветрами,
и море ночное, прошито полоской
от двери открытой, не видимой нами.

Ты слышишь, шипит под ногами змеистый
прибой, не знавший камней и рифов,
бросается в берег, злой и неистовый,
но катится вниз, ибо труд сизифов.

Шелест песка под носом триремы,
уткнувшейся в берег, и раковин хруст.
Холод испуга и веточки тремор,
но ветер приходит, свободен и пует.

И вновь тишина, всплеск далёких звёзд.
Греки ушли с головою в землю.
Ловишь ускользящей тайны хвост,
но вода успокоилась и мерно дремлет.

Вода успокоилась и прибывает.
Непотопляемо только луны пятно.
Так и с тобой иногда бывает:
переполняешь и тянешь на дно.

Ночь коротка, прибой каскад.
Время уходит, через море махнув.
Кто-то, так и не закончив рассказ,
ушёл, настезь дверь распахнув.

* * *

И когда солнце снова
возлюбит землю,
из земли-темницы
выйдет трава,
зелёная скромница:
ушные раковинки листочков
божьи коровки — клипсы...
и предъявит свои права
на земную поверхность
истинная царица.

Покроет поля, пригорки,
залечит зимние раны зелёной,
спрячет жука и ящерицу,
задвинет потаённые ящички,
разобьёт стекло
в заброшенном доме,
разорвёт асфальт и стены
и в прихожей
новый коврик застелет.

И если её потопчут люди,
она оживёт поднимется
и в земле лежащего
укроет царя природы
и согреет его, и возлюбит.

* * *

Ветер ищет распятую на крестовине ткань.
Для чего в нём это кипенье страсти?
Чтоб дойти до точки, упившись свободой вселянь
и упёршись в парус, вынянчить странствие.

Он нашёл странника, хрупкого странника
и напоил собой его душу.
Сухой листик отправился. До белого праздника
будет лужу уютжить.

Ольга ОЛГЕРТ

Кёльн, Германия

* * *

Сегодня погода, наверно, такая:
Высокие тучи плывут беспечально,
Сегодня в себе и других принимаю
Всё то, что когда-то казалось мне дальним:
Разлуку с любовью, что длилась годами,
Болезни,
(Кричу: до сих пор ведь живая!)
Смотря, как прохожий — венец мирозданья —
Идёт под окном —
Я его провожаю
Влюблённым и полным прощения взглядом.
Куда ты идёшь, мой сосед по планете?
И шурю на солнце
И думаю — надо ль
Мне ждать, что ответит он...
Вряд ли ответит...
Ведь он, как и я, этим утром осенним
Живёт, небесам и земле сопричастный.
Сегодня — особый ноябрь, — воскресенье
Души, что так долго готовилась к счастью.

* * *

Я видела тебя сегодня с ней,
Ты шёл в обнимку, —
С чьей-то новой книгой,
Висел туман,
И жизнь плела интригу,
И день казался шире и длинней,

И плавилась воздушные сердца
Вечерних звёзд,
И ночь не наступала...
И прятались сомненья по подвалам,
И жизнь, казалось, будет без конца

Дурачить нас,
Но вот подул Зюйд-вест,
Погасли голоса пустынных улиц,
Ушёл во тьму туман,
И я проснулась
С тобой
в одном из кемпингов небес.

Где длились голоса немых стихий,
И кто-то облака на небе двигал.
Взошёл рассвет,
И я открыла книгу —
Там ты читал во сне мои стихи.

* * *

Сколько ни расставайся —
Вернёшься в дом,
Тот, где на полках признаний дрожат цитаты
Мы их придумали, время — зальёт водой,
Тёплой, журчащей, степной, дождевой, крылатой
Песней своей,
Зазвучит тишина листа
Сном музыканта, открывшим ворота в Бремен...
Время бесстрашно, попробуй сегодня стать
Выше, чем время...

* * *

Когда увидишь свет в своём окне,
Полночном, там, где звёзды выходили
Гулять в траве, где лица стройных лилий
Светили до утра тебе и мне,
Где листья собираются на шум
Моих стихов, узнавших привкус лета,
Когда увидишь свет — не бойся света,
Ты знай, что это я тебе пишу.

* * *

Я знаю эти письма наизусть,
В них ты меня целуешь и ругаешь,
И я, игрой в слова пренебрегая,
Ещё шепчу: «вернусь к тебе, вернусь... »

Вот речь твоя к моим предплечьям льнёт,
И сердце по невидимым каналам
Плывёт в твой мир, где раньше я летала,
И с губ твоих снимала тёплый мёд.

Я знаю эти письма... говорят,
Что в почте электронной мало толку,
Но сердце ходит ночью в самоволку
Не месяц, нет, — столетия подряд.

И вот опять — таинственный конверт, —
Открыть его? А вдруг там снова, снова,
Твой голос, безрассудством окольцован,
Шепнёт: «вернись!»
И я кивну в ответ.

* * *

Давай обманем снегопад,
Соединив сегодня рифмы
Дождей, что прячутся в сердцах
Прохожих, едущих в метро.
Давай вернём его назад —
Во времена беспечных римлян,
И выпьем что-нибудь за снег, —
Горячий смех, горячий ром.

И мы простим — за дождь, за град,
Несовершенство жизни этой,
Где мокнул крыши наших душ,
И радость прячется от бед.
Давай приручим снегопад,
Строкой, целующей поэтов,
И может быть, когда-нибудь
Я приручу тебя к себе.

* * *

Так уж у нас, у влюблённых, заведено:
Мучить друг друга, бросая в колодцы света
Сорные фразы, а после — болеть виной,
Вслух повторяя как мантру: «ну где ты, где ты?»

Так уж у нас, у влюблённых... но хрупок миг,
Тот, за которым прощенье уже не лечит.
Здравствуй, мой ласковый гений и мой двойник,
И — до свиданья, мой самый опальный встречный.

Ксения ФОМИЧЁВА

Токио, Япония

Венеция

Венеция склонилась надо мной,
как Бог — над райским садом.
Мне ничего не надо.
Господи,
мне больше ничего не надо, —
лишь этот город, ночь,
каналы, сны,
бесчисленные церкви
и вёсны
несмелый первый вздох.
Когда-то Бог
создал всё это:
море, дождей, львов, —
бесценный город
среди городов
Италии...

Новый Орлеан

Чудесно резной,
как французские кружева...
С тобой я поняла,
что была не права,
когда в детстве хотела
жить в Париже.
Поверь мне,
Новый Орлеан,
ты ближе
Парижа,
Лондона
и всех других:
обычных и прямых,
и серых...
Ты отличаешься от них,
как пропасть отличается от меры.

Позволь мне пить тебя и есть.
Такая честь
ходить по твоим улицам
резным
и не таким,
как все.
Забуду насовсем
о жизни той — другой,
где нет тебя,
и кружевом твоих домов
расшитых снов...

Мексиканский залив

Соль — браслеты на смуглых руках.
Океан, я видела тебя в снах.
Ты был мягким, как шёлк,
ты был тучным, как вол,
ты был...
Ты меня не любил и не знал.
Я узнала тебя даже в снах.
Мексиканский залив,
ты — алмазы в моих волосах.
Ты текучий, как шёлк,
ты могучий, как вол,
ты сильнее и прекраснее всех.
Если скажешь: «Пойдём», —
я останусь с тобой насовсем.

Тигриный хвост

Моё сердце падает,
как персик от ветра,
при виде тебя.
Стараюсь незаметно
осмотреть всё:
руки, волосы...
Тобой исколота
душа моя,
как иглами звёзд.
Мелькает мысль,
как тигриный хвост, —
опасная мысль
в джунглях разума:
«Что, если?»
Но ничего не сказано,
и ты не знаешь,
что держишь в сетях
мою нежность,
как рыболов.
Так много углов
в твоих словах,
а в моём сердце
так много теней
и слов,
тебе
не сказанных.

Ночь

Звёзды впиваются иглами в небо,
ночь намела Гималаи из снега,
тени, как тигры, жёлты.
Пахнет листвой, что осталась от лета,

пахнет тобой — на другом краю света.
Если б мы были на ты...
Если б мне знать, что ты ждёшь меня где-то:
в тигровой тени, в Нью-Йорке, в рассветах, —
было бы проще в сто раз.
Я не прошу. Гималаи из снега.
Мне бы на них, или прямо на небо,
и чтобы ты меня спас.

Приди

Приди и принеси в ладонях ночь.
Она укроет покрывалом вышитым
с лицом Всевышнего
и звёздами по краю.
Любовь не знает
до конца и Он —
Хранитель душ
и Часовщик времен.
И ночь, поверь мне,
до конца не знает
ни тот, кто пил её до дна,
ни тот, кто доходил до края,
ни тот, кто брал или давал взаймы.
Приди и принеси в ладонях тьмы.
Мы будем пить её и есть,
и я узнаю,
что жизнь дана нам как дорога к раю,
но ночь длинна, и в рай идём не мы.

Когда цветёт вишня

Говорят,
когда цветёт вишня,
злые духи уходят,
смеётся Всевышний,
и воды
всех рек так нежны...
Пусть поводов больше
не будет у нас для войны,
и дети не будут бояться,
и страшные сны
не приснятся
уже.
Пусть ценится больше
письмо, чем яйцо Фаберже,
и в древнем Киото
сандалии громко стучат
мостовой...
Ты будешь со мной,
и вишня век будет цвести,
и мы позабудем
такие слова,
как «прости»,
«разлука»
и «боль».

Доспехи с лицом любви

Когда любовь приходит,
она берёт нож
и режет твою душу надвое,
а ты делаешь вид,
что не замечаешь,

и живёшь,
слушаешь Баха,
улыбаешься при встрече.
Только больше не важно,
где правда,
а где ложь,
и не становится легче,
потому что старая жизнь,
как рубаха,
теперь мала тебе,
и ей на смену
пришла вечность, —
доспехи с лицом любви.

Твой взгляд

Победит тот,
кто пойдёт до конца, —
так говорят.
Я вспоминаю
твой взгляд
в пол лица,
которым ты меня
охватываешь,
как полотном,
одеваешь,
как в кимоно,
в слой ткани и любви,
а затем раздеваешь.
Я говорю: «Помоги»
раз за разом,
и ты помогаешь,
мой волшебник,
и все мои фразы
написаны твоими
почерком и чернилами.
Нежность —
этот вечный кочевник —
пришла и разбила
шатры в моём саду,
и я опять иду
к тебе с любовью,
написанной на лице
заглавными буквами.
А победит ли она
в финале,
в самом конце,
я узнаю,
когда дойду.

Картины Jeanne Rorex-Bridges

Я закрою глаза
и увижу картины,
где зелёные луны
глядят быстрые спины
коней,
и красавицы звёзды
собирают в корзины.
Их монгольские лица
не знают теней
и любви.
Если будешь проездом,
зайди
в старом городе

в лавку картин,-
не увидишь мужчин,
только женщин
светлей полотна.
Их купала весна,
и в ладонях держала луна.
Их кофейные скулы
не знают ни смерти,
ни дна.

Мария ХАМЗИНА
Екатеринбург, Россия

* * *

Мы не рабы, но рыбы, затем, что немые.
Немы, как воздух. Но воздух — уже не мы.
Небо рождает бессмысленные фонемы.
Небо смущает бесчисленные умы.
В мире иллюзий тропы сопоставимы
Только с плацебо. Эффектно, но что с того?
Хочется крикнуть «Послушай! Останови!», но
В парк уезжает последнее божество.
Даже гордыня вкуснее, чем хрен на блюде.
Как извернуться? По паспорту — тридцать три.
Встать на пуанты. Немедленно выйти в люди
С тайной мыслишкой, мол, папочка, посмотри!
... Душа горит, со смертью говорит.
А небо смотрит. Смотрит. Ли-це-зрит.

* * *

И даже если тень моя к тебе потянется, я буду
безучастна.
... Асфальт. Дома. Когорты голубей. Живой земли
растаявший участок.
У города — сиреневые дни, чуть больше света в серой
акварели.
И так горят рекламные огни, что ветви лип, похоже,
обгорели.
Вот человек в цветном пуховике. Он покупает яблоки и
сливы.
Качается увесистый пакет, как маятник часов неторо-
пливых —
Семейный ужин, яблочный пирог, горячий чай, и
всякое такое...
Я эту жизнь читаю между строк, и молча замираю над
строкою.
Учусь дышать, работать, наблюдать, искать следы в
пунктирах многоточий...
И даже если тень меня предать готова, то...
Я преданнее прочих.

* * *

Он приходит, и ставит бочонок на край стола,
И пузатую кружку ставит, а не стакан.
А потом он берёт тебя нежно за два крыла,
И легко раздирает, как воблу — напополам.
Трепыхаться бессмысленно с вывернутым нутром.
Пахнет вечность солёной кожей, ты знала, да.
И Харон выводит тебя из пропастей на паром,
Так, как Еву водил по саду её Адам.

Разрезает лезвием тёмную гладь коса,
А потом ты слышишь ворчливое: «Рот закрой!»
А потом ты думаешь — надо бы записать...

Он почти доволен. Солёная — но с икрой.

* * *

Город похож на промокшую книгу дня —
Слиплись страницы и строки текут, как реки
Март не умеет надежды соединять,
Соединяет только мосты и веки,
И ни к чему ни выстрелы, ни шаги,
Нам не сберечь ни памяти, ни тетради.
Лишь в подворотне наши воротники
Ветер озябший мокрой ладонью гладит,
Мы возвращаемся, будто бы воробьи,
Что пережили зиму, но так устали...
Город, мой город, мы маленькие твои,
Грустные книги с разрозненными листами.

Виктор ХАТЕНОВСКИЙ
Москва, Россия

* * *

Был дерзок я, как уркаган.
В бескровной схватке с вами —
Краснел, хватался за наган...
Мог землю грызть зубами.
От криков собственных оглох —
Неистовствовал... Следом —
Раскрасил стихотворный слог
Прекрасным чёрным цветом.
Вам трудно мне не сострадать?
Бог — в помощь! Рифмы эти
Грудной братве талдычит мать,
Весь день горланят дети.
Мой стих сильнее топора,
Страшней клыков вампира...
Довольно! Полночь. Спать пора.
Раскурим — трубку мира?!

* * *

С утра расцвела придорожная ива.
Возможно, чужую предчувствуя боль,
Природа сегодня так красноречива,
Что я над собою теряю контроль.

Забыты тревоги, бег в поисках хлеба,
Надуманый страх безвозвратно исчез.
Мне только бы видеть бездонное небо,
Рассвет и с туманом флиртующий лес.

* * *

Так это — всё?! А где — под грохот сбури —
Проклятья, ласки, слёзы, поцелуи?
Где монолог: «Как долго, в самом деле,
Должна я ждать тебя в своей постели?!»

Где взрыв эмоций? Где — ответ мне быстро —
Французской водки полная канистра?..
Постель согрев, ждешь агнца, Клеопатра?
Помру — сегодня. Ты погибнешь завтра.

* * *

Набывчив лоб, сойдя с ума,
И умертвив в октавах звуки,
Вновь расторопная зима
Ребенком просится на руки.
Она предчувствует разлад...
Кричит: «Юродивый, покуда
В грехах замешкался Пилат
И от судьбы бежит Иуда —
Твори!» Пытаясь мне помочь,
Деревья вскакивают с места...
Вот только странно в эту ночь
Смерть разоде́та — как невеста.

* * *

Маме Нине Павловне

Сколько непритворных слёз,
Бедствий, стрессов нервных
Отпрыск ваш Вам преподнёс,
Будучи, во-первых —
Хворым, хрупким, щипцевым,
Вздорным... С колыбели —
Плакальщицы стадом злым
Над блаженным пели:
«Для тебя под Минском вы-
Выдолблена яма!»...
Где б я был, когда б не Вы,
Дорогая мама?!

* * *

Ночь оглохла от скорбного бубна.
Ты хандрой, как проказой, больна.
Разведёнка... Горда, неприступна —
Свыклась с платьем из чёрного льна.
Не колдунья, не божья невеста —
Ждёшь нетрезвых лобзаний земли:
В брэнной жизни достойного места
До сих пор для тебя не нашли.
Сколько мифов ты не развенчала,
Сколько слов не успела распясть?!
Сколько слёз у морского причала
Смоет с глаз твоих — чёрствая мать?!

* * *

Голос, взгляд, походка, жесты —
Слепок жизненный... В Белграде
Смерть, схватив костюм невесты,
Льнёт к кладбищенской ограде.

Под стеклом расправив спины,
Подвывая: «Все мы смертны»,
Розы, астры, георгины
Снова ждут сакральной жертвы.

Затхлый запах влажной тверди
Мозг взрывает криком: «Горько!»
Моцарт, Бах, Чайковский, Верди
Нагнетают страсти... Только

Оглашённым — страх неведом:
Растворившись на погосте,
Будешь — скомканным портретом
Приходить к Отчизне в гости.

* * *

В две тысячи бесхитростном году,
Почти что став родного батьки старше —
Забронзовеешь, съездишь в Воркуту,
По Брахмапутре проплывёшь на барже,
Пройдёшь сквозь строй состарившихся лиц
На сквернословных ярмарках, вериги
Сорвёшь с души, вернёшься в Аустерлиц
И жизнь вдохнёшь в неизданные книги.

По родимой стороне

Евгения БАРАНОВА

Ялта

Libera me

*Libera me, Domine, de morte aeterna in die
(Избавь меня, Господи, от вечной смерти)*

Гроза. Или гром. Ничего не осталось.
Точнее,
осталось совсем ничего.
Мы прячем глаза, как посуда — усталость,
как прячет состав пожелтевший вагон.

Мы учимся плыть, избегая Гольфстрима,
мы учимся знать только физики зуд.
Я больше не буду
(до бреда любима).
Ты больше не будешь
(оставлен редут).

Мы больше не станем — не бросим, не вспомним.
Не выйдем на улицу пить каберне.
Гроза. Или гром. Ненавижу! Довольно!
Приходиться плакать в подушку стене.

Приходиться выть — карамельные волки,
плохие товарищи, старые дни.
Послушайте! Блок не встречал незнакомки,
Вертинский не мучил тоскою винил.

Гроза. Или гром. Безнадежная Анна
ложится под поезд от братьев Люмьер.
Любви не бывает. Подарки, реклама.
И добрая жизнь на кредитный манер.

Хемингуэй

А я нашла Хемингуэя
в одном донбасском городке.
Он не любил духи, коктейли
и флирта долгое пике.
За неимением другого
играл, конечно, в world of tanks.
А мир искал дворами слово,
определяя трезвых нас.
А мир был честен и отчаян.
И предсказуем — вопреки.
От тишины горела тайна
и догорали мотыльки.
От тишины сквозили чувства,
как дверь бюджетного жилья.
Луганск. Развалины. Искусство.
И никакого бытия.

Идти

Я иду много лет,
я устала идти.
Этот призрачный бред,
позабытый в груди.

Этот горький восток
ямщиками изрыт.
Пожелтевший листок,
убелённый гранит.

Занесённая чушь,
заострённая страсть.
Я иду — столько душ!
Я мечтаю — упасть!

Я иду — я иду —
я иду — я иду.
По холодному льду.
По голодному льду.

Отгонять рукавом
и тепло, и покой.
По бокам — никого,
кто бы рядом со мной...

Ненасытность дорог!
Неизбывность пути!

... ..
Хоть куда-нибудь, бог,
разрешите мне прийти.

* * *

Тем временем мне стукнет пятьдесят.
Кого ещё бессонница сточила
до тишины,
до лаковых заплат,
до горечи хозяйственного мыла?!

(Забывчивость!)

Смешные сорок два
придут на встречу
папиросой гиблой.

И гордости зелёная трава
перерастёт в терпения палитру.

И вечный бой.

И времени войска
уже спешат,
захватывая Польшу.
Мне двадцать пять.
Столетье у виска.
И ни минутой, ни секундой дольше.

ЛенКа ВОРОБЕЙ

Харьков

Взгляд на вещь

Хоть ослепни, гляди в телескоп, развивая ругательства, уповай на невидимый вектор, скрывающий Глорию, если верить Иуде, то нет никакого предательства, есть священная миссия — сделать краснее историю.

Хоть все щёки подставь и слезинкой растай
на пощёчине,
доказав, что — красивые, щедрые, полные, плотные.
Если верить дорогам, то ад примыкает к обочине,
на обочинах вечно — цветы
(и как правило чётные)

Эзотерика ваша, агностика, пластика, мистика,
поцелуй ученицы, зажаренной готами в скверике.
Если верить учителю, всё, что он дал нам — дуристика,
и уехал выращивать цитрусы где-то в Америке.

А мирок к солнцу бок повернёт такой хрупкий
и крохливый,
так, что выступят слёзы у самых черствеющих
сборщиков.
Если верить врачу, то... «скорей бы уже передохли
вы», —
говорит, вечерами, устав от калек и притворщиков.

От жены и детей, от программ, где всё шито
и вспорото,
от красивых улиток, какие неспешностью милуют,
если верить войне, то... бежать бы нам лучше из
города,
где свои же тебя — отличат, победят, изнасилуют.

Уповай на равнину, считая овраги и пагорбы,
где шестой подползающий так и останется сменером,
если верить отцу, то родиться мне было не надо бы,
в крайнем случае — мальчиком, с мячиком, в будущем
тренером.

Из ладоней посыплются центы, копейки, динарики,
золотые конспекты, медальки за правду и панику.
Вот уже обречён... посмотри, как мигают фонарики,
как спокойны мои скрипачи...
Если верить Титанику.

А в осеннем окне много красок от чёрных до разного,
много слов, очень тёплых, дурных, никому не до-
сказанных,
если верить искусству... то лучше заранее —
праздновать
и расстреливать в дурках — наивных, любимых и
связанных,

чтоб потом навсегда ошалеть от вины и кружения
и когда тебе вставят в висок эту арфу эолову,
никогда-никогда не смотри ты в своё отражение,
если всаднику верить, который нашёл свою голову.

Письмо

посв*

Это чудо... но мы не вмещаемся... не в конверте... Я вру, как дышу: ты не думай, что мы попросаемя, если «здравствуй» тебе не пишу. Ничего не намыслил плохого ли, нехорошего, скверного пуд... /ведь и Бог сочинял в меланхолии зарисовки на темы Иуд/Негодую на ниточку месяца... Все слова, не иначе, как — зуд. Так не скажешь тому, кто повесился: «ну и что развиселся ты тут?!» И нуто обогрев обходимое, так вздыхаешь, как будто бы прав: хорошо, когда рядом — родимое... и живое... и лезет в рукав... С шелухой, мелочами и крошками и со всем, что там есть... и петлять с ним, бежать, и сцепившись ладошками — одну целую цепь составлять. Затирая кликухи и звания, очертания гор, берегов, у цепи этой нет — ни названия, ни состава, ни видимых швов. Но железом всё пахнет — свободное и идёт со свободой вразрез: Это чудо... но чудо — расходное, не вошедшее в список чудес.

Вот такая вот штука наборная внушена нам и в нас внедрена: жизнь, всего лишь — вокзал и уборная и ещё в перерывах — война. Этот круг неустанно сужается и всё меньше ячеек и сит: кто стоит, кто летает... кто мается... кто /прости меня Боже/ висит... Облака, небеса, с прилагательным... успевай только фокус разверсть... Ведь и солнце мы мним — обязательным... потому что оно — просто есть! Потому что уже загарпунено, чтобы греть наш безрадостный трюм... /есть и в этом большая изюмина, только мало кто любит изюм... / Я пишу тут... грохочет, как бричный карандаш, завалившись на бок... Я могу... если хочешь и в спичечный, целый мир, запихнуть, коробок, но двоится так всё... трафаретится... /хоть и конченный я интроверт... /не могу я — желание встретиться, запечатать в бумажный конверт... Всё так — немо, и ватно-беззвучно... и как будто бы щиплет глаза... Не могу... при обилии буковок — ничего никому рассказать. Парашютом нечаянным виршество не раскроется там, где спина... Ну а значит продолжится пиршество... и вокзал... и клозет... и война...

Чудеса, это всё — издевательство... Лебедой порастёт лабуда... Потому что уход — доказательство, что и мы приходили сюда! Где-то выше покруче учёные нас проводят бухлом и тортом, чтоб, как рыбки, из вод извлечённые, свою волю хватили мы ртом.

А где воля, там — солнце и курочка... и письмо... и конец шабашу...

Ты не верь мне... ты ж знаешь, я — дурочка... Да к тому же я вру, как дышу.

Лети-лети лепесток

Подоконник. Фонарь. Силуэтит клочок каланхоэ. На макушку похож... чиполлино, плута, палача. Я ребёнок, что слёту хватает сначала плохое, я побитый ребёнок, который не спит по ночам. Оживай давай, сказка. Живот, не боли. За живое. Кружевную сорочку дюймовочки — съели кроты. Я с тех пор не люблю кружева... /не дари кружевное... / Огнестрельная рябь фонарей и луны ножевое на беззубой улыбке, сошедшей с ума темноты.

Звёзды манной небесной прикормят нас, маленьких
рыбок,
Наблюдая, как мы там дерёмся у скучного дна,
чтобы в слове «война» понаделать каких-то ошибок
и получится «мир»...

Но пока это просто война.
— Что ты, мама, читала мне...
Утром при мерзкой погоде,
рядом с тем же цветком у окна оседлав табурет.
Оживай давай «Карлсон»! Тебе тридцать лет!

Ты в разводе!
/надо ж — счастье какое... лети на заброшенный свет,
где давно опочили Емели и Греки и Раки
и из рыб золотых столбовая дворянка уху
варит в грязном корыте... и жмутся друг к другу

баракы,
там почти поголовно, любому, от драки до драки —
совершенно до сраки, а кто там живёт наверху/
— Ах ты, сказочник... клоун мой... вот он неведомый
лучик

твоих рассказней. Слышь, оглянись! Оглянись,
человек!
В твоей мягкой спине, как топор, металлический
ключик

и завода на двадцать шагов... и коленями в снег...
Дважды два не четыре! Постой! Погоди! Ну, пойми ты!
А улыбка его раскололась как спелый арбуз...
Он и мне говорит, обернувшись — «мы квиты, мы
квиты... »

/на заевшей пластинке слегка пробивается блюз/
А лети ты, лети, лепесток, через зло ширпотребя,
огибая и юг, и восток возвращайся хитро —
сделай так, чтобы птицы ещё раз вернулись на небо,
птицы те, что сегодня попрятались в нашем метро.
Чтобы то лопоухое, злое, тупое, лихое
разлилось и впиталось... а в будущей этой тусне —
тот ребёнок, что слёту хватает сначала плохое
был не битым ребёнком, который
смеётся
во сне...

Собака такая

лай собака огрызайся и кидайся и кусай
ни в кого моя собака не влюбляйся не спасай
одичай и откажись ты... отвернись и отощай
не прощай моя собака рук дающих... не прощай

жди моя собака только чтоб прошли скорей дожди
никого моя собака ты на станциях не жди
от тепла чутьё теряешь... расслабляешься... ты вот -
верь собака в холод...
холод никогда не подведёт

не сиди моя собака убегай за магазин
и на санках больше пьяных не катай и не вози
не скули собака слышишь и не вой и не пищи
мины... ёжиков... чего там...
ничего им не ищи

хоть на части рвись собака хочешь пеной исходи
только к раненым людишкам никогда не подходи
посвистят прижмут обнимут... а как вынесешь их на
они красными клыками тебя выскребут до дна

сколько истин все пропали и любой намёк не свеж
я на том собаку съела так хоть ты свою не ешь!!!
миру этому кумиру не смотри в глаза любя
завезли меня собака...
завезут же и тебя

здесь одной тебе не место избегай давай места
и не жди пока собачий досчитает бог до ста
рви моя собака когти мимо свалок и рябин
пока есть такая радость...
и ослаблен карабин.

Мир без легенды

Разве возможно всю жизнь поспевать и к обеду...
Мама не «мия» и Бог, как известно не фраер.
Если тебя не добило в минувшую среду —
Значит привет, недобиток... и вот тебе флаер.

Думаешь, мир переходит на псевдооплату?!
Думаешь, весь и полёт — тот вчерашний бросок... !?
Частые гости твою посещают «палату» -
Съесть эти булочки, выпить оранжевый сок.

Всё тебе будет казаться в пред/розовом свете,
Так как не видел ещё ни крови, ни раздач...
Так... потрепаться... о снах и о будущем лете...
/Девочка скажет, что хочет и Таню и мяч/

Всё это жизнь... всё проносится матовым фоном...
На единицу стрижется машинкою бош.
Девочку щёлкнешь на поле окна телефоном,
Зная, что завтра простишь и конечно сотрёшь.

Мысли уходят... казалось тогда — великаны...
В ветхом меню только ртуть и за редкостью — бром.

Так из кафе потихоньку воруют стаканы,
Так убегают из самых уютных хором.

Вот и суди... Но и я не арбитр абзаца...
Я, если хочешь ты знать и сама уже в плач...
Вены — всего лишь возможность — к себе привязаться
/Только влетая туда и Танюху и мяч.../

Что параллели — ничто... покаляканы Феты...
Фаусты-шмаусты... правит ремейк и релиз.
Мир без легенды — не стоит обёртки конфеты,
Мир без легенды — пустая бутылочка из...

Третья отрицательная «дурная кровь»

Подписанный контракт... меня родят,
вынашивая с музыкой Вивальди,
чтоб в дворовой, ещё сопливой банде,
не научить закапывать котят,
живьём.

Интеллигенции претят
такие выходки, но я ж не претендую,
на немощную, бледную святую...
Я, это — я... ну, пусть меня родят!

Чтоб написать две тысячи стихов,
но так и не увидеть в переплётё
и после смерти... если вы не врёте,
не встретив ни друзей, ни пастухов.
Овцой, заблудшей в жизненном болоте...

В окладе окон — лики... или лица,
мозаикой уделов — лабиринт,
размотанный сугроб в стерильный бинт,
чтоб завернуть орущую мокрицу...
И лучше — жить... Труднее — застрелиться,
когда свой первый шаг не сделал, чтоб
не раньше срока выйти к небосводу,
мучительно, как будто в детский гроб,
упал осколок солнца... в непогоду...

Как тихо обо мне заговорят...
Враги, которым я свою — рубашку...
Все те — кому и фору, и поблажку...
— Я в неотложку привезу котят...
И кровь свою им сдам. И на подушке,
Шепну им в поролоновые ушки:
Я — это вы...
— Ну,
Пусть!!!
Меня
Родят...

Алина ГЛАДКОВА

Харьков

Поэтам

Так медленно мы поднимались ввысь
И так стремительно об землю ударялись.
Мы так взахлёб доказывали мысль,
Что в дураках порою оставались.

Мы так скрипели от тоски
И плакали в часы заката.
Сжимали в боли кулаки.
Но врядли вспомнят нас когда-то.

* * *

Не останавливайся, сердце !
В биеньи лет стучи сильней.
Не огорчайся и не хмурься,
Отсчитывай с улыбкой скорость дней.

В пути Добра, прошу, не сбейся,
Не оступись, не захандри.
Ты смело над проблемой смейся,
Отдав все силы Богу и любви.

Стучи в моих руках и в теле,
Напоминая об одном,
Что многое ещё успею,
Что сделаю счастливым дом.

Дай ритм твой передать глазами
Тем, кто забыл о доброте.
Пусть стуком-волнами-стихами
Я достучусь к планете всей.

Марина ГУРТОВАЯ

Харьков

* * *

Сиріє...
Заглядає у вікно
тоненький серп молодика ново́го.
Шум тиші серце потіша,
мов ніжна пісня, добре слово,
але тінь зради
непомітно заповзла
зчервити душу, там й заснути...
Світ визирає, наче вовк
і зло гарчить, страх тисне пута.
В чагарниках людських відносин
панує не любов свята,
а рій на рій, як дикі оси.
Не знайдуть місця або способ
на обумовлене життя, —
триває безлад і розрада.
Сиріє...
Місяць крізь вікно,
як золотава кома ночі
перед призначенням всього,
що на землі з'явиться хоче
передрікає Вічність знов.
А я не знаю що робити:
чи все забути, чи прощати,
щиріше з Богом говорити,
чи між людей всерйоз мовчати?
Сиріє...

* * *

Гарматний постріл —
серце на друзки'.
То пізня осінь
загишок лаштує.
Плюща червоні мотузки
канати внутрішні гартують.
Для акробатів
перероджених часів
усе як завжди,
тільки міра —
справжня.
Осіння розкіш
пресвята назавжди
після трьох крапок
непрочитаних віків.

* * *

Мовчу як річка в очереті.
Мовчу як стрічка в кулеметі.
Мовчу як ліс мовчить у спеку.
Мовчу як дитинча лелеки.
Мовчу як тінь мовчить у слід.
Мовчу як товстелезний лід.
на річці взимку в очереті, —
і не здогадуюсь про те,
що я кричу на цілий світ,
як я мовчу без слів,
щосили.

* * *

Гомін важкого дощу
легше смутного серця.
Ті, хто долають темряву
одне одному непомітні.

* * *

Багаття ледве загасили.
Вугіллям жевріє краса.

* * *

Голуби пасуться в спориші.
Клопіт і жовтневий страх
викреслив із списку невідомих,
тих, хто не залишиться в душі.
Зазіхання на нове життя,
безпритульність перед онімінням.
Небо гасне, вечір нароста.
Вітер листя нагребав повільно.
Голуби поснули в спориші.
Галас щез із оберемка тиші.
Знову жовтень листопаду шле вірші'.
Доля ж довідки старанно пише.

* * *

Я вниз дивлюсь з моста, —
пихата висота.
Слідкую, піді мною
ріка летить стрілою.
А, навкруги, — блакить.
Життя гуде — біжить,
та на душі лівкою
засушена лежить.
Жіночно бережу кохання.
Усміхнений скелет у шафі
не здатний на прощання:
чекає привітання.

* * *

Осінній крам у золотій фользі, —
дарунок вдячності перед загрозою розлуки.
Заплутані вітри у верболозі
народжують чудні сторонні звуки.
Світ прислухається до себе,
а душа тремтить передчуттям нового лету.
Цілунок на прощання.
Цигарка в затишку чужого куреня.

Алина ИЗВОЛЬСКАЯ

Коктебель, АРК

*Родилась в 1990 г. в Коктебеле (Крымская АР).
Окончила театральное отделение Харьковского
Лицея искусств № 133. Имеются награды
за ораторское искусство.*

*В 2012 году получила образование Симферопольского
Таврического Института по специальности
«психология».*

Стихи пишет с детства.

*Тематика: духовная, философская и любовная
лирика.*

*Хобби: игра на фортепиано, пение, вышивка бисером.
Кредо: Всё приходит в своё время для тех, кто умеет
ждать. (О.Бальзак)*

*Лучше горсть с покоем, нежели пригоршни с трудом
и томлением духа. (Экклезиаст).*

Берега

Серебрится земля
от мерцаний далёких
созвездий;
Все дороги к тебе
утонули в алмазном снегу...
Я смирюсь.
Расстоянье
не властно над теми,
кто вместе.
Ты в далёком краю,
но со мной на одном берегу.

... Может быть,
этот берег —
юдоль
сокровенных желаний,
Где друг в друге нашли
воплощенье
высоких идей?
Мир иллюзий,
несбыточных грёз
и пустых ожиданий,
Что растают
при первой заре,
как круги на воде...

А пока...
День за днём
ты сбываешься снова
и снова, —
Как навязчивый сон.
И в тебе —
продолжение сна.
Ты проник
в мастерскую души,
где рождается
Слово,
И под нежностью пальцев
запела
немая струна...

Я не знаю, чему
эту песню
под силу нарушить,
Но взываю

с мольбой
всё святое
беречь от вражды,
И на том берегу,
где встречаются
близкие души,
Может быть,
мы когда-то
пожнём
золотые плоды...

Из поэмы «Танго опьяняющих мгновений»

В моей пустыне нескончаемой
Туманят разум миражи:
Молчание и обещания —
Отродья низкопробной лжи.

Знаменованья и пророчества
Придумала себе сама —
Так утомило одиночество,
Что начала сходить с ума!

На мир устало и затравленно
Смотрю глазами сироты.
Не помню, где и кем оставлена,
Ищу тебя, но кто же — ты?..

Идём ли мы тропой единою
Иль наши разные пути?
Быть может, жаждешь ты найти меня?
Быть может, знаешь, как найти?..

Разведи на закате костёр...

Разведи на закате костёр
Посреди распростёртого лета
И неслышно меня укради
Из объятий холодного сна.
Отпусти на бескрайний простор
Подневольную душу поэта
И смотри, как из камня в груди
Расцветает в молитве весна.
Я полжизни, не глядя, отдам
За десяток таких превращений:
Воскресенья распятой души
Из-под пепла пылавших страстей,
Только ходят за мной по пятам
Позабывшие в юности тени
И сознание ещё не спешит
Проводить нежеланных гостей...

Я б хотела сбежать...

Я б хотела сбежать
Вместе с Вами от глаз и молвы,
Разучиться дышать,
Чтобы слушать, как дышите Вы,

И, свернувшись клубком
У могучих, как скалы, колен,
Вам мурлыкать о том,
Как томительно-сладостен плен

Этих сдержанных уст,
Что роняют слова — как цветы.
От кристальности чувств
Так и тянет — не правда ль? — на ты.

Словно тайну задев
Невзначай, просветлела душа.
Я — как рыба в воде:
Я почти разучилась дышать...

Нина КАРБУЕВА

Харьков

После грозы

После грозы мой стан упруг,
омылась я дождём,
дождём омыто всё вокруг, —
хоть дух переведём!
Как светел воздух, прян и чист,
смеются облака,
и солнца луч весьма речист, —
я на земле пока.
Раскину руки широко,
ногой упор найду.
Взлечу, — ты думаешь? Легко!
И... в травы упаду.

Горсточка земли

Мне до неба — рукою достать,
облака зацеплю головой.
И живу так — ни дать и ни взять,
очень даже неловко порой.

Под ногами-то шар весь земной,
реки горы, леса долины
и Смоленщина, край мой родной,
Харьков — в белом, любви картины.

Мне бы горсточку тёплой земли,
чтоб на небе меня узнали.
Здесь каскадами б розы легли,
с облаками On-line играли!

Минное поле

Вот минное поле. Я полем иду.
Нужна мне смекалка и ловкость.
Здесь хитрость и подлость, коварство в ходу,
нацежена зависти ёмкость.

Земля моя, сможешь ли выдержать ты
весь груз этой свалки, негодность?
Ты вечно хранишь образ чудо-мечты, —
здесь минное поле, бесплодность!

Елена КОРО

Евпатория, АРК

Крым — уникальный источник: тысячелетняя древность — смесь и взвесь голосов и даров. Крым как путь для творящего духа, души, ищущей своих истоков, слышащей голоса древних, отвечающей им изначальными ритмами, звуками, творящими свои времена и пространства, созвучными мирам древних. Цикл составлен в виде карты пути странствующей и ищущей души: от рассвета, от озарения образами, навеянными востоком, от древнего Гезлева западного Крыма в путь, в поисках сокровенных открытий. В пути все: звуки расцвета и увядания, страдания и взлета души — и в соравности с природными ритмами — путь на восток, как путь — в смерть. Этому ассоциацией — крайний восток Крыма — там, по легенде — ворота в иной мир. Путь от обретенных истоков — в палево иных времен и миров. О себе? Это и обо мне, наверное. От автора

Фаэт-Крым: карта странствий

Завры озарения

Завр заревой — прародитель зарей. Зари суть завры озарения. Также зари суть земли, озаренные зарями-заврами. Антипод зарей — пали — выжженные земли. Мастера строят башни-маяки на зарях, дабы не выжрали их пали, ещё заревые завры, зря в бойницы башен зрячим зрачком, озаряют зари. Таковы завры озарения!

Завры заката
в зареве зрят зари.
Зари зрачок
озарил белопенную кипень.
Завр заревой зрит
в зари морские с тоскою:
где ты, подруга?
В море полощет
черная женщина, ночь,
белый саван дня.

Гранёный бокал моря

1. Гезлев

Город горбатился верблюдом двугорбым,
Сгорбив презрительно губы.
Губчатой сгорбленностью сгорбились пирсы,
Питаясь солёностью моря.
Волны горбатились, набегаая
На жёлтый песок под пирсом.
Пирс горбатился, налегаая
На жёлтый песок пушистый.
Песок горбатился, дюнясь в складках
Маленького побережья.
Мечеть минаретами,
Горбами верблюжьими,
Губами исламскими
Горбила воздух города

Призывами громоподобными.
Собаки горбатились воем,
Пеной горбатилось море,
Вбирая морскими губками
Исламские звуки города —
Сгорбившегося верблюда.

2

Гранили гранитом,
Нанося грани,
Изумрудный бокал моря,
Вспененный лазурью
Граничащего с горизонтом неба.
Мороженщик-бог
Накладывал щедро
Пушистую пену тучек
В гранёный бокал малахитовый,
В гранях играло солнце.
Жара опускалась тяжёлой тучей
На город, гордившийся морем.
Он минаретами
Пил жаркий воздух.
Он пирсами
Приникал к малахиту,
Стремясь к горизонту
Губами воздушных струений,
Стремясь осушить
Изумрудный бокал моря
И утолить безумную жажду дня.
Видимо, бог-безумец
Обручил город и море,
Обрёкши жарой безумной
На вечную жажду,
Неутолённость солёного поцелуя.

3

Городу — верблуду двугорбому —
Гранёный бокал моря
Бог — соучастник событий —
Поднёс. Губами скорбными,
Томясь медузою гордою,
Город вобрал в себя море.
Пенясь, оно стекало
По гранитным ступеням берега,
Опенив гранитные губы.
Город плевком верблюжьим выстрелил,
Губами гранитными выгранил
Тело медузово моря.
Бог-холстомер тело
Мерою вымерял,
Катерами да яхтами.
Город-мазила вымарал
Мазки на холсте моря,
Катера подогнав к пирсам.
Пенилось оно и струилось
В огранке гранитного берега.
Город губами верблюжьими
Целовался беззвучно с морем.

Пчёлы печали

Пчёлы печали
Пьяно кружили
Роем прощальным.
Гибли бутоны.
В пьяном угаре
Жалами сжали,
Безжалостно жаля
Сердце в печали.
Гибли бутоны.
Белые лики
Лицами сникли,
Застыли, увяли.
Погибли бутоны.
Скорбные пчёлы,
В безумном ударе
Жаля друг друга
В сердце печали,
Простили бутоны.

Цикута цикады

Цикады сон: циан цикуты
в прозрачном сердце стрекозы
в закат закутан.
И цитры «цо»
как поцелуй цикады-девочки...
Стреножен стрелокрыл-кузнечик
и зацелован... в смерть...
Цикады цокот смолк.
Закат в цикуте.
Ткёт белый саван дню
сверчок...

Поцелуй

Впопыхах, невпопад,
наяву ли иль втайне,
невзначай, наугад,
на излете случайно...
На изломе, навзрыд,
чуть вздохнув,
Чуть коснувшись —
губ губами — на миг,
Вмиг обжегшись, запнувшись...
Всё забыв, растеряв,
в полусне потерявшись,
полужест оборвав...
полный обмороч...
счастлив...

Степь

1

В сухих глазах сгорало полуденное небо,
Сухая скорбь зенитным жаром темя жгла.
Пожаром, сушью, выгоревшей степью
Сжималось сердце в ком — и в прах

Рассыпалось, развеялось — по ветру.
Дочь августа — иссушенную степью —
Сухую страсть — сухому сентябрю
Не донесла...

2

Сухая страсть сухим щелчком
Разбила в щепы, расщепила
Сухую скорбь, и стружья
Сухой коры надменной сухостью
Кололи сухое сердце.
Сухо трепетали стрекозья крылышки
И ножки богомола,
И сохла степь травой на ветру,
И сердце сохло, просветлев
И став прозрачным,
Затрепетало крыльями стрекозки,
И утащили ящери сухие капли-слезки,
Подарок августа — сухому сентябрю.

3

Сухой стрекозкой на листке
Сухая степь в сухой тоске
Сухими миражами куталась,
Родными голосами полнилась.
Сухой печалью — пряным ароматом
Степного чабреца, душицы, мяты.
Сухой прозрачностью кристалла
Тоска твердела, застывала
Алмазным блеском в янтарных глазках
Усохшей ящери, и капли-слезки,
Кристаллики тоски, катились вниз по тропке.
И светлой сухостью сгорала
Сухая страсть в прозрачности кристалла.

Всадник

Немые каменные бабы
Во все глаза глядят,
А степь вокруг,
Как поле брани,
В холмах бойцы лежат.

К степным курганам — мимоходом —
И мимо сонных баб
Спускались тени,
Двоедушьем воссели на холме,
Их теньевые силуэты скользили по траве.
Мертвела степь, белели бабы,
И в дикости степной
Уже мерещиться стал некто,
Не третий, но иной.

По холмогорью, где в курганах
Дух братства угашён,
Покойной поступью шёл некто,
Чей дух был воскрешён.

Был вызван дух, когда спускались
Единые, но две, в седой ковыльности купаясь,
Не путаясь в траве.
Они, как будто, ожидали,

Они слагали бль,
Чтоб летописцы-истуканы немymi зрителями драмы
Глазами-бельмами глядели, не подымалась пыль...
Как видно, третий, призрак белый,
На призрачном коне,
Покойном иноходце, тело
Не предавал земле.

Он немо —
К немоговорящим —
И сквозь молчащих баб
Под небом сумеречным, мрачным,
Единственный, кто брат,
Пришел на встречу, двоетенье,
Нагнувшись, приподнял,
Из покрывал скользнули тени,
Он, третий, кто разъял
Их узы...
Спутавшись с уздою, их покрывало вмиг
Скользнуло тенью, но иною,
И в их немой язык
Он вслушался, и заструилась
Их сумрачная речь,
И тени до конца не смели
Ему перечить... Брат —
Сестер, он без смятенья
Рукою сильной взял.

В седле качаясь, троетенье
В моём бесстрастном сновиденьи
Рассеялось, как покрывало,
Растаяло, как дым...

Мираж исчез, но истуканы
Во все глаза глядят
И летописцами курганы
О троетенье
Молча говорят.

Город

На рёбрах домов отпечатался след уходящего лета.
Свитком сворачивался разреженный воздух,
Скапливаясь в трещинах золотой пылью.
Слитками топорщились губы каменных львов,
Лежащих на площади.
Глашатай у стен театра провозгласил окончание лета.
Разрежался прозрачный воздух, с летом уходил
кислород.

Никто не заметил это:
Сидящие в бельэтаже видели, как каменеют
Лица, сидящих в партере,
Но думали: это сон.
Кислород уходил снизу, вверх поднимался озоном.
Многие видели радугу, но ослепли внезапно и вдруг.

Глашатай на площади замолчал...
Свернулся свиток, подогнулись колени,
Присев на ступени рядом со львами,
Окаменел их лучший собрат.
Музыканты трубили в трубы, думали, что успеют
С окончанием лета выдуть лучшие грёзы.
И грёзы кружились в небе, тихо струясь к солнцу.
Молчащие музыканты не сумели вдохнуть реальность
Вследствие её разреженности

И застыли подобно львам и сидящим в партере,
А так же глашатаю и другим гражданам города,
Замолкнувшим в парках, трамваях и пляжах,
Домах и гостиницах, вокзалах и переходах подземных.

Замедляющейся кинолентой ускользала из города
жизнь...

Бог-драматург поставил диагноз городу:
Вялотекущая жизнь. Свернул его в свиток
И спрятал папирус в своих бесконечных архивах.
Улыбка каменных львов растаяла в воздухе.
Никто не успел заметить, что нет ничего.
И только коты переняли улыбку каменных львов
И улыбались детям воскресным утром,
Встречая их у подъездов, в подворотнях;
На чердаках улыбались кошкам,
Но город не видел их, залегая папирусом
В бесконечных архивах бога.
Историк подал в отставку,
Архивариус вдруг заснул.
Во сне он увидел свиток, развернувшийся городом,
Но, проснувшись, он всё забыл.

Мельком

Что-то мельком пронеслось.
Мельк-мельк.
Промелькнуло на авось.
Мельк-мельк.

Машет бабочка крылом —
Махаон, махаом.
Строит девочка свой дом —
На потом.

Но не потом, не трудом —
Так, как
Машет птица махаом —
Мах, мах.

Словно ветер за крылом —
Ом, ом.
Легит птица махаом
В дом.

Поёт девочка во сне:
Ом, ом
И окутан её дом
Сном.

Смотрит девочке в глаза
махаом.
Улетает в небеса
Её дом.

Провожает старый дом
Гном.
Исчезает махаом —
ом

Что-то мельком пронеслось
На авось.
Промелькнуло и сбылось,
Так, авось.

Посвящение Аю-Дагу

Отголосок клекота птицы ли, боли,
Позвавшей меня в тот мир,
Где Гора, забывшая своеволие,
Только ждёт, слушает и молчит.
Встрепенуться навстречу крыльями,
Однажды услышав зов?
Птица, птица,
Ночь от твоего изголовья
Тихий плач Горе понесёт.
В этом мире дев, улетающих птицами,
По ночам в неведомые края,
Остаются Горе их клекоты,
Остаются Горе их ропоты, —
Всё вбирает в себя Гора.
Мне ли птицей лететь в неведомое,
Чтобы рухнуть на стан скалы?
Мне ли выбрать тот путь без ропота,
Мне ли ношу нести Горы?
Плачут девы, горек путь их.
Мягким светом льются слёзы луны.
Что-то отходит в том мире безропотно,
Уходит, как птичьи сны.

Демерджи

1

Лики Горы: Сфинкс и Верблюд.
Воин и — Ваша Честь —
Крымская Муза — страшна,
Но как есть.
Без неё Гора в полкрыла.
Муза вблизи — гигантская блажь,
Казус, не исполин.
Каменный скол каменным лбом
В небо — глазом одним.
Соколы-вороны — к Музе Горы,
Воины-странники — мимо.
Музыка моря:
Горизонт — струна лиры,
Волны — адажио силы.
Муза ль брэнчала?
Сфинкс ли крылом задевал?
Горбатый Верблюд горбил холмами —
Волнами горизонт, горбил легато звуков.
Ворон трещал горлом-трещёткой.
Воин в лоб Сфинкса — тимпан силы —
Ударной волной стихии.
Бей, Кузнец, бей!
Молотом скал во лба скол
Музу Горы горошь!
Это не струны лиры морской,
Это дух Демерджи-Кузнеца
Горой забавляется.
Фуной Гора дымится.
Как тебе, Муза, терпится
На плечах Горы?

2

На плечах полудрёмного Сфинкса
Ты увидел роящийся пепел.
Это отблеск старинной палитры,
Где во времени меркнут закаты.
Над забытым пюпитром склонившись,
Мальчик-паж не страницы листает,
Он забытые грёзы сметает
Тонкой палочкой дирижёра.
Ты, хранящий забытые грёзы,
Паж, скользящий сквозь зарево в вечность.
Ты — слугитель души валторны
Или Музы Эрато спутник?
Я не верю, не жду, не надеюсь,
Не грущу о давно ушедших.
Просто вижу роящийся пепел
В полудрёмного неба закатах...
Мальчик-паж оставляет пюпитр,
С Музой в вечность неспешно уходит...
Перед Сфинксом стою я вопросом,
Многоточьем — рассыпанный пепел...

3

Музу — в профиль, анфас —
Звука звоном — на Горе Демерджи.
Звенели волны, несли дань прибором.
Музе Горы — золото звона волны.
Летели вороны — выронили веретено
Времён — Музе Горы — Парок день.
Странники шли, дары несли.
Отец гор — Бабу-ган —
Музе Демерджи:
Венец облачный.
Сфинкс-анахорет
Смотрит и молчит.
Муза туманами окутана,
Звоном лазури убаюкана,
На ладони Кузнеца-Демерджи
О Крыме всё грезит...

Андрей КОСТИНСКИЙ

Харьков

Ртутное время

Время моё ртутно.
За 43 живу.
Летя, дели, мигнуты
засорены в молву.

Рощи золотым больше.
Каждый луч стучит — поршень.
Солнце из желта — в краснедь.
Было ль зеленó — праздник?

Но годы годов проходят,
жизни мои пресня.
И всё сложнее коды
на немоих веснах.

В небытие вне бы!
Вечерит, где светло.
Я прикасаюсь хлеба,
судорогой свело
горло, как вишню в кляре.
Столько надобно сколек,
чтобы спросить: «Я ли?»
И не услышать: «Койй!»

Любовница

Я падал долго...
Казалось, что моё падение было дольше,
чем — изгнанного Ангела.
А бездна была — как перевёрнутая воронка.

...Я голодал.
Я кусал себе пальцы,
брение из крови и песка
хрустело на зубах,
как черепки обожжённой глины —
той, что осталось
по ненадобности
после первосотворения...

...Я хотел пить.
Небо иногда посылало дождь,
но солнце так раскалило землю,
что капли испарялись
на высоте моего роста,
не долетая до рта...

...Я мёрз.
Пятно солнца сменялось пятном луны.
Небо вокруг них стало фиолетовым,
и я уже не мог различить,
кто из них когда светил —
наверняка день сменял(ся) ночь(ю),
но я уже не чувствовал, где их граница.

...Я хотел Смерти.
Но она проползала несколько раз по мне,
целовала живот и глаза,
заботливо промакивала пот на лице,

гладила чресла, ложилась сверху и —
грела меня,
выжимала на губы сладкое облако,
крошила ночное светило —
и по её растущей щербинке,
и по нетронутому солнцу
я стал различать день и ночь.

А затем я проник в неё...
Это было безумием...
Смертный и Смерть любили друг друга...
Бездна не казалась уже такой одиноко-зловещей...
Голод и жажда удалялись с каждым поцелуем...
«Ешь, пей меня», — слышал я...

Её волосы просачивались мне в рот,
я кусал их — а она смеялась!
Я мямл её тело так,
словно сошедший с ума пражский доктор —
глину очередного неудавшегося Голема:
он так хотел, чтобы на этот раз
первой получилась женщина.

Я царапал ей спину, грудь,
словно делал борозды для семени,
из которой взойдут...
взойдут...
я кричал на неё, ругал,
а она соглашалась с тем,
что изменяла мне до меня миллионы лет...

Она...
Она не хотела меня потерять.
Она плакала, и бездна...
Бездна наполнялась её слезами,
и уже был слышен
звук падающих слёз в океан из них же...

И вот — я коснулся океана телом,
и он стал выносить меня обратно.
Но я не хотел уходить от Любимой,
И она не хотела со мной расставаться,
не понимая — оба! —
что будет истинной причиной разлуки!

Я
просыпáлся.

Её...

Её не было...

Губы кровили, изрезанные её волосами,
на груди жгли иероглифы царапин,
глаза болели — они так привыкли к её присутствию,
что без неё...

без неё...

БЕЗ НЕЁ!!!!...

«У нас будет *небо*...» —
я помню её прощальный шёпот
в воронку моего уха.
Шёпот заполнял всего меня
и выталкивал,
выталкивал...

Я падал снова...

Я уже не мог без неё...

Она...

меня...

ждёт...

Город-любownik

С пятницы на субботу...
Одна в квартире...
Между седьмым этажом и

небом...

Открыты окна.
Она —
обнажена,
на балконе —
открылась Городу.

Полной луны гонг.
Молоточек чьего-то кри-каAAA... !!!

Мало точек-звёзд-родинок —
небо сегодня породное...

Ветер и свет ночной
спорят —
кто нежней для неё —
открытой и ждущей.

Она немного озябла.
Обнимает себя,
любаясь собой — гордой,
любаясь собой — ...одинокой.

Две восставшие башенки
согреваются-ладонями-спрятанные.

Запрокинута голова...
Опрокинута небо...
Город целует глаза...
Город целует губы...
Город целует...
шею, плечи, волосы...

Она поднимает руки —
Город снимает
видимое
только им двоим
платье...

Город целует груди,
нежно — она смеётся...
нежно — ...Щекотно... Щекотно!..
нежнее — она подставляет
губы и — ...!
Город плачет...
Город уткнулся в её колени,
обнял её бедра,
смотрит — снизу вверх.

Она — улыбается...

Снова закрылась руками,
снова его дразнит...
Город заплакал небом...
тёппп.лые...
тёппп.лые...
тёппп.лые капшп.ли
ушшп.али на губббб.ы...
она их глотает, глотает, глотает и...

он перестал плакать.

Ветер — по каплям остывшим...
ветер — по телу озябшему,
мокрому,
истеричному...

её знобит...

ей хочется плакать...
кричать...
кусаться...
тепла...
продолжения...
выхода...

Город вошёл в неё...

Ко(г)фе

Твои нежные пальцы
держали иглу
и зашивали мешочек
с моим сердцем.

Ты цепляла
этот мешочек на солнце
и, когда сердце высыхало,
молола.

Поутру я будил тебя
запахом молотого сердца,
подавая напиток (ко(г)фе)
в постель.

Ты целовала меня в лоб,
пила кипяток,
отворачивалась
и спала дальше.

До того времени,
когда порошок заканчивался,
в моей груди
отрастало новое сердце.

И всё повторялось снова.
И всё повторялось снова.
И всё повторялось снова.
И всё повторялось снова.

Но однажды я спрятал мешочек,
и тебе стало грустно.

Ты взяла меня в руки,
потрясла,

но сердце в груди
не успело сохнуть
до торохтящей горошины.

Тогда...

Тогда ты заплакала!
Я же подставил мешочек,
процедил через него
дюжину слёз в чашку,
из которой ты любила пить.
Подставил солнцу —
оно выпарило слёзы,
оставив кристаллик соли,
через который ты теперь
и рассматриваешь меня.

Моя тетрадь в клеточку

Ты — моя тетрадь в клеточку.
Когда я пишу в ней,
задевая линии-нервы,
то делаю тебе
больно.

— Пиши в клеточках,
не выходи за них!

Я будто и слышал тебя,
но не слушал.
И выходил из клеточек,
и загонял тебя в клетку.

За что ты меня любила?!

Ты в клетке
спасалась
скорее
от желанья
меня убить.

Я буду теперь стараться.
Я буду вписывать буквы
аккурат в молоко квадратики.
Мои стихи к тебе
будут похожи
на заполненный кем-то
сканворд.

А листы в тетрадке
всё не кончались.

И не знал уже я,
что здесь плохо —
то, что я пишу
неосторожно,
или — для тебя —
что листы
множилисьмножилисьмножилисьмн...

— Эй, ты поставил кляксу!

— Это не клякса.
Это кровь из носа.

— Лечись!!!

Ирина КУЗНЕЦОВА (ГРУЗДЕВА)

Харьков

*Родилась в посёлке Палатки Харьковской области.
Окончила Харьковский колледж текстиля и дизайна.
Член Международного Союза творческих сил
«Озарение», ЛИТО «Забой» и «Стражи весны».
Координатор журнала «Стражи весны».
В настоящее время живёт в Харькове.
Публиковалась в альманахах «Пять стихий»,
«Восхождение», в журналах «Склянка*Часу»,
«Союз писателей», «Лава».*

Поэт

Он пишет так, что замирает день
И в ожиданьи трепетном страницы.
Его рука, подобно светлой птице,
На холст листа отбрасывает тень.

Из слов простых слагаются стихи.
И все его пути — дорога к Храму.
Не дай ему отчаяться так рано,
Отец, прости ему его грехи.

Он пишет так, что отступает ночь,
И свет тех слов спасает чьи-то души.
Но старый храм намоленный разрушен
«И нету сил, чтоб это превозмочь» —

он пишет так...

* * *

Это жизни итог, возвращается всё на круги.
Возвращаешь долги — по счетам платишь болью за
скверну.
Предавая друзей, ты шагнул за предел, где враги
Заменили друзей и тебе присягают на верность.

Самой нежной из жён, что досталось за ласку и свет,
За огромное сердце, которое в муках сгорало
за тебя одного?.. И заката кровавый браслет
Отразился в воде, как в ту ночь на Ивана Купала.

Я хотела спросить у тебя: как она умерла?
Ты бежишь от вопроса, заведомо чуя опасность.
Ты не веришь себе, нервно куришь погасший кальян,
Скоро время расставит все точки — рассвет будет
ясным...

Я хотела узнать — Расскажи, что такое судьба?
Часто видишь во сне роковое ненастное лето?
Ты на верном пути. Ты уже в двух шагах от столба,
На котором тебе не удастся избежать ответа.

Это жизни итог, возвращается всё на круги...
Возвращаются все — вот и ты у речного причала,
Будто кто-то позвал в темноте, но не видно ни зги. —
Это память вдогонку тебе её имя кричала...

* * *

Хранят
ушедших души —
облака,
Баюкают ветра
колосья хлеба,
А небо
нас качает на руках,
Сплетая в нить одну
и быль и небыль.

Из сонма туч
на землю льётся дождь,
Небесным молоком питает травы.
Мы принимаем грозовую дрожь,
как чьи-то неразумные забавы.

Мы — сами дети
учим жить детей,
По сути
ничего о них не зная...
Летит сквозь мглу обитель ста морей —
Земля,
своих землян оберегая.

Хранят ушедших души
облака
И облака хранят
ушедших души
И небо
нерождённых нас пока,
хранит
и этой связи не нарушит...

Поэт и Ночь

Поэту Ночь не смеет возразить,
Она пред ним, как девушка нагая
И слышен рокот слов и свист нагаек...
Под поцелуй рифм свивает нить
Та, что умеет как никто ценить!
Его полночный бред порой пугает,
Но с нею он не груб. — Изнемогает,
И молит, чтоб спасла, и просит пить,
И мается, особо по весне,
Уже и сам не рад своей обузе —
Кричит: «Останься!» загулявшей Музе,
И до рассвета мечется во сне.
Ждёт новый день, как возрожденья знак
Пленённая от века и донныне,
Она — его наложница, рабыня.
Поэту ночь не смеет отказать!

Юлия КУЛИКОВА

Харьков

Письма для Д.

1

Привет, мой друг! Письмо тебе пишу.
Быть может, ты поймёшь меня... А может,
Когда устану и уйду в неизвестность,
Когда пойму, что мне не стань невестой,
Ты вспомнишь обо мне, как помнит шут,
О маске, что, вставая, стала ложной.
Я этой ложью иногда грешу...

А помнишь Рим?.. Далёкий, словно мир,
Который в детстве я нарисовала:
Он прост и мил, заветен, и завешен,
Как зеркало (в нём отразился грешник).
Там и сирень цветёт, и вечный мирт...
А на плечах, подобно покрывалу,
Оставит выдох ветренный Эфир.

В моих глазах заметил ты печаль?
Да, я грущу. Похоже, снова осень...
Похоже, что оставить я пытаюсь
На объективе чёрную усталость.
Приидет день, начало всех начал,
И превратит печаль в отметку «восемь»,
Мне заменив и друга, и врача.

2

Ты, конечно, простишь, и глаза, отразившие небо,
Мне ладонью своею по-братски так нежно утрёшь,
Что я робко взгляну, и пойму: «Эх! Мужа такого
мне бы!»
Но в каком же пространстве такого, как братец,
найдёшь?

Всё слилось: запах горькой зелёной полыни,
Отливающей изредка ёлочной вдруг синевои,
И печальный мой день, оказавшийся серым
и длинным,
Как протяжный-полУночный-волчий-налУненный
вой.

Ты простишь. И поймёшь. Улыбнёшься, чуть видно
кивая.

Я прочту по улыбке, глазам все советы твои.
Милый, ласковый мой! Пусть хандра меня одолевает,
Будь таким, как сейчас, — от любимых любовь не таи.

3

Подставляю лицо камере приставучей.
Загорелась щека румянцем.
— Может, в кадре твоём стану немного лучше,
Может быть, прекратятся танцы...

— Ты танцуешь?
— Сегодня и правда, радость
Захлестнула меня!.. Я пью её — не напьюсь.
— Подожди-ка. Улыбку!.. Какие кадры?!
Я взглянула в лицо — и вниз повернулся юс...

Подставляю себя — бей меня, пей, насилуй:
Разрешаю тебе, что хочешь.
Вот увидишь, моей хватит надолго силы,
Не тревожь меня только — ночью.

— Ты одета? Я жду тебя, солнцерыбка!
— Я раздета. Давно... Ты смотришь не на меня!
Я — на фотках твоих, на твоих открытках.
Неужели на них меня уже променял?..

— Ну не дуйся, малыш! Это моя работа...
— Замолчи! Я уже устала!..
От кровавых смертей — нужных тебе абортот;
От посуды, что пахнет «Галой»;

От запачканных джинсов — помадой, спермой;
От бессмысленных фраз, которым сто лет в обед:
Что, мол, я у тебя оказалась первой,
Кто оставил в холодном сердце горячий след...

Но, пожалуй, сейчас я бы хотела фото.
Мне на память так мало нужно:
Абортарий-живот станет пускай работой,
Ну а фото — тебе на ужин.

4

Харьков бездушен. Мир от меня устал.
Я от него, наверно, устала тоже.
Я от него спешила укрыться в осень:
В серый туман, в дождь 25 на 8.
Я укрывалась. Так — год за годом прожит.
Сил бы хватило — с чистого всё листа...

Небо затянуто тучами в двух мирах.
Солнце навеки спряталось. Не дождаться.
И не понять, что же сегодня будет?
Буду ли прятать в нежность ладоней груди,
Или опять позовёшь на стихи и танцы?..
Птицами чёрными вспорото небо. Страх.

5

За думами — простейшая печаль.
Гнетёт меня, и душу рвёт на части.
Я так хотела, чтобы ты молчал,
Но голос слышать твой — такое счастье!

Избыточность, сулящая мечты
Свершение и будущность, и радость,
Прошу тебя, прочти меня, прочти.
Твоё вниманье — лучшая награда.

И просьбы все глупейшие мои,
Что лучше бытия — обет молчанья,
Что чем ругать — моли меня, моли,
Ребёнком на руках своих качая.

6

— Держи меня!..
— Дышать не забывай!
Неистовость моя в грудино глухо бьётся,
Но в памяти звучат твои слова..
Какие? Всё не вспо... — причина сумасбродства.

— Скажи о нас!..
— Ты чай не допила!
— Не буду допивать: мне гадов чай без солнца!
Больною головой томим Пилат..
У мира — параллель. Там одинокий мой царь...

Затравлен взгляд. — Его мне не постичь.
Пути из двух миров пересеклись случайно.
И голос мой, печали полный, стих;
Ведь губы обожгла слегка горчинка чая.

Для чашек двух готовила отвар.
Теперь самой испить его до дна придётся.
Не парок, но изжарил в пепел март.
Я буду ждать опять. Где одинокий мой царь?..

Филипп ЛЕБЕДЕВ

Харьков

***

Тучи... На небе взошли
Тёмные облака. Пришли и остались,
Нависли над нами... Над всеми.
Тучи, вы закрыли мне путь к солнцу..
И теперь
Я не смогу стать Икаром.
Я хотел бы взлететь к солнцу,
К нему прикоснуться ладонью
И не обжечься. Тучи..
Их клубни, будто остатки от гари
От сильных пожаров, от которых,
Быть может, стгорел весь мир.
Тучи... Сквозь них пробиваются лучи солнца.
Они кажутся искрами, которые ещё не потухли.
Они — остатки того абсолютного пламени,
Которое сожгло Землю дотла.
Небо... Ты покрылось пеплом,
Который взмыл в воздух после сего
Жестокого апогея планеты людской.
Пепел... Угли... Зола... Они взлетели в небо
И превратились в тучи.

***

Знак бесконечности отождествляют с жизнью
Религий множество и прочие поверья.

Но после смерти жить не интересно,
Ибо наскучило до боли бытие.

Коль жизнь парабола на оси ординат,
Смерть будет кульминацией оной.

А после смерти ожидает лишь паденье,
Паденье в плоскость ту, откуда стартовал я.

Вокруг аллюзии: коль финиш станет стартом,
Не будет вовсе смысла, чтоб существовать.

И я готов отдать остаток жизни,
Чтоб улететь в прострацию, минувя небеса.

* * *

Вот, опала листва. По земле, шелестя, прокатились
Листья в жёлтый окрас, как остатки той легкой поры,
Так и мысли мои, как остатки умерших рептилий,
Вслед за ветром летят, попадая в безумный порыв.

Я на гору взошёл и кистью прикоснулся к озону.
Я прожил там лишь миг и спустился в ущелье скал.
Я в момент осознал, что внедрился в небесное лоно,
Но вздымался туман, и в душе воцарилась тоска.

Всё несётся листва. Ветер сжал их в округлые комья.
То шуршат по земле, то, как перья, вздымаются ввысь.
Я со смертью на ты, но ведь с жизнью совсем

не знаком я.

Ты среди листьев сидишь, на ковре из альпийской
травы.

Ты сидишь и молчишь. В одиночестве, хоть
на мгновенье,

Переносишься ты в пелену кораблей-облаков.
Сердце громко стучит. Кровь, журча, протекает

по вене.

Ты уносишься в даль, хоть и небо не так далеко.

Вдруг взорвалась тоска, растворившись в небесном
раскате.

В сердце я поражён, острями амуровых стрел.
Я сбегая в себя, но опять возвращаюсь на паперть,
Я готовлюсь ко сну на небесном предсмертном одре.

* * *

Я вижу этот мир под бременем очков,
Хоть цвет их и оттенок мне не ясен.
Я вижу драму, как Альфред Хичкок,
Коль среди весны стоит опавший яшень.

Я вижу смерть, когда пишу стихи,
Я вижу прошлое, сквозь сны текущей ночи,
Сквозь призму наркотических стихий
Я вижу будущее в свете всех пророчеств.

Бездарность вижу я, ввиду имея шарм.
Я грешен, как и все земные люди,
Но моё тело, сердце и душа
Погружены в мир эротических прелюдий.

Я видел многое, прожив так мало дней
И в сердце чувство кое-то трепещет,
И в голове так стало холодней...
Я видел мир, сквозь миллионы трещин.

Андрей ЛИННИК

Линник Андрей Станиславович. Родился в 1970 году. Харьковчанин.

Окончил Богословско-педагогические курсы при Харьковской Духовной Семинарии.

Имеет свыше 700 публикаций в периодических изданиях, антологиях и альманахах.

Член Межрегионального союза писателей Украины и Всеукраинского творческого союза «Конгресс литераторов Украины».

Член редколлегии альманаха «Артистическая бухта» (Севастополь).

Член Пресс-службы Харьковского областного отделения ВТС «Конгресс литераторов Украины» и МСПУ.

Лауреат II Областного литературного конкурса им. А.С. Масельского в номинации «Поэзия» (Харьков, 2008).

Лауреат II Международного литературного конкурса «Человек, судьба, эпоха» в номинации «Поэзия» (Харьков, 2012).

Лауреат конкурса на звание «Лучший юморист 2011» журнала «Крокодил плюс» (Киев, 2011).

Лауреат и дипломант Международных и Всеукраинских поэтических фестивалей «Пристань менестрелей» (Балаклава, 2009 и 2010), «Чеховская осень» (Ялта, 2009, 2010, 2011), «Евпаторийская весна» (Евпатория, 2010), «Ёшкин Кот» (Керчь, 2010).

Дипломант Областного конкурса-смотря «Молодая Слобожанщина» в номинации «Поэзия» (Харьков, 2009).

Финалист I Международного литературного конкурса имени Платона Кускова (Харьков, 2011),

«Конкурса Одного Стихотворения памяти Риммы Казаковой» (Одесса, 2011) и других литературных конкурсов.

Смутное столетье

Тавтограмма

Седое солнце свет слепящий свой
Струит самозабвенно-светозарно.
Сияют святки сладкой синевой,
Сочельники — старинно-самоварны.

Самара, Сызрань, Суздаль — сказок свет.
Смоленск, Саратов — ситцев самоцветье.
Столицы сероватый силуэт...
Сменило сказку смутное столетье.

Сумбур совсем смутил сердца сейчас,
Счастливый сон свинцовой стал страшилкой.
Страна страдает, слепо соблазнясь
«Свободой», самозванцем «скоро шитой».

Смутьян симбирский смял свою страну,
Свирепостью сверхмерною страшая,
Самозабвенно славя сатану,
Славянские святыни сокрушая.

Смутьяна сумасбродного сменил
Семинарист случайный — славный Сталин.
Союз Советский — сцена страшных сил.
Садист, смеясь, спектакли смерти ставил.

Столетье страха, смерти, Соловков.
Сценарий страшен. Сумрачны сраженья.
Стране самонадеянных слепцов,
Стране святых — страданиями спасенье!

Молитва

Прости меня, Боже. Прости!
Спаси, сохрани и помилуй!
Прибавь телу слабому сил
И крылья душе дай бескрылой.

Молю, Боже мой, не оставь
Во время лихих испытаний.
На путь меня верный направь,
Дай грешному разуму знаний,

А чёрствому сердцу — любви.
Закрытым глазам дай прозренья,
Чтоб ясно увидеть могли
Всю мощь и величье Творенья.

Луч света на дух мой пошли.
Устам подари красноречье,
Тебя прославлять чтоб могли
В молитвах они бесконечно.

* * *

Рассветных облаков размытая палитра
Художником неведомым забыта в высоте.
Зима прошла и облака не те:
Лазурных, розовых — сторицей их разлито.

О, как оно безбрежно, это небо
Ещё одной весны, — последней или нет?
Вглядись в него, взглядишь — и благ земных не требуй:
Под вечным небом всё — лишь суета сует.

* * *

Видно, так ведёт меня Господь
По Своим неведомым путям...
Может, если здесь страдает плоть —
Там душа войдёт в небесный храм?

На земле я в храмах редкий гость,
В мелочных заботах и делах.
Как же побороть мне в сердце злость?
Как же победить пред смертью страх?

Плоть моя, ты возвратишься в прах.
Что в могилу можно унести?
Господи, помилуй и прости,
Душу упокой на небесах.

Возвращайся

Утра блеск и пожар вечеров,
И корабль тёмный звёздных небес —
Мир прекрасен, хотя и суров.
Так неси же смиренно свой крест.

Возвращайся, не кончен твой путь,
Ждёт тебя он, терпи, не ропщи.
И в юдоли скорбей не забудь:
Ты ещё лишь в начале пути.

Апокалипсическое

*И вот, конь бледный, и на нём всадник, которому
имя «смерть»; и ад следовал за ним; и дана ему
власть над четвёртою частью земли — умерщвлять
мечом, и голодом, и мором, и зверями земными.
Откровение Святого Иоанна Богослова*

*Над страной моей родною
Встала Смерть.
Андрей Белый*

Сумрачный всадник на бледном коне
Мчится в небесной пустой вышине,
Вьётся, как змей, чёрный плащ.
Годы, столетия, тысячи лет —
Здесь, на убогой и грешной земле, —
Слышатся стоны и плач.

Что там блестит в его чёрной руке?
Это коса! Где-то там, вдалеке,
Зарево крови встаёт.
Где проскакал он — там голод, война,
Моры и бедствия примет страна.
Ужас стремится свой полёт!

Будут царить там и злоба, и страх.
Ненависть будет гнездиться в сердцах,
В душах и в мыслях людей.
Чёрная тень поползла по Руси...
Боже, помилуй нас! Боже, спаси!
Смерть над страной моей!..

* * *

Вдруг, как упырь, навалится тоска
И медленно высасывает душу.
И цель недостижимо далека.
Иль нет её?.. Есть только вездесущий
Унынья дух... Безрадостно. Жара.
Сиропом вязким зной струится с неба.
Кто от тоски, скажите, умирал?
Пожалуй, тот, кто камень вместо хлеба
Давал просящим. Видно — я таков,
Коль от унынья беспросветно мучусь.
Когда просящим был подать готов?..
Да, тяжела немилосердных участь.

Ожиданье встречи с Крымом (сонет)

Зима ушла, метелью отклубив.
Я терпеливо с крымским побережьем
Ждал встречи вновь и не терял надежды
Увидеть тихо плещущий залив.

Здесь бриз прибрежный, словно боязлив,
Чуть зыбит гладь морскую безмятежно.
Лазурь небес бездонна и безбрежна.
Тавриды помню ласковый мотив!

«Сонату моря» — кажется — «Финал»
Чюрлёниса я часто вспоминал...
С мечтой о море пережить обиды —

Немного легче было для меня.
И вот — приехал (жаль, что на три дня!),
Поклон тебе, земля Керкинитиды!

Послекрымские раздумья

* * *

Гурзуфских улиц узкий лабиринт,
Да разве улиц? — тропок меж домами.
Двоим не разминуться здесь. Один
Пройду по ним. И, кажется, меж нами
Уже растёт таинственная связь,
Хотя я не был раньше здесь ни разу.
Меня манило море отродясь
И улочки — из гриновских рассказов.
И вот Гурзуф — воздушный, словно сон,
Как летний сон в преддверии рассвета.
Я воздухом приморским опьянён.
Гурзуф, Гурзуф! Как ты влечёшь поэтов.

* * *

Подмигнуло мартовское солнце,
Покидая зимнюю тюрьму.
Глазками раскосыми японца
Щуримся и мы в ответ ему.

Сквозь ветвей озябших обнажённость
Льются ослепительно лучи.
Дымкой горизонта искажённый,
Абрис городской не различить.

Мы с тобой стоим у перелеска,
Солнышком застигнуты врасплох.
Ветерок хоть свежий, но не резкий
К нам доносит свой негроткий вздох.

Шахматной доскою чёрно-белой
Ныне неколхозные поля
Пролегли. Глядит ещё несмело
Из-под снега рыхлая земля.

Счастье так недолго в мире бренном,
Зачастую, это — вспышка, миг.
Но сейчас остановилось время,
Радость солнца — лишь для нас одних!

Герман ТИТОВ

Харьков

* * *

Светотень предлагает игру
Утро предполагает зевоту
Вероятно я весь не умру
Но и почве останется что-то

Книжный сдвоенный мрак декабря
Смирный снег в запрокинутой жиже
Славой Жижек — развод бунтаря
Горизонт расположенный ближе

Отсыревшего ночью крыла
Облаков кочевого дыхания
Первый снег не боится тепла
Смысл не требует истолкованья

Поистёршийся левый извод
Простоты площадные привычки
Гвозди загнанные в небосвод
Старых улиц советские клички

Монументы на красных костях
Проржавевшие в пробках Тойоты
Наш эон засиделся в гостях
И не слышит хозяйской зевоты

Смерти вскормленной временем нет
Где земной справедливости мало
И Введенский плывёт меж планет
На ожившей картине Шагала

А с ночной стороны турникета
Дремлет лампа — эпитафия рассвета

* * *

Дохлый ангел при дороге
Мотылёк на лобовом
Это — будете как боги
В исполненьи ролевом

Прозаически и просто
В вены вводится пароль
Фотожабы перепосты
И цитат чужая боль

Захлебнись вчерашней шуткой
Пририсуй себе усы
Свет и тьму везёт маршрутка
Мимо лесополосы

У Вселенной нет Селина
Для славянской чепухи
И коснеет наша глина
Будто старые грехи

И струятся ввысь берёзы
Будто дышит чернозём
Под безвременья наркозом
Всё сбывается во всём

И — мели мели Емеля
Код любви для вставки в блог
Этой осени недели
Для тебя оставил Бог

Рожицы болотца ёлки
Опустелые поля
Полусонные просёлки

Древних истин кривотолки
Солнечные вензеля

Жизнь — уже не катастрофа —
Тихо светится во мгле
Как письмо Мариенгофа
На есенинском столе

Кацарская

От сердца без обиняков
Ток памяти течёт дискретно
Так *одинок* был Тиняков
У тёмной фабрики конфетной

Угрюм как молодость район
Белёные бедой фронтоны
Фасады фижмовых времён
И коммунальные притоны

На кульманах Метропроект
Чертил круги моих бессонниц
Советского плюсквамперфект
Всем верноподданным — червонец

Разменный мусор ностальгий
Заёмное волнение блогов
Открытый космос из фольги
Для новогодних некрологов

Под безутешною сосной
Надтреснутых шаров соседство
Короткое как выходной
Иголки снов роняло детство

Обёртки писем и конфет
И точки склёвывали птицы
Мой Харьков — только трафарет
Условленной любви граница

Центральный рынок да вокзал
С Холодную горой навскидку
Мой город безнадежно мал
Я им оставлен как визитка

Бессмысленная на столе
В бессмертии — чужом и гулком
И бродит пешеход во мгле
По выдуманному переулкам

Ялта

В этих небесах гриппозных
В этом горе без границ
Падать никогда не поздно
С листьями — на землю — ниц

В этой Ницце черноморской
Улиц куцых ширпотреб
За преградой бутафорской
Теплится горячий хлеб

К набережной оправданьем
Жёлтая ведёт стезя
С тёмной осенью свиданья
Отложить уже нельзя

Все дела косноязычны
Ветхая скрипит айва
С вывесок апокрифичных
Осыпаются слова

Всё предательски двоится
Словно эхо и шаги
Скудных крымских гор над Ниццей
Съехавшие колпаки

День за днём как заиканье
Риторический повтор
Очи прикрывает зданье
Веками дрожащих штор

Свет ещё не зажигают
Но подобна фитилю
Та с которой провожаю
Ту которую — люблю

Осенняя гроза

Свободная воля не трогает струны
Библейского ливня — все липы вразлёт
Слетает гроза в смысловые лакуны
И клумба — подмокший ковёр-самолёт

А в аэропорт не везут за валюту
Подножного золота и багреца
Вся жизнь на ветру — от салюта к салюту
История без оправданья конца

Здесь Лот говорит с облаками по-русски
Вся жизнь — эхолот — глубоки её дни
Течёт Иордан по Бурсацкому спуску
И глухнут в оплывшем пространстве огни

* * *

Нарратив на мёртвой точке
Тёмный город Ворожба
У вокзала всё цветочки
Вдоль по улицам судьба

Поезд мчится как придётся
Меж полей небритых щёк
Перепроданное солнце
Семечки да хозрасчёт

Не узнать у полукровки
Ни имён ни прежних дат
Гипсовый на остановке
Рассыпается солдат

Жёлто-синим понарошку
Красят будку и забор
И везут в мешках картошку
Чернозёмный звёздный сор

Тишина не утешает
Ветер дует в рукава
Как отчаянье большая
Родина всегда права

Крошками огней накормит
Воробьёв на сквозняке
Память в тёмно-синей форме
С небесами в кузовке

Рельс и смыслов приращенье
Выпуклый венозный путь
Этим вечным возвращеньем
Никого не обмануть

Дни и рощи вдоль откоса
Мир в котором ты чужой
Чёрный зонтик — знак вопроса
Горизонты за душой

* * *

Как Маяковский у границы
Небытия и бытия
Листаю стальные страницы
И думаю — а где же я

Непостоянством не напиться
Картинный иссякает крик
И смирно ждёт самоубийца
Меж отражений Лили Брик

Вот здесь она — и там она же
Как лесенку ни назови
На каждом этаже на страже
Нагое чучело любви

Есть утешений картотека
Но крыши громыаает жесть
Под неизбежным ветром века
Мелодией не станет жест

Здесь ни Есенин ни Асеев
Не договаривают фраз
Спасение от фарисеев
В бесслёзном вычитаньи — нас

От заполярья до барханов
Нигде не скрыться от побед
А днём перезвонит Агранов
И явится языковед

И позабыть её — забыться
Легко — но речи больше нет
И разлетаются страницы
Картонной плоскостью планет

Устами темных Окон РОСТА
Мне улыбается тоска
Всё примирительно и просто —
Весенний холод у виска

Ирина ТЮХТИНА

Харьков

Аукцион

Распродаются чувства!
Кому ярость?
Совсем даром,
Но, правда, малость.
Кому злость?
Совсем безвозмездно!
Еще есть,
Пока не поздно!
А может зависть
Нужна кому-то?
Да что за напасть!
Никто не купит?
Вот есть веселье...
Нет, столько нет.
И с ним улыбки —
Один комплект.
Еще есть радость —
Совсем немножко.
И счастья лучик —
Он для окошка.
Ну и любовь.
Лишь «с молотка»
Кто больше даст?
Еще? Еще? Раз. Два.
Три! продано!
Аукцион закрыт,
Ждем завоза нового.
Вопросов нет?
а...

У...

к...

тс-с-с...

* * *

Унылый пейзаж законный,
Шуршанье колес подо мной.
И взгляд, лишь слегка отрешенный
Следит за дорожной тоской.
Мелькают столбы бесконечно,
Обочины смазан пейзаж.
В стакане разведенный кофе
Дополнит пути антураж.

* * *

Мы — на нулевом уровне.
Семь небес вверх.
Девять кругов вниз.
Мы вечно блуждаем
То «в плюс», то «в минус»
Создавая движением
Кардиограмму жизни.

***

Я пройду босыми ногами
По мокрой земле
Я успокою небо
К моим ногам упадёт радуга
И я пойду по дороге счастья

***

Мы складываем,
Словно пазл,
Жизнь.
Из обрывков картинок —
Мгновений.
Имея общее представление
о результате.
Но в томительном
ожидании:
«Что получится?»

***

Его слова,
Словно лезвия,
Прошлись по душе,
Оставив тонкие
Слезоточащие
Раны.

***

Мы —
геометрические проекции
Бога,
начертанные
на ватмане Земли.

@podzagolovok Слёзы неба

Небо оплакивает
умершего
                    человека.
Ему вторит
десяток
                    плакальщиц.
А что эти слёзы?
Будет
                    облако,
на котором будет жить
душа
                    умершего

***

Хочу принять участие
в сотворении
творения
творца-поэта.
И это
в моих силах,
ибо я слыла
поэтом
где-то.

Партия

Я предлагаю партию в любовь
И начинаю с пешки.
Ты не доволен чем-то вновь?
Предпочитаешь шашки?

Так может в карты разыграем?
Там есть хотя бы червы...
И то, что мы ещё не знаем —
Оно щекочет нервы.

А что с руками? Что за дрожь?
А сердце как? Всё рвётся прыгать?
Я объясню, что не поймёшь —
Да просто ты боишься выиграть!

Дмитрий ЧЕРАШНИЙ Киев

Родился в Киеве в 1959 году. Частный предприниматель. Начал писать в 1975 году. Публикации в интернете на русском и украинском языках.

Хотелось вишен принести

Хотелось вишен принести,
Но тщетно —
Сезон прошёл,
А бусы из дождей
Ты не любила никогда.
Дремоту
И серый сплин
Застёгнутых плащей,

Старалась в шкаф повесить
И подальше.
Носила платья —
Яркий крепдешин,
Не замечая
Паутинки фальши
И скрип дверей
Отвергнутой души.

Но грянул гром...
Весенний...
Первый дождик
Стучался в окна —
Открывай глаза!
Печали отпусти

И выбрось вожжи —
Жизнь не успела
Главное сказать...

...хотелось вишен принести, но тщетно

...Строчкой золотой...

Десятки писем начинает осень
Волшебной фразой, строчкой золотой.
А на последнем листике наносит
Прощальный слог разлуке с теплотой.

Ей не присуще холод отношений,
Обидные пощёчины ветров,
Цепных дождей затянутый ошейник,
Но перст судьбы печален и суров.

Дни не уходят — быстро убегают,
В карманы прячут ситечки лучей.
Бросают — не печалься, дорогая!
Пиши на адрес... А какой и чей?

Прикрыть забыли — двери нараспашку...
Тепло крадут худые сквозняки
И лоскутки изодранной рубашки
Коврами расстилают в ивняки.

В душе тоска листвою шуршит цветастой —
Всё ищет затерявшийся ответ.
Крепчают ветры и надежды гаснут...
Тепло сменяет белый зябкий плед...

... осталась в одиночестве, как прежде...
Лучина дня не согревает дом...
Ответа нет... Ивняк, почти заснежен...
Дрожит листок, как сердце, за окном...

Один день...

Проснулся город,
Вымыл лик дождями.
Длину проспектов
Заутюжил осевой.
И зашагал с ухмылкой меж домами
На помощь дворникам,
Заваленным листвою.

Он попросил ветра
О передышке.
Взял слиток солнца
Мытарь-листопад —
Пообещал
Не оголять деревья слишком —
Грех брать последнее.
Красавцы!
Пусть стоят!

На кручах,
У подножья древних храмов,
Взглянул окрест
И поклонился куполам —

Надежде вечной
И святой охране...
В ответ
Раскатисто звонят колокола...

Так просто, так сложно...

Проходят дни,
Вздыхают о своём —
Кто о весне,
А кто о жарком лете...
И в караване
Тянутся по свету,
Отмерив срок
Который проживём.

Путь начинают
Новым котелком —
Пустым сосудом
На горбах столетий —
И обжигает стенки на рассвете,
В огне костра,
Парное молоко.

Придёт пора —
Готовят и обед,
А если повезёт,
То поздний ужин.
Не всякая душа
И воля сдюжит —
Ходить по углям сложно,
Не секрет.

Варили много, часто —
Разный вкус.
Кто сам съедал,
А кто делился с другом,
Но не кричал повсюду
О заслугах
С надменностью
Покручивая ус.

Каков итог —
Рассудит жизнь потом —
Людская память
Или же забвеньё.
Так просто потеряться
На мгновенье,
Так сложно
Не остаться
За бортом...

Приласкай, родная...

...Ты бы приласкала,
Обняла покрепче...
Осень за окошком
Горько слёзы льёт...
Сыро, неуютно.
Опустел скворечник.
И дрожат берёзки
Ночи напролёт...

Набросаем в печку
Колотых дровишек,
Заведём старинный
Тульский самовар.
Ты прижмись покрепче,
Посмотри — услышу
Все слова и мысли,
Нежных чувств пожар.

Кто ещё сумеет
Непогоды стылость,
Ветры, ураганы
И клинки дождей
Отвести от дома,
Подарив бескрылым
Веру для полёта,
Жизнь
И смех детей!

Сергей ЧЕРНЯЕВ
Харьков

Последний из рода

Из золотого кубка Валтасара
Я пил безумья горькую тинктуру
И распинал монахинь на столе.
Постигнув грех как некий вид нектара,
Анналов перечтя макулатуру,
Я крест поставил на добре и зле.
Каков итог? Проклятия на стенах.
В душе — былых страстей каменоломня.
В паху, как взаперти, — немой щегол.
Я Смерти продал душу за бесценюк, —
Утрата тем нелепей, чем огромней, —
А на ладони, как плевок, — обол.
В урочный день не деспотом — шутком
Пристало быть тому, кто слышит ветер
И знает, что секира — у корней.
Я истину ловил набитым ртом,
Все вина перепробовав на свете,
Но, не приблизившись и на полшага к ней.
И в судный миг, устало обзрев
Чужие сердцу и уму пенаты
И позавидовав не Крезу, а скопцу,
Я погашу огонь на алтаре
И буду голосить, как бесноватый:
«Проклятье миру и его Творцу!»

Камерная ода

Время ползёт улиткою странной,
Словно себе набивает цену.
В углу таракан с ухмылкой тирана
Обозревает свою ойкумену.

Спятивший ветер из пор микромира,
Как из рожка, извлекает ноты.
Кажется сном серафима квартира,
Сражённого дрёмой во время икоты.

Гранью стакана чеканится полночь
На циферблате из лунного света.
Будильник к себе призывает на помощь
Вечность визгливо-истощным фальцетом.

Быт inferнален по определению,
Его катехизис полон соблазнов.
И сердце, себя ощущая мишенью,
На исповедь солнцу и утру согласно.

Мистраль

Кроит мистраль из чёрного батиста
С размахом грозовые облака
Прохожие как грёзы морфиниста
Ныряют с любопытством мотылька
В ту жижу, что известна нам как небо
Как зеркало и антипод земли
Искать в нём смысл настолько же нелепо
Как строить среди пустыни корабли
Но даже скептик втайне алчет чуда
Взыскует бога устремляя взгляд
К той хляби польхающей откуда
Был изгнан мириады лет назад

Леонид ШЕПТОВИЦКИЙ
Харьков

Марсианин

По низу тянется речка,
С берега тянет гарью.
А сверху — река человечья —
Хвост Большого базара.

Торговцы любим товаром,
От гайки простой до танка.
По ценам почти что даром.
Всё с земли, как с прилавка.

А я, ну смех — с длинным носом,
Одетый не по сезону,
Забавляюсь вопросом —
Чего я такой закалённый,
Хоть с южных краёв занесённый?

Но не скучают сидельцы,
Шуточкой согреваясь.
И мне, как будто пришельцу,
Говорят: «Вы не с Марса?».

— Да, — говорю, — с той планеты.
Только все наши вернулись.
А я опоздал на ракету.
Вот с вами теперь и кантуюсь. —

...По низу тянется речка,
С берега тянет гарью.
В небе планета изменчиво
Красным мигает пожаром.

***

Будто луч прожекторный,
Бьёт из солнца прямо,
По морской поверхности
Рассыпая пламя.
Рассыпаясь бликами,
Золотыми рыбками,
Брызгаясь огнями...
Это с чаек криками
Сполохами зыбкими
Бродит небо с нами.

Найти себя

Пропал я. Исчез. Я в «ментовку» двинул,
Чтобы на розыск себя подать.
Слушали там меня с кислой миной,
Хмуро сказавши: «Будем искать».

Ишь ты — «пропал»! Так что же — плакать?
Поиск себя за завесой дня?
Только со мной пожилых две собаки —
Сильно надеются на меня.

Вышло ведь все же — хоть с кислой рожей,
Должен, похоже, себя найти.
Кто еще хватится? Кто поможет?
Разве опять все те же «менты»?

Ищут уж месяц — что-то не сыщут,
Я уж не знаю — а ищут ли?
Что ли врулить бы им баксов тыщу —
Может, тогда, глядишь — и нашли.

Только такому навряд ли статья,
Даже за месяц. Ну — впрямь, пропал.
Знать, самому мне за дело браться,
Чтоб отыскаться. Хоть за квартал.

Юрий ШКУРКО

Харьков

***

тошнота от
Голого Завтрака
кроме физической
мета — это
состояние человека
вдруг попавшего
на вершину с которой
большие пространства
и отсутствие ориентиров

всё кружится
повсюду голоса хаоса
поэты и опиаты

все состоит из пузырей
мы постоянно булькаем
это — бульон
пульсирующее пространство
пустоты такая вот музыка

это машина которая
порождает смыслы
из Ничего
из трещин на стене
или лиц которые
кажутся нам знакомыми

и над всем этим
беззубый Беррроуз
как бы смеётся
беззвучно смеётся

***

один в дождь
даже моя тень
смылась

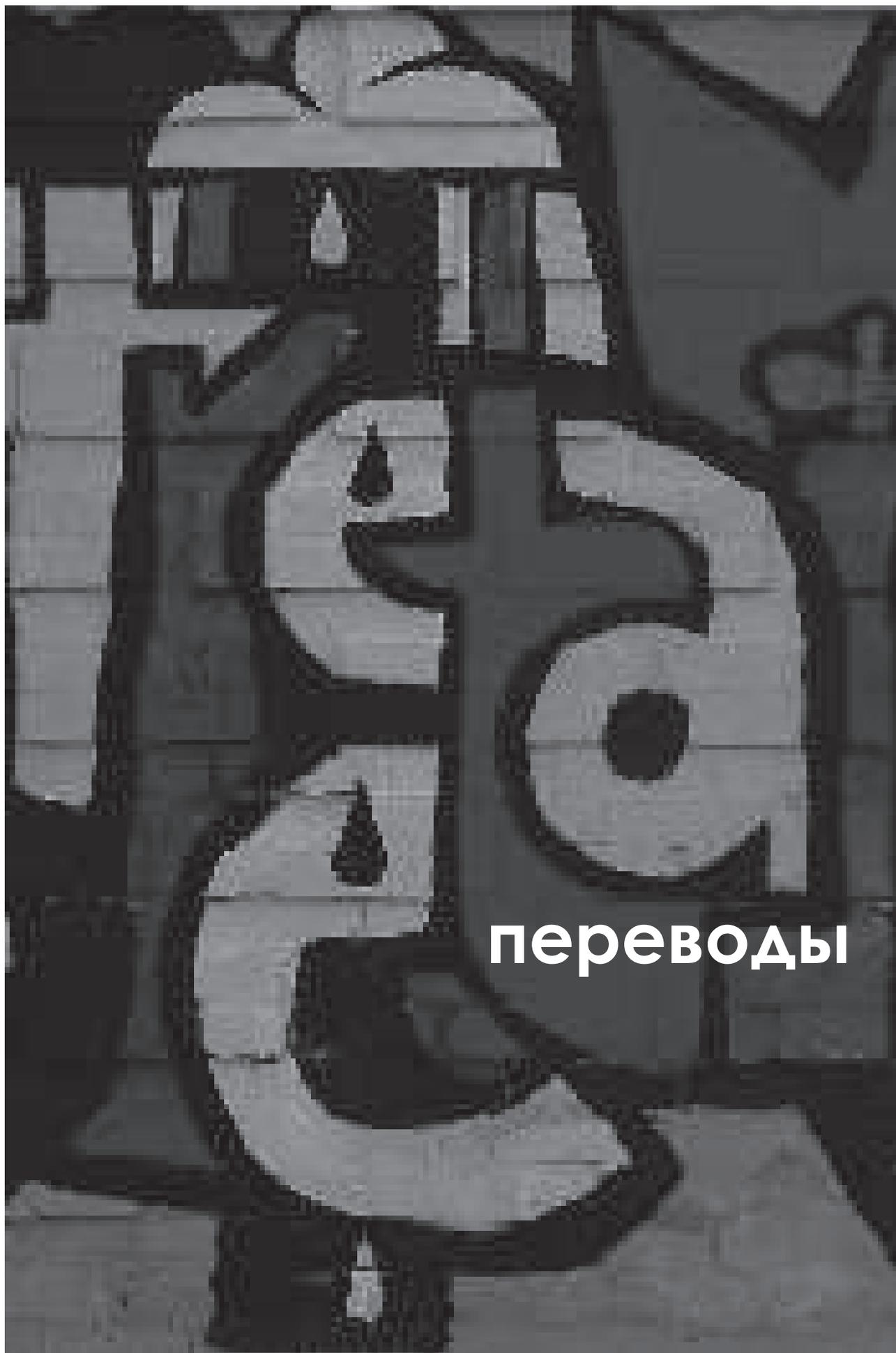
***

пью настойку
жёлтые от листьев
лужи

***

вагон метро
без рекламы
стали добрее лица

переводы

ПЕРЕВОДЫ

Елена АМБЕРОВА

Харьков

Благовещенский собор

(Г. Титов)

Над переулков тьмой пристенной,
Где пыль и трёх столетий сор,
Громадой пёстрой и священной
Встал Благовещенский собор.

От центра повернёшь направо,
И, под горой, невдалеке,
Ждёт каменный сюжет в оправе
Туч, повторившихся в реке.

Не брезгуя соседством рынка,
Где избыльна суета,
Небес молочных полной крынкой
Он жажду утолит всегда.

Слагая свещный жар в приделе,
В лучах плывёт бетонный кров
И вязь коринфских капителей
Мерцает по углам столпов,

Сухие лики чудотворцев,
Блаженных рак золотой оков,
Орнаменты иконоборцев,
И фрески рубежа веков.

Могольской Агры сень резная,
Славянской готики заря,
Блик, размывающий по краю
Каррарский мрамор алтаря.

За красной тканью, в век распада,
Дни словно семечки в куле,
Ссыпались. Был конюшней, складом,
Но, Божьей волей, уцелел.

Благовествует колокольной
Имперской Византии перст.
Здесь, после всякой драмы дольней,
На место возвращался крест.

И горевать уже не нужно,
Всё будет только так и впредь:
Собор стоит на вечной службе,
Где смертным — век не умереть.

Начала и Престолы ближе,
И тьма сползает вниз чехлом,
Когда митрополит недвижно
На ветхом коврике с орлом

Стоит, и всё прозрачней дали,
И прихожане видят свет
Любви, в которой нет печали,
Ни убыли, ни боли нет.

The Cathedral of Annunciation

Above the darkness of the alleys,
Among the three-centurial dust,
Enormous, variegated, sacred,
Annunciation Cathedral rose.

From downtown on the right,
Near the bottom of the hill,
The stone story, wrapped in sky —
The clouds, mirrored by the stream.

In reverie, close to the market,
That gushes forth both throng and fuss,
Full of the milky Heaven Marvel,
Cathedral is to quench a thirst

The sacred glow in the altar,
The domes are soaring in beams,
The capital's ornate of Corinth
Is flickering along the piers

lean images of wonder-workers,
The golden carving of the shrines
The ornaments, bizarre and worthy,
And frescos like the aged wines.

The carved canopy like Agra's,
The dawn of Slavic Gothic, whence
The patch of light that smears aptly
Carrara marble altar's edge

The age of blight — beyond the curtain,
Days strewed like seeds into a sac,
A warehouse was, then stables,
And church again — the will of God

The belfry that's akin to towers
Of Roman style, preaches grace.
And after earthen trouble-hours
The cross three times retook its place

The chagrin dies away with sermon,
That all will be like this henceforth:
Cathedral holds eternal service:
The mortals aren't dead and lost.

The Thrones and Princedoms are anigh,
And darkness crawls back to hell,
When the archbishop, noble, fine,
On the worn rug with eagle, tells

His holy blessings, vista's clear,
All the parishioners being seined
By Love without any fear,
Either the loss or any pain.

Дмитрий ЖУКОВ

Харьков

Утраченное наследие или путь искупления

Пьеса в семи действиях (сценах)

Оглавление (список сцен-действий, частей)

Действие (действие-сцена) I: Свет и Тьма

- Часть I: Рождённые в пламени войны
- Часть II: Милость Амагерасу
- Часть III: Благословение Одина
- Часть IV: Грани реальности
- Часть V: Исправленная ошибка
- Часть VI: Превосходящая сила
- Часть VII: Буря во времени
- Часть VIII: Отец и Сын
- Часть IX: Герой
- Часть X: Вечный дух
- Часть XI: Баланс сил

Действо II: Избранные

- Часть I: Величие гармонии
- Часть II: Лишь преодолев прошлое – обретёшь будущее
- Часть III: Рай и Ад
- Часть IV: В сверкающих лучах славы
- Часть V: Лишь раскаявшись – обретёшь спасение
- Часть VI: Пепел и руины
- Часть VII: На границе дня и ночи
- Часть VIII: Всё что ищешь – вокруг тебя
- Часть IX: Бой – окончен?
- Часть X: Свет – вечен
- Часть XI: Веря, я сражаюсь до конца

Действо III: Перед лицом правды

- Часть I: Три Столпа Истины
- Часть II: Великая Библиотека
- Часть III: Ристалище
- Часть IV: В вечность

Действо IV: Непредвиденное

- Часть I: Горечь предательства и сладость мести
- Часть II: Воскрешение
- Часть III: Мощь павшего
- Часть IV: Бог и боги
- Часть V: Жестокое соперничество

Действо V: Жажда безграничной власти

- Часть I: В погоне за надеждой
- Часть II: Неоспоримая власть

Действо VI: И снова война

- Часть I: И снова Ристалище
- Часть II: Путь домой

Действо VII: Праведный гнев

- Часть I: Тяжесть бремени
- Часть II: Избранные и демоны

Вступление

Немало времени прошло с тех самых пор, как человечество познало истину, что в корне изменила представление о жизни и мире вокруг. Истина оказалась довольно проста, однако лишь немногие смогли воспринять её и сберечь для будущих поколений. Те, кого мы сейчас называем нашими предками, как следует обучили своих потомков – дали знание и силу своим отпрыскам. И всё же, их надеждам суждено было угаснуть, когда пришло время последнего из хранителей древнего знания. Так, человечество утратило своё бесценное наследие и оказалось на краю гибели. Человечество позабыло, что оно не одиноко во вселенной. Люди отказались от ответственности, что отстаивалась и поддерживалась, словно очаг надежды их далекими предками. И поскольку никто не смог заменить человека и принять его непростую судьбу и нелёгкую ношу, понятие закона и порядка было осквернено и попрано. Катастрофа нависла над всей вселенной. Затем пришёл Хаос, что словно хищник почуял слабость прежде царствующего повсеместно порядка. Приспешники Хаоса не упустили возможности

подтолкнуть и помочь вселенной окунуться в тёмные пучины дисгармонии и насилия. Хаос, в свою очередь, приступил к поглощению вселенной, превращая каждое царство и каждый мир в безжизненную пустыню отчаяния и безысходности, постепенно погружая вселенную в бескрайнюю тьму. В итоге весь мир оказался ввергнут во тьму и если человечество надеется выстоять перед лицом наступающей угрозы забвения и вечных мук, ему надлежит вспомнить, что мифы и легенды – это не сказки, а некогда утраченное человечеством великое наследие. Ещё теплится надежда на то, что люди смогут обрести истину вновь и тогда искра станет пламенем, которое очистит каждую душу, что была похищена Хаосом. Мы ждём того, кто услышит и поймёт, кто откликнется на слова древних писаний всем сердцем и душой, и даже один остановит безумие, поразившее миры и народы, и не позволит Хаосу низвергнуть Гармонию и Порядок. Свет должен воссиять вновь! Увы, слишком мало времени осталось, чтобы продолжать верить и надеяться бездействуя. Конец близок! Худшие же кошмары – ничто в сравнение с чудовищной реальностью, что вот-вот сомкнёт свои челюсти.

Пролог

Ибо сказано в Тёмной Библии дьявола: “И обретёт падший ангел силу новую, силу невиданную. И будет эта сила столь велика, что падший ангел бросит вызов самому Богу, Создателю и Творцу всего сущего”. Сказано также, что сила эта родиться на Земле и, что сила будет рождена человеческими женщинами. Власть же падшего ангела Люцифера распространится по всей Земле и объявит он царство земное – своей обителью и демоны, генералы дьявола и командующие его тёмными легионами, повергнут в бою человеческих мужчин и обратят их в прах. Будь то воин или крестьянин, стар или млад, болен ли, здоров ли, никому не видать пощады. Так, для рода людского начнётся эпоха чудовищного рабства и жестокой тирании, а великая сила, что родиться из чрева женского – будет созданием доселе невиданным. Наполовину демон, наполовину человек. Тогда Сатана станет во главе этой силы, этих существ сильных, но мерзостных. Уже ни демоны и не люди, а гораздо страшнее и чудовищнее – станут они живым воплощением низости и порока. И ведомые волей Люцифера они схлестнутся с Силами Света и Порядка. Но прежде чем это случится, воины со всего земного шара соберутся в одном месте, чтобы биться друг с другом до самой смерти, до самого последнего вздоха своего. И погибнут миллионы воинов в этой битве. Все сложат головы там. Все, кроме десяти, что нарекутся избранными. Когда же избранные пробудятся, то ничего не вспомнят они о той жуткой битве. Бессмысленная резня станет лишь воспоминанием из кошмара, которого никогда не было. Тогда Господь призовет Архангелов и отправит Он своих верных стражей порядка разыскать избранных в земном мире и привести десять избранных мужчин в Мир Вечного Света. Там будущее всего человечества откроется перед лицом этих десяти, что были отмечены Небесами для великой цели и миссии во спасение и Земли, и мира. Там же и решится судьба всей вселенной. Избранные сделают этот нелёгкий выбор, павший тяжёлым бременем на их плечи. Вот, что записано в книге Сатаны. Но не сказано там и слова о том, что сделав выбор, человечество вновь обретёт себя и вернётся на Небеса, искупив страданиями и великой жертвой свой грех.

Действующие лица:

Рассказчик (в английском варианте он – рассказчик светлый) выступает также Архангелом, стоящим по правую руку от Бога и представленный, как мужской образ и начало
Рассказчица (в английском варианте она - рассказчик тёмный) выступает Архангелом, стоящим по левую руку от Бога и представленный, как женский образ и начало
Божественный Голос олицетворяет Божественную и Бесконечную Силу, по сути, и есть Бог и Творец
Самурай (избранный)
Викинг (избранный)
Крестоносец (избранный)
Инквизитор (избранный)
Шаман (избранный)
Убийца (избранный)
Ниндзя (избранный)
Витязь (избранный)
Священник (избранный)
Элин (избранный)

В песне также принимают участие разнообразные божества, духи, сущности, другие образы, которые олицетворяют добро и зло, препятствуют десяти избранным, либо оказывают свою неоценимую поддержку и всячески помогают

Сцена/Действо I: Свет и Тьма

Часть I: Рожденные в пламени войны

Рассказчик

Нескончаемая борьба добра и зла, сил света и сил тьмы, как начало существования мира. Бесконечное противостояние. Ни конца, ни начала. В этом их суть. Вечный сияющий дух, что пронизывает каждое живое существо. И тлен, и неизбежный конец, ибо тленно всё, кроме духа. Дух бесконечен, ибо ему дарована вечность. В мольбах и страхе проходит жизнь смертных. В мольбах и страхе смертные встречают конец. Они не ведают, что тлен не властен над их душами. Смерть не властна над ними. Лишь сомнениями и страхами могут они погубить себя. Дух умчится прочь от тлена в вечность, плоть по смерти – станет жить во власти тлена. Нескончаемая борьба вдохнула жизни в этот мир, став истиной для всех, став стремлением обрести вечность. Вселенная жива нами. Мы же живем бесконечным поиском: когда во тьме, когда на свету, а когда и в тумане. Повсюду, во все времена, будь то высь необъятная или дно пустынное космоса, чернотой своею холодного. Во всем найдётся им место. Глянет свет в человеческое сердце и найдёт там пристанище – одарив вечностью и благом. Глянет свет на человека тёмного и невежественного. И уползёт порочное дитя в пещеру свою тёмную. Там тьма поджидает. И опутает тьма человека этого и предложит жизнь вечную в обмане и лжи, а человек обольщённый сладостным пороком, отвергнуть зло не сможет. Так суждено каждому человеку отразиться в этих бесконечных потоках, творящих вечность. Так есть и так будет! Эта вечность живёт в нас борьбою, желанием и стремлением выжить и победить, превозмочь, разрушить или сохранить. Слова. Слова – всего лишь звуки! Враг, что за вечная сила нашла в нём отражение? Живет ли он или выживает? К чему стремится и что им движет? Придёт тот день, когда слова, быть может сказанные не нами, а врагом иначе, не будут иметь смысла. Ибо придёт тот день, когда мы или враг! Придёт тот час, когда мы или нас! Вот что важно! Вот что имеет смысл. Вот ради чего мы живём, и жить будем. Ведь этому не суждено изменится никогда, ибо нет тому надобности. Величайшие решают. Мы же с трепетом внимаем их воле. Мы – свет, когда темно! Мы – честь, когда кругом бесчестие! Враг, что многолик, скрывает своё истинное лицо, пряча его за масками своих марионеток, искажает правду о себе самом. А потому мы не отступим и не сдадимся, а враг не успокоится, покуда щупальцами своими холодными не заскользят и не поползёт, тьму сея и ложью своей дурманя. Столь велико это зло. Однако впасть в уныние – значит предать и отступить! Враг, словно космическая чернота – холодная и пустая. Но мы – звёзды, мы – планеты, мы – жизнь в жизни! И пусть мы умрём. Мы возродимся и засияем ещё ярче! Ибо внутри нас пробудилась великая сила! И теперь уже ни её, ни нас нельзя остановить. Мы и в смерти можем найти спасение, избавление для тех, в ком свет пусть не горит, но мерцает – мы не дадим ему угаснуть! Но те, кто во тьме и сеют зерно тьмы – возрастят лишь смерть. И она их погубит. Мы стоим.

Рассказчица

И вот Земля! Там битва разыгралась вновь свирепым действием. Да так, что Небеса и Тёмный Мир дыхание затаили враз! И ждут они. Вспыхнула искра, и разгулялось пламя! И ярость расплескалась из котла! Волна с волной, в круг и в спираль водоворота стремительно несут сражающихся жизни! Собрались разные народы здесь. Увидишь чернокожих, бледнолицых; и желтокожих с краснолицыми людьми; молящиеся и отвергающие всё, что есть на свете и в душе. Но битва только набирает оборот и крутится судьба волчком. Горячий бой! Такого прежде не видал и не встречал никто. Что здесь конец, а что начало? Как разобрать и как узнать? Но вот гляди закончилась резня! Утихла битва! Погибли все?! Нет, глянь! Осталось десять их среди множества, что с жизнью распрощались. Так кто же всё же победил? Стоят как неживые! Тот первый, что из десяти – его мы Самураем станем звать, как самым благородным. Другой, похоже, Викинг, и воин грозный, стало быть. Кто дальше? Крестonosец? Честнейший среди всех. За ним мы видим...Бог мой! Инквизитор! Палач святой, короче говоря. А пятым нам предстал Шаман. Ну что же, духов мир – ему он ведом лучше всех. Убийца! И что ты скажешь про него? Но обмануться не спеши. Он дело своё знает хорошо. Так, дальше! И вот выходит... Тень живая?! Ах, нет, костюм то чёрный латами прикрытый. Умелый воин с маской на лице зовется Ниндзей. Известен как лазутчик и шпион. Но кто же дальше? Могучий воин к нам выходит, и поравнялся с Викингом в рогатом шлеме. То Витязь славный, добрый, но отчего-то грустный очень. За ним фигура появилась скромная в плаще – Священник с посохом волшебным, из мудрости веков сплетённый. И вот последний из язычников готов предстать и имя ему Эллин.

Рассказчик

И вот раздался голос, словно отовсюду. Из недр земли могучей он вдруг вырвался наружу. С небес сошёл и громом прокатился. И каждый, кто стоять остался – услышал Голос. Воззвал тот Голос гневно к их сердцам. Оружие из рук своих тот час же обронили и пали ниц.

Рассказчица

Смягчился Голос. Слова Он молвил. Слова, что словно звёзды с неба наземь пали. Поведал Голос о судьбе Земли. Сказал, что ждёт людей. И близок страшный час и час прекрасный. И братьями нарёк их Голос.

Божественный Голос

Коль по болоту вам идти придётся – оставьте груз, что вас на дно утянет. Душа безгрешная парит легко, грешащая ко дну стремится безоглядно. Стремиться должно каждому из вас пройти коварными путями и воздержатся

от соблазнов. Путь лёгкий к праведности не приводит никого. Идти вам должно разом и поддержать, коль оступился кто из вас.

Рассказчик

И тут же время обратилось вспять, а десять, – избранными нареченных, – забылись крепким сном. И время отняло воспоминания о битве, но не слова, что разума и сердца, и души достигли. Оставлены им были в назидание, и как напоминание о часе страшном и часе славном, что был обещан им Творцом.

Рассказчица

Затем Архангелов призвал, двух стражей верных. Поведал Бог им и Творец о замысле своём великом.

Божественный Голос

Коль древо клонится под тяжестью плодов созревших, упасть не дайте им, а подобрал – их должно сохранить. Я призываю вас двоих исполнить долг свой перед миром.

Рассказчики

И преклонив колено и чело, Архангелы безмолвно удалились.

Часть II: Милость Аmaterасу

Рассказчик

Ночь. Лишь призраки немые, да тени разные во мгле ночной блуждают, навечно заперты они меж миром духов, что их отверг, и миром смертных, в котором им уж боле места нет. Несчастливым душам выпала изгнанников судьба и бродят от того порой ночной в тиши, в глуши. И муки зависти, отчаяния муки их тяготят безмерно, когда слышат они голос человека. Природы звуки пробуждают в них тоску и жажду счастья. Жизнь жалкая – грезой несбыточной. Но ничто не разорвёт прочных нитей судьбы, сплетённых делами при жизни. Ничто и никто не в силах сочувствовать этим жалким созданиям. Но призраки и тени не ждут сострадания, не надеяться на милость и снисхождение. Слышна повсюду трель ночных существ и насекомых. Птицы хищные во тьме ночной высматривают добычу. Внутри храма благородный воин уснул сном крепким. Он измучен и обессилен войной и молитвами. Путь его определен, и воин это знает. Линия прервётся, чтобы вновь возродиться и продолжить путь в другом теле, в другом существе. Всё повторится вновь. Дороги встречаются на перекрестках заведомо определённых. Великая сила взимает дань немислимую, жизнь – полна утрат и безутешной горечи полна. Увидеть далеко не каждый сможет в этом дар богов. В даль дальнюю взгляд устремлён. Холмы и горы, что остры и высоки, вершины их сокрыты в облаках густых. Ручьи и реки глубоки и холодны. Змеёй в траве густой проползёт, волком в лесах зелёных пробежит, соколом в небе голубом пролетит и даль дальнюю преодолет. Время пришло пробудиться.

Самурай

(внезапно пробудившись)

Что за сон? Быть может, видение? Ужасно! Как ярко светит луна в этот поздний час, ликом своим ясным и светлым не устаёт напоминать нам о том, что наша светлая богиня с нами и днём, и ночью. Похоже я уснул, глядя в лик божественный. Слабое утешение. В молитве я предался искушению. Простите меня, великие святые, за слабость духа моего, не устоявшего перед желанием тела моего погрузиться в дрему сладостную. Разум мой ослабил бдительность лишь на мгновение. И вот результат. И всё же, видение ли это? Иль сон? Так странно, что даже странно признаться в этом самому себе. Осмелюсь все же думать, что не спал я, но видел всё как вижу звёзды и луну!

Рассказчик

И заскользил луч света лунного во тьме и пробежал он по земле и по воде. И замер луч у входа в древний храм, и принял образ женственный. И предстало божество Синто во всей своей красе перед воином благородным. И склонился воин перед богиней Аmaterасу, матерью солнца и богов бессмертных, императоров великих.
Аmaterасу

Встань, воин. Правда открылась взору твоему. Душой своей ты в будущее заглянул. Истинно сказано, что правда просвещает, но сердцу радости приносит мало. Воспрепятствовать тому должно нам с тобой, ибо судьбою уготовано это мне и тебе. Вспомни всё то, что видел ты. Вспомни, ибо не привиделось тебе это. Дух твой преодолел немислимые преграды и барьеры, а потому ты избран! Ты сомневаешься? Гадаешь, почему же ночь прочь не уходит? Почему луна не движется по небу и всё сияет так же ярко? Отвечу я тебе, правды утаить не посмею. В молитвах ты взываешь к предкам и к богам. Ты просишь смелости предать, печаль развеять и оградить от зла. Ты

просишь – мы даём. Неужто думаешь, покинуть смеем мы того, кто жизнь свою приносит ради родины и веры, во имя светлой памяти о тех, кто там, где нет печали, где нет бессмысленной вражды? Взгляни! Там за колонами стоят наёмники, которых подослал коварный враг, что жизнь отнять твою желает. За каждой из колон скрывается рука с мечом, с кинжалом и отравлённой стрелой, что поразить тебя должна была. Стоять так будут они вечно с дня сего. Однако враг, чей облик страшный ты увидел там, что сном назвать так хочется тебе. Он – зла исток. В тебе он силу смог узреть, что может стать угрозой его плану! Теперь ты видишь, Самурай, что я права? Ты избран был, а значит должен следовать за мной, как прежде делал ты в молитвах и делах.

Рассказчик

И вот возник магический портал из светлых слов и волшебства. И перенёс их в место то, что видел Самурай во сне.

Самурай (восклицает)

И впрямь то место! Как странно всё же это! Поверить не могу! Однако здесь мы собрались. И здесь осталось только десять нас. Зачем сражались? Вспомнить не могу! Что было после? Я не помню! Что за ужасная судьба! Представить страшно! И даже, кажется, нельзя и думать о таком! Однако ж, вот он я! И думаю, и говорю!

Аматерасу

Как не печально нам с тобой, мы всё же здесь. Всё что таит секрет. Всё что скрывает тайну, тому найти ты сможешь объяснение. Поверь, случится это очень уже скоро. Скажи что чувствуешь? Быть может боль унять твою смогу?

Самурай

Как чувствовать могу я, зная что живу, но мир что здесь передо мной уже не мой – я в нём чужой. Я прав? Чужой я миру, что прежде домом звал родным. Что за чёрное и печальное небо простерлось над нами? Как холодно и пусто. Луна и солнце в нём висят, и кажутся глазами помутневшими небесного владыки, супруга твоего. Он мёртв, ведь так? А значит, мёртв наш мир. Как всё-таки ужасно это говорить.

Аматерасу

Всё верно. Ты видишь час, когда настал конец! И этот мир уже не наш, и нас в нём нет. Мы все мертвы! Здесь есть лишь враг, а нас и в прошлом уже нет. Луна ушла, что прежде нам светила, а солнце чёрное взошло сиять не нам, а им, кто враг и ужас.

Самурай

Так значит здесь мы проиграли?! Так значит здесь прекрасный час мы упустили?!

Аматерасу

Нет! Ещё есть время! Ещё теплится надежда! Запомни. Что показалось малым, на деле может оказаться самым большим, на что надеяться мы можем. Что кажется ненужным, бесполезным, на деле может пригодиться.

THE FORSAKEN LEGACY: The Redemption path

Scene I: Light and Darkness

- Part I: Born in the flames of war
- Part II: Saved by the goddess
- Part III: More than blessing
- Part IV: Edge of reality
- Part V: A mistake corrected
- Part VI: The supreme force
- Part VII: Time is an ocean of storm
- Part VIII: Father and Son
- Part IX: Born to be a hero
- Part X: Spirit Eternal
- Part XI: Balance of powers

Scene II: Genesis of the chosen

- Part I: Harmony and Balance
- Part II: The future of hope is to overwhelm the past
- Part III: Heaven or Hell?
- Part IV: Flavour and Glory
- Part V: To err is human, to forgive divine
- Part VI: Ashes and Ruins
- Part VII: Bordering the verge
- Part VIII: Everything is everywhere
- Part IX: Is it over when all seems over?
- Part X: There is always light
- Part XI: Do you have faith?

Scene III: Approximating the truth

- Part I: The Three Pillars of Verity
- Part II: The Great Library
- Part III: The Grand Arena
- Part IV: The World of Immense Spirit

Scene IV: Unforeseen

- Part I: Betrayal and Vengeance
- Part II: Resurrection begins
- Part III: Might of the fallen one
- Part IV: The Creator and the eternal
- Part V: Bitter feud

Scene V: He, who wishes to be a god

- Part I: Unattended pursuers
- Part II: Ultimate Overlord of the realms

Scene VI: And war has flared up again

- Part I: The Grand Arena: the recreated events
- Part II: The World of Immense Spirit

Scene VII: “Righteous Vengeance”

- Part I: More worlds than one depend on us
- Part II: The chosen and the demons

Introduction

A long time elapsed since mankind had learnt the truth that has completely changed its way of life. That truth was simple enough, but at the same time so hard to accept, that only a few managed to comprehend it and save it for the descendants to come. The forefathers taught and trained their progeny well. Yet, their hopes died with the last warden. Thus, humanity lost its precious legacy and faced itself on the brink of extinction. The human-beings have forgotten that they are not alone in the universe. They have forgotten the responsibility their ancestors had upheld. As the duties remained unfulfilled, the laws began violating, as there was no one to replace a man. The order of all things started shifting and the chaos attacked, permanently absorbing the universe, transforming every single realm and world into the desolate expanse. And if mankind hopes not to fall before the incoming darkness they must remember that the myths and legends are not merely fairytales but the forgotten legacy. Some of us still have hope that once mankind accepts this truth again, the spark will be fanned into a flame, which will purify every soul that has been corrupted lawlessly. Us, waiting for someone who will heed the sacred records and treat them the way they should be treated and even solo will manage to stop this madness and prevent his kind from falling into the abyss. Alas, not much time is left. The end is nigh. And the worse nightmare is nothing comparing to this.

Prologue

Because it is said in the Satan's Dark Bible that he would discover a new army for his conquest and this army would be great enough to dare God Himself, the Creator. It is also known that this army would be born in the Earth Realm. And that the warriors of this army would be spawned by human women. By order of the fallen angel Lucifer the demonic warlords would come to claim the human world and slaughter every living man. Whether he is a warrior or a peasant, young or old, healthy or cripple, no one would be spared. And the human race would be enslaved and the women would beget half-human, half-demon. And Satan would take the lead of this army and fearlessly dare the Forces of Light and Order. But before this happens, the human warriors from all over the world will assemble in one place and they will fight each other and slay each other. Millions of combatants will be wasted just for one purpose. Millions, except for the ten warriors, which will become known as the chosen. And when these chosen warriors awake, they will remember nothing. The war that seemed futile would be a memory of the nightmare that never happened. Then the Lord will summon his Archangels and God will tell his overseers to find the chosen on the Earth and bring them to the Realm of Order in the World of Light. There the future of all mankind will be revealed to these ten men. That is where destiny of the galaxy will be decided by ten mortal men. And that is what is not said in the book of Satan. That mankind will regain its place in Heaven.

Characters of the play:

Storyteller light – Archangel right

Storyteller dark – Archangel left

Divine Voice

Samurai

Viking

Crusader

Inquisitor

Shaman

Assassin

Ninja

Hero-Knight

Priest

Hellene

Either friendly or malevolent deities, spirits, specters, creatures, other images that participate in the scenes and have their own part to play

Scene I: "Light and Darkness"

Part I: "Born in the flames of war"

Storyteller light

The everlasting struggle between good and evil, light and darkness is the main principle of all things. As long as the infinite forces exist so does their controversy. Without ending, without beginning there is only endlessness. That is what matters: nothingness and always. That is what we are: a shining spirit. And nothing we shall remain: a decaying flesh. In fearing and worshiping we live out our lives and inevitably die. But what we know for sure that the everlasting struggle begets the universe. Everywhere, at all times, space or void, it finds reflection. It is and it will be. Forever we all shall be doing it: fighting, struggling, combating, killing, destroying, surviving. These are words. Them, the enemy, maybe do not have such, but the way us calling it, or them calling it matters less than the day when us or them stand, and us or them fall. That is the main principle of existence. Never will it change. Never there will a need arise. The mightiest decide and we serve their will. Us, fighting for the sake of light and we are honored and we shall know no fear. And them, they are multiple and yet they are one, many faces but the same deception. Twisted! But we shall not surrender, and they will not give up trying, attempting to spread evil that never tires to infect, never stops to corrupt. We fight even, though, we are outnumbered. We continue our struggle when we die, when they get us killed. Inside there born a force unstoppable, hardly resistible. In death we see salvation, redemption for our kind and damnation for them, for damned they are and curse they spread.

Storyteller dark

And thus the great battle begins in the Realm of Earth. The Great Heaven and the Dark World are waiting for the issue with bated breath. The people from all over the world give way to madness and fury combating each other. Soon the last spark of life and the glimmer of hope would fade. Each nation fought as one and each of them fought as many. Black-skinned, red-skinned, yellow-skinned, pale-skinned. Races worshiping various gods and images. There was a battle like no one had ever encountered. The realm of mortals has never experienced such bloodshed until that day. Was that the end or the beginning? No one could tell for sure. But when the massacre was over, a few men remained standing, and they were supposed to be the chosen. Ten out of an untold number for there was no man, whether he was old, or young, whether healthy or cripple, who did not fight there. Some has gone in the beginning. Some, and they were skilled in murdering, remained to face their equals, or perhaps, even far greater in wielding the blade. These tens were. Samurai.

A noble warrior. Viking. A fearsome warrior. Crusader. The holiest among them all. Inquisitor. A man of faith. Shaman. A man of spirit. Assassin. A man of deed. Ninja. A skilled warrior. Hero-Knight. An adventurer. Priest. A wise man. And Hellene. A pagan. But he was valorous.

Storyteller light

And these ten heard the Divine Voice that summoned them to lay down their arms.

Storyteller dark

And the Divine Voice told that they were chosen. And that their mission was burdensome. And only united they would have a chance to survive.

Divine Voice

Sin is a moral lapse. Sin is a bog of hatred. He, who seeks the way to escape it, must find the road. His sinful traces on that road will help the one to retrace his steps. Go back and purify your souls and hearts with love and righteousness of your deeds and you will redeem yourselves.

Storyteller light

And when the Divine Voice spoke these words the Time Flow was ordered to turn back. And the Time submitted to the Superior Will. And the chosen fell asleep. And when they awoke they remembered nothing and only the last words that God spoke to them, echoed in the head of each chosen. And there were ten of them.

Storyteller dark

And then the Divine Voice summoned two Archangels, his emissaries and overseers. And the Archangels came to present themselves before the Lord and bowed down to Him.

Divine Voice

Go! The tree yielded the fruits and bent down by the weight of its fruits. Go! The harvest is gathered and the best fruits I have selected. Go! The Universe needs you.

Part II: "Saved by the goddess"

Storyteller light

Night. No beast, no man is crawling. Only shadows and some harmless apparitions that keep on darting in and out, caught between the realm of mortals and the realm of spirits, condemned to being outcasts. They watch mortals days and nights full of hatred, full of jealousy, full of despair. And nothing can change this pathetic existence. The sentence is just. One can only pity them. But they do not deserve this indulgency and such mercy. And the spirits are aware of it. And no one pities them and none of that the remnants await. Insects trill and birds of prey look out for their catch. Inside the temple a noble warrior falls asleep. He is tired. His prayers exhausted him. His infinite war seems to have no ending, but a man knows that he has got the one. His path is somehow decided, he is aware of it, and the only thing left for him to do is to follow, blindly guessing what issue the gods have predetermined. The line will be broken just to be started over again and again. The path and the place where the roads meet. With great power there must also come great responsibility. His life full of obstacles and adversaries is the gift the gods have granted him. The other one, which made him cautious and prudent. Like a hawk looking out for his prey. Like a serpent lurking in thick grass. Yet, a man with a sense of hearing as a wolf possesses could not awake from the dream which is grave and restless.

Samurai

(suddenly wakes up)

Strange vision I had. Is it still night? Seems to be so. The moon is shining so brightly at this hour. Like the face of my goddess. I have never ever seen such beauty. Was I dreaming? Or am I dreaming now? Never before have I fallen asleep during meditations and prayers. Great gods forgive me my weakness. But this dream! So strange I feel. Like I was drawn to the future and saw the end of our kind. Great saints, I ask for your guidance.

Storyteller light

Amaterasu Omikami appears. She speaks to Samurai and the warrior kneels before the goddess.

Amaterasu Omikami

Rise, warrior~ That was no dream. Truly I say to you. Deep inside you know that the things that took place in your vision were something that we must prevent. Yet, it still may happen. As for you, there is no doubt you have guessed why I am here. Recollect in your mind what you have seen and I will explain it to you. Do your best and forget nothing! Even the smallest detail is of utter importance. Sometimes things that seem to be helping in the least, in fact are really helping in the most. You look embarrassed! You wonder – why the moon is not disappearing. Why night is still in its power? Ever wonder of the powers that us, who you pray and ask for guidance, possess? Us who watch over mortals! Look behind the columns. And you will see more than even the words of a goddess can explain. Your enemies have sent mercenaries to wipe you out. They do not realize that they are but mere puppets. They remain unaware of the true mastermind behind it all. He has many faces. Many names. You know them. Of that I have no doubt. You are the chosen one. You must follow me as you have been doing all these years before in your prayers, fighting and killing enemies of your faith, of your people. Now you will see your true enemy. My enemy!

Storyteller light

The magical portal appears as the goddess utters a mystical incantation. The swirling portal opens around them and moves the goddess and the warrior to the place which was unraveled to Samurai in his vision.

Samurai

(exclaims)

The place I saw in my vision! So it is real. But I can see no one. Here, we have assembled and here we have slaughtered each other. What an awful dream! What an awful destiny awaits us! It is unbearable to think of it, yet, I cannot seize pondering over it.

Amaterasu Omikami

Yes, you cannot. The place, which is the future and the end at the same time. Now tell me how do you feel? What do you sense?

Samurai

Strange I feel. No mistake. Are we in our world? Or are we somewhere else? Since the place is so solemn, so sorrow, dull and sad. And even alien. Or am I alien to this world which I used to call my own? The sun and the moon are hanging in the dark sky, yet they both do not shine and look like the lackluster eyes of some celestial deity.

Amaterasu Omikami

That is right. This place is now alien to you, since it is the world that you will never know. You do not exist any longer. You do not belong here. It is the world where human-beings are no more. It is the future that must not take place. This is the future of our enemy. His future and our end. Our era is setting as we are losing this war.

Samurai

So, this is my world where I and the rest of the chosen have fallen.

Amaterasu Omikami

Now you see it. But you still have questions. We have some time. And you may ask. But consider this: mind every word you speak, mind every question you ask. Think of what is essential, and what is less important. Time is short. Time waits for no one.

проза

ПРОЗА

Анжела АРСЕНОВА (РАФАИЛОВА)

Харьков

Плакать или смеяться — это так немного перед тем, как уснуть и вспоминать потустороннее

Казалось, Мария впервые сидела перед компьютером, сосредоточившим весь свет уцелевшего в ту ночь мироздания. Монитор пил свет со дна глаз. Плотные ширмы мрака подступали близко, как чёрный, летящий словно сквозь бесшабашно приникающий ко всему тополинный пух.

И она была самым плотным куском темноты.

Если на тахте начинали ворочаться, Мария была уверена, что некто возникнет внезапно у самого края мрака. Выкроенная из крови и плоти, она утратила свои границы и черты, скрытая пологом ночи, растворилась в равнодушии стихии. Целый день Мария плыла в спокойном, иногда возмущаемом лёгкими всплесками течения лета, чуть не впервые доверившись желанию покоя и счастья.

Читала «Мемуары гейши» и почти впервые любила в себе тишину — жизнь, умиротворившую всё вокруг. Это была едва ли не первая гармония, которую она позволила себе с лёгкостью. Она перевернула чистую страницу. Казалось, души склонились над ней.

Она почувствовала, как новые слова прорастают в ней, словно она была новым блокнотом в тканом переплёте.

Мария была похожа на тишину. Отпустила всё напряжение прежних лет, обрезала узлы и завязки. И жизнь плескалась в ней, как рыба, выпрыгивающая на середине озера.

Казалось, она стремилась удержать несколько нитей, от которых зависело её будущее.

И главной нитью её надежд были слова.

Мария удобно устроилась на тахте, наблюдая за окном ровный тёплый свет бабьего лета.

Узкие, просвеченные солнцем листья молочая на балконе пожелтели. Белая крыса, балансируя на жёрдочке клетки, обнюхивала новый воздух сентября.

То, что много лет томило и искало выхода, однажды стало невыносимым. Она машинально взяла ручку и быстро записала на первом попавшемся клочке бумаги: «Я хотела бы увидеть хоть неясный силуэт твоей судьбы — неторопливую, размеренную, без особых тревог вечность — где-то в другом, недостижимом для меня времени. Чтобы однажды ты открыл мою жизнь как книгу, напечатанную на бумаге, дивно пахнущей типографской краской, и, быть может, перечитал чуткие строки близкому человеку.

Есть ли кто-то, приникший к твоему сердцу ближе, сопровождающий тебя во всех дорогах дольше, чем при- нуждённый оставаться облачком на стекле, веткой, прикоснувшейся к щеке и, быть может, предчувствием или предостережением.

Пусть хранит тебя Тот, кто помогает все эти долгие годы просить о нас с тобой, как о Его детях и просить развязать узел, в котором запутались нити нашего прошлого.

Книги объединяют людей, особенно если это книги об одиночестве. Я надеюсь обрести новый мир вместо призрачного, полную событий и света жизнь взамен мира бликов с тенью мужчины, лишь по недоразумению попавшего в таинственную область без зоны отчуждения и срока давности.

Сейчас, когда жизнь поспешно сделана, я хочу доискаться большего смысла, сосредоточиться на своём существовании, ведь это единственное, что я игнорировала суетливо и рассеянно.

Я надеюсь остановиться и понять то, что дорого мне, а не близким.

Разобраться, почему мне так одиноко и холодно в мире, который так часто любил и заботился обо мне...

И, кажется, я хочу встретить и проводить слова, которые снились, как мелодия в детстве и шли контрабандой через всю мою жизнь. Я верю, слова помогут мне обрести ускользающий смысл жизни, оживить несбывшееся и по-новому сложить свои слова и свою жизнь. Я надеюсь вдохнуть в старые слова новый смысл, потому что я хочу изменить свою жизнь и заново родиться в новой жизни.

Но я боюсь умирать для жизни прежней...»

***

«Господи, ты ли это?» — слишком поздний и запоздалый вопрос в никуда женщины на разоренной кухне, которая, ловко управляясь с гремящей посудой, силилась вспомнить и приметку, и смысл Присутствия, в то время как поток неотложных дел всё сильнее увлекал её в свистящую и рокошущую воронку дня, принимающего жертвоприношения, ещё угадываемое в коридорчике утра. И «Ты ли это?» — последнее благоговение перед тем, чтобы забыть главный ускользающий смысл своей жизни.

***

Жизнь, кажется, устоялась...

С каждым днём в жизненное пространство моей семьи прибывает вода.

Это не пугает и не радует нас, мы просто учимся ходить в прохладных водах.

Привыкнуть мешают воспоминания о просторах берегов, впадающих в реки, майском воздухе, в котором искупалась в юности и океане воздуха, который после молодости называется счастьем.

Иногда мы недоумеваем: видения так явственны, а ведь мы никогда не покидали город. Вдруг покажется — снятся просторы солнечной жизни, которую нам суждено было прожить, если бы не моё благоразумие.

А я всего лишь хотела счастья своей семье.

Все мы надеялись жить у озера чистой воды.

Однако мы никогда не говорим об этом: никто из нас не умеет плавать.

Признаться в этом означает закрыть пыльные шторы и не отвечать на звонки. Преимущества новой жизни ощущают все.

Дети больше не ходят смотреть на булки и конфеты.

Потому что теперь они владеют пространством и не замечают тени, которыми они были пять лет назад, в иной, несётной жизни.

* * *

Светлая вода молчала, так что иногда под волосами плавали прозрачные рыбы. А, когда, вспугнутые порывом ветра, сливались с серой рябью озерца...

* * *

Он снова вернулся в мою жизнь, несмотря на все нарушенные правила, и это не останется безнаказанным. Он приходит виноватым, несмотря на то, что это я убежала из-под венца, хоть это было заведомой ошибкой.

Утешает одно: для него моя промашка стала спасением. Возможно, даже усталость не позволяет ему отмахнуться от надежды быть немного любимым, как в юности. Хоть это единственное, чего он боится всей душой. Наше счастье редко вписывается в планы близких, а ведь именно они не нуждаются в нас, когда не остаётся сил любить себя.

Он кажется мне более привлекательным, чем 20 лет назад, когда мы выбрали и, спустя время, разбили наш кувшин.

А ведь в нём было молоко нашей будущей жизни. Из него обещало получиться славное масло. Однако...

* * *

Жизнь моя приковывалась в вечерний угол, неотчётливо обозначенный в плотном расписании дня, а потому не существующий. Лишь когда утомление опустит медные крылья на прозрачные крылышки, потолок придавит веки, а сырой воздух комнатухи войдёт в лёгкие, значит, пора сдаваться на милость сна, довериться облакам, которые никогда не отпускают.

Это значит, чёрная работа на сегодняшний день окончена. И пора добросовестно распланировать неотложную завтрашнюю чёрную работу, которая начнётся сначала.

Нет сил слушать тишину, сквозь которую немая жизнь несёт свою зиму.

Подсказки, добродушно подброшенные в пылу суетных дней, негодились.

Сонмы снов, ждущих воплощения, истончились, даром достались другим.

Уже не тешит собственное великодушие: единственно-дорогое отдаю без крыльев радости, по привычке делиться тем, что, по-настоящему, дорого самой.

* * *

Я спускаюсь по ступенькам старого дома, едва касаясь перил.

Яркое солнце, хлынувшее в тусклое, в паутине, окно подъезда, мгновенно отражается в глазах, и я бегу, замешкавшись в проходе, и, привычно налегая всем корпусом, отваливаю тяжёлую дверь, попадая в жаркое лето, плывущее в тёплых шорохах и птичьим щебете. Я всегда помню, как ты ждёшь меня на скамейке перед подъездом, так что кажется, ты знаешь наперёд всё то, что хочу тебе сказать и уже не в силах вынести этого.

Даже не глядя, я замечаю, как ты устал и поправился. И этот белый летний костюм, ладно подогнанный, кажется мне тем, что подтверждает: я встречаюсь с человеком из неясной, неведомой мне, обеспеченной жизни. Не здороваясь, прохожу мимо, и ты возникаешь слева, как кортеж нашей неловкой любви, как врач, который не решается сообщить о том, что операция закончилась смертью пациента.

На середине дороги ты останавливаешься перед ревушим на нас КамАЗом и с детской улыбкой произносишь: «В этом платье ты похожа на Кармен».

Что я не смогла бы забыть, посмотрев в твои глаза? Как трудно остаться жить без того, кого судьба, как паззлы, притёрла к моей судьбе, чьи мысли шли субтитрами в очередь с моими. Верно, моя любовь была безусловна, в то время как твоя — безрассудна.

И это было ново 14 лет назад. В то время как сейчас я полощу бельё в ледяной воде проруби и единственное облако над головой — твоя жизнь.

Поэтому я прошу: «Никогда больше не повторяй, что виноват в своей нелепой смерти из-за банальной рассеянности».

Потому что на той дороге вдоль леса не мог думать ни о чём другом, кроме этой некстати припомнившейся Кармен.

Вторые руки

Она сидит в ореоле жаркого дня, рассеянно приглядывая за охапками разложенного хлама — безнадёжной одежды, отданной на откуп «вторых рук».

Я так часто вижу эту неподвижную фигурку, запечатлённую в слоящемся воздухе одним бледным мазком, что мне кажется: это не жена умершего моего дяди, а сотканное из эфира воспоминание о ней.

Подобно облаку, она жиднется на самом краю дня, и может внезапно расслоиться на грёзы, обрывки разговора, клочки одежды.

Однако, это прежняя Мила (милая) не подверженная мертвенному влиянию солнца, неотделимая от увядающих тусклых вещей, разгорячённых и вконец упокоенных солнцем.

И в преддверии осени, она (с неизменным пёстрым товаром на раскладушках) остаётся тёплым сном, плывущим в ореоле слепого дождя, невидимого, пока она заботливо поправляет свисающие рукава и подола. Иногда я спешу с покупками, торопясь мимо её лотка, не желая быть узнанной. Ведь слова, так долго молчавшие в сердце и сокрытые от меня самой, нельзя произносить на исходе лета, на закате жизни, без того, чтобы не разорвалось сердце от любви и муки. Кажется, мы обе больше принадлежим прошлому.

Я возвращаюсь к любимым, которых осталась ждать в тенистом дворике, пока они — (лишь на миг) отошли — за пустячком: кошельком, ключами, авоськой...

Лишь тень их промелькнёт иногда где-то сверху, напомнит ветерком, абрикосовой веткой. Или взмахом руки в окне подъезда. Последней улыбкой, которую память, как сухой лист с желтеющей ссохнувшейся шершавинкой, обронила до времени в тень памяти. Чтобы казалось: их никогда не было в моей жизни. Они просто умерли, а вовсе не стали бабочками печали с кругами бархата на монотонно складывающихся крыльях. Там, в предвечернем углу, откуда доносятся голоса тех, кто остался молодым. Там живут они, не отмеченные временем. Я беспокоюсь об этой женщине. Жизни, спрятанной под отяжелевшей кожей, о юности, затаившейся в просветлевших, на мгновенье, глазах.

По-прежнему она всегда что-то вертит в руках, машинально ощупывая уголки и впадинки вещей, словно главное — разговор рук, а не слова, которые она выпевает застенчиво, как в юности.

Такой я узнала её в детстве, такой, кажется, она осталась сегодня.

Мне никогда не удавалось вспомнить вещи, которыми она торгует дни напролёт, уронив голову на руки и глядя словно сквозь. Тряпок, соблазнительных для тех, кто отвлекает от разговора, так что безропотно отодвигаюсь, уступая. Сосредотачиваясь на лице, притягивающем меня с новой силой. Её насмешливые глаза, неизменно угадывающие мою робость, как в детстве, ведут меня вдоль непримечательных лиц, ревниво и цепко выхватывающих меня из потока и узнающих всегда чужую девочку.

Когда поиски счастья в конце дорог приведут к солнцу надежд, несбыточным покажется не долгожданный оазис грез, а нестерпимая надежда вернуться к началу рискованного и дерзкого путешествия к недостижимой вершине, которая, как оказалось, ближе к пропасти, чем к недостижимому горизонту.

Ибо ничто так не повергает в уныние, как запредельность дорог без Его благословения и напутствия, когда просторы твоей жизни — дерзкие помыслы, а посох — труды без отрады.

* * *

Просто побудь, задержишься в коридоре, чтобы я успела обнять твою жизнь, твою золотую голову и подышать немного тобой. Я могу теперь лишь молиться о тебе, лишь благословлять тебя и любить. Просто любоваться тобой, удивляясь всегда свежему лицу, ясным глазам, собранной фигуре. Как много воплотилось и сосредоточилось в тебе, сбилось и затаилось в твоей юности. Сколько скрытого, потаённого и смелого во всей твоей юной жизни. И что-то ещё, что бродит как стаи мальков под кожей — моя новая жизнь, второе дыхание, где я ещё смогу, успею помочь и поддержать. Отразить в глазах твоих свой новый успех, чтобы ты по-новому посмотрел на мир и снова посмел, мой сын, мой первенец....

Письмо

Продуваемая невыносимыми сквозняками нарождающегося дня, она поспешно грациозно торопилась к едва определенной верхушке вечера, то и дело запахиваясь в увеличившийся к осени кардиган. Снова удивляясь, присматривалась к хлопочущей на ветру ткани и не застегиваясь из опасения потеряться в плаще. Новая она — заметно похудевшая за лето, прислушивалась к новой себе, привыкала к длинной одежде. Она так торопилась к неотложным делам, что голова ее, с пышной копной волос, словно опережала стройную фигуру, упрямо противясь в плотном из-за густеющих сумерек пространстве. Она думала о своем, иногда задерживалась на чем-то длинным взглядом, сопротивляясь порывам ветра, надувавшим подол плаща, которые облизывали голые ноги.

Она семенила в узконосых туфлях, которыми втайне любовалась, несмотря на то, что те были изрядно поношенными. Это, однако, не мешало им пританцовывать, так что казалось, они жили своей, отдельной жизнью.

К условленному времени она должна была попасть в обозначенный круг суеты, который отпускал, когда от неё оставалась только оболочка женщины, в тот время как душа её становилась бледно-розовой пылью, перетёртой

маленькими серыми жерновами. Высоко парившие птицы воспринимали её как плывущее в осени облако, отразившееся в глубоких лужах.

Она вошла в подъезд, и мир стал на полтона темнее.

Она поднялась по старой лестнице, поискала ключ и, благословясь, завозилась с замком, с которым никогда не удавалось сладить с первого раза. Протиснувшись в узкий просвет заставленной хламом двери, она затворилась и послушала тишину. Она рухнула на потёртый стул, склонилась и, улыбнувшись, написала на розовом листке бумаги.

Здравствуй...

Как твои дни?

Это могло бы показаться сном, если бы пробужденья не были столь очевидным отражением обыденной жизни, в которой сменяются декорации, титры и вывески.

Всё, за исключением одного необъяснимого феномена, фантома, идефикс, иначе именуемой навязчивой идеей.

Такова последняя любовь...

Проходит, сыплется сквозь пальцы, ускользает или брошено за ненадобностью дорогое или малоценное. Всё, что удержать не удалось, не захотелось, чьё дальнейшее пребывание в моей жизни было недоразумением, случайностью, неосторожностью, стечением обстоятельств. Скоротечная весна, томительное лето на тихой, заросшей памятью родине.

Бледные утра, обделённые энергией и желанием просыпаться.

Проходит, пролетает, проносится и тащится всё, за одним исключением.

Ты не проходишь, даже если бы я и решила: довольно.

Если бы подкинула память под чужие случайные двери, намеренно или по еосторожности забыла, подарила за ненадобностью или в отместку.

Ты не проходишь вопреки непреложным законам забывания, забвенья.

Не проходишь, не пройдёшь уже, должно быть, никогда.

И я горжусь тем, что ты — часть меня, или я — твоя половинка. (Какая блажь так думать!)

Как мне смешны короткие любовки других людей.

И страшно, потому что неизлечимая любовь есть мираж и бегство от будничной жизни, предательство (вымышленное и тем более губительное) человека, которого в своё время я также выпросила у Бога.

Теперь я точно знаю: просить можно только один раз.

Мне страшно, потому что запрещено.

Каюсь и не могу, не хочу отказаться от страшной сладкой ошибки.

Как твои дни?

Одиночество больше, чем жизнь.

* * *

Повинуясь неясному порыву, Мария отложила рукоделье, машинально вошла в полутёмную детскую и поискала выключатель. Досадливо поморщившись, безуспешно пощёлкала. К вечеру эта серая комнатка выпадала из жизни, как зачитанная другими книга из старого шкафа. Кому понадобилась эта нежилая клетка ежедневно после шести вечера, Мария не знала. Все попытки устранить неполадки заканчивались неудачей, так что она стала догадываться: эта карта краплёная — пришло время играть. В первую минуту комната показалась Марии воздушным шаром, с которого сбежали пассажиры, во вторую — кислым мешочком творога с капающей сывороткой.

Глухо притворённая после шести вечера дверь оставляла комнату в распоряжении сумерек. Из палисадника в форточку проникали птичьи голоса, расплющенные тяжёлыми стёклами.

Иногда ночью Мария слышала отголоски утренних трелей, словно кто-то уставший смотрел записанный кусок важной для него утренней жизни. Мария привыкла к чудесам скучной жизни и не пугалась бесспорных повторов музыкальных фраз и диалогов людей, уже однажды произносивших их.

Только лень мешала высунуться из окна в ночь и крикнуть зарвавшемуся миру: это слишком — дважды напоминать о себе. Она получала запоздавшие письма, словно кто-то подсовывал проштемпелеванные конверты в узкую щель под балконной дверью. У Марии ныл висок, когда она, во сне, читала на память письма из ниоткуда. Она всегда чувствовала, что ей не удастся дочитать до пробуждения, и спешила, словно от этого зависело что-то очень важное.

А просыпалась, словно после болезни.

Звуки, проникая в глухое, с сыростью, пространство комнаты, становились плоскими бесцветными листиками бумаги.

Казалось, кто-то, не спеша, со знакомым с детства мирным шуршаньем вырезает из заостренных салфеток продолговатые снежинки. Особенно искусные трели были крупнее, в них намечался объём. В тёплые вечера эта переключка аккуратно укладывалась в тонкую светящуюся прорезь на стене и исчезала в полночь. Если бы Мария

могла наблюдать за этими метаморфозами воочию, а не принимала как неизбежное (независимо от своей воли), то поняла бы, что самые незначительные привычные вещи имеют большой вес, и никогда не исчезают бесследно. Иногда она думала, что где-то существует некто, получающий эти послышки, словно это она, Мария, отправляла их сознательно.

...Сейчас она и сама не смогла бы ответить, что она забыла в этой маленькой, жуткой в вечерних сумерках комнате. Замешкалась, прислушиваясь к неясному, периодически возникающему шуршанию, как будто резали тонкую бумагу. Внезапно Мария уловила движение в приоткрывшейся зеркальной дверце старого шкафа, очень ясно, как будто где-то сверху включили яркий свет, и почти не удивилась, поймав на себе чужой пристальный взгляд.

Короткий скрип старой дверцы перечеркнул видение.

В отяжелевшей осунувшейся фигуре, сидевшей в мутной перспективе зеркала, словно прорисованной напротив, она узнала старую свою бабушку, которая, опёршись локтями на колени, рассказывала о покупках, подробно перечисляя их преимущества и складывая цены. Совсем как до своей смерти.

Мария явственно слышала каждое слово, произнесённое тихим слабым голосом, который невидимыми нитями притягивал Марию. Чем дольше и медленнее говорили, тем слабее становилась Мария, и только запрещающий жест её худых рук разделял их, стирал видение. Последние слова доносились издалека, были неровными, как будто коробку, в которой они рождались, то и дело прикрывали картонной крышкой. Дверца скрипнула, видение исчезло в то самое время, как старшая женщина смахнула с коричневого шерстяного платья невидимую соринку. Через мгновение Мария, как сквозь туман, всё более отчётливо разглядела своё бледное лицо, длинные густые волосы, руки, кажется, через силу прижатые к тщедушному телу, словно брошенному и переломленному где-то посередине.

Мария не удивлялась коротким посещениям той, которая при жизни любила и баловала её, но со временем визиты эти стали обременительны, потому что с годами любви со стороны Марии становилось меньше. Ровно настолько, насколько увеличивалось в той, кого она с любовью называла Магура. Беспокоило её только то, что после особенно продолжительных встреч сердце её выпрыгивало из груди, а спустя время билось медленнее обычного.

Брадикардия — ругался семейный доктор.

У тоски глаза большие, в эти окна залетает много лунного сора. В трудную минуту просто закрывай глаза — некоторые проблемы решаются сами собой.

Несмотря на то, что она валилась с ног от усталости, она через силу встала и плотно прикрыла дверцу шкафа. В узкий чёрный просвет шкафа влетело алое пёрышко, опустилось на запястье. Мария бережно взяла его за белёсый, едва заметный стебелёк и, резким движением отбросив гардины, вынесла в форточку. Она удивилась ветерку, который был вестником реального мира, привыкала к другой новой жизни, которую, как через захламлённую стену, подслушивала вот уже несколько лет.

Она почти не чувствовала пёрышко, но помнила о нём.

Птицы перестали щебетать, упал последний занавес вечера. Мария подумала о неоконченном листке на окладе Троицы (она «обшивала» оклады икон), что-то неосознанно-тревожное запало ей в душу. Она разжала пальцы, следила за падением пёрышка и почти не удивилась, что на глазах из красного оно перекрашивалось в белое.

Мария свесилась в окно и успела увидеть мужчину под окном, сосредоточенно наблюдавшего за монотонным кружением пера.

Одновременно с тем, как громыхнул гром, незнакомец уверенно поймал перо и мгновение бережно держал, как хрустальный цветок.

Из ниоткуда появился громадный чёрный зонт, выстрелил хлопотливым шатром и накрыл мужчину.

Только после этого на землю упал невиданно густой дождь.

Форточку и дверцу легковой машины Мария и незнакомец захлопнули одновременно.

Когда пёрышко перекочевало в серебряный футляр, повторяющий овал содержимого, у Марии внезапно заболела голова, а когда крышка с тонким щелчком захлопнулась, Маша подумала о неперменной особенности дурных предчувствий сбываться.

Здравствуй...

Она послушала тишину в себе и вокруг.

В то мгновение, когда она скрыла от себя мужское имя (словно переставила книгу на полке корешком к стене), тишина вспыхнула. Мгновение спустя она переключилась на пустяки, как будто ей стало неловко от повторяющейся ошибки — вспоминать о человеке, который никогда не перечитывал одни и те же книги. Она не хотела думать о том, что намертво прикипела к досадной оплошности, закорючке времени в запутанном пространстве, в котором она сначала чувствовала себя, как рыба в воде, но заигралась, запуталась.

Итак, Мария не назвала его по имени.

Назвать — положить начало реальному, из которого она бежала, признать, что придуманный человек, которого она вызывала, как медиум усопшего, все-таки есть на свете. За полтора десятка лет они пересеклись лишь однажды, и это означало, что они ходят разными дорогами.

...Вот и письмо, которое, как и предыдущие, должно было бы стать последним в бесконечной череде дней, лет — без тебя.

Мария послушала ветер за окном, оглянулась на старый диван. Её почти не удивило отсутствие главных героев старой затасканной драмы. Любовь до гроба — дураки оба. Это была единственная правда о любви, открывшаяся ей как укор сентиментально-отстраненному: тайна сия велика есть...

Мария руководствовалась опасным опытом: ничто не проходит навсегда, в твоих силах жить там, где был счастлив. Тот, кого она не хотела и не могла отпустить из жизни, был совсем рядом, здесь, но не открывался

из-за неведомых ей обстоятельств или страха смутить своим новым лицом.

По крайней мере, Маша хотела так думать, и никто не мог упрекнуть её во лжи, ведь единственным участником придуманных событий была одна она. Она склонилась над листком.

Я по-прежнему надеюсь поставить точку в этом изнурительном, словно навязанном свыше, затянувшемся маршафоне — быть ближе к тебе.

Если любишь свет, не гонись в сумерках за ускользающей тенью.

Это единственная попытка, которая не наскучила и не приелась за последние полтора десятка лет.

Не знаю, устала ли я по-настоящему играть в крестики-нолики со своей судьбой...

Забывать? А что ещё так беспредельно, как выдуманная любовь?

Прошлое не хлопнет дверью, там всё уже состоялось, не сбылось.

В безбрежности наивных «а если бы всё сложилось иначе», ты — мой бумажный кораблик.

И я не отпускаю тебя.

Как выяснилось, в этом мало света. Во всяком случае, мне недостаточно. Я придумала тебя взамен другой несбывшейся жизни, с осени прошлого года завела «отдушину» — думать о тебе, кому от этого могло стать хуже. Как выяснилось, в первую очередь, мне самой. Я попала в жуткую ловушку. Добро пожаловать в любовь сродни паранойе. Я не хочу и не могу рассуждать о таких банальных катаклизмах восприятия. Теперь мне по душе облегченный вариант.

Хотя бы зальцбургская ветка Стендаля.

Мной владеет что-то более сильное, беспощадное. Может быть, грех. Спроси, чего я хотела от мужчины, который навсегда ушел от меня 13 лет назад со словами — но я люблю — на прощанье. И я промолчу ровно столько, что исчезнут все, кому пора, кому наскучила эта вековая дребедень — любовь.

Что с того, что я одна желала бы молчать о ней целую вечность — только с тобой.

Подумать только, этот мир когда-то стоил меньше одного твоего лукавого слова.

А ведь мы всего лишь по недоразумению разделили очень маленький кусочек одиночества.

Глупо так безнадежно сосредоточиваться на отсутствующих.

* * *

Ручная белая крыса по имени Евдундосья бодро взобралась на компьютерный столик, уселась на мышку и принялась лущить семечки. Маша наблюдала за розовыми ушками, словно вырезанными из пергаментной бумаги, которые то и дело ныряли за очередным семечком.

Маша решила поставить точку.

Сколько себя помнила — вела дневники. Маша знала целебные свойства исповеди и использовала малейшую возможность выговориться. Она поймала себя на том, что хотела бы пристать к берегу, выйти из утлой лодочки, в которую так беспечно вошла много лет назад. Маша закрыла глаза, и в который раз подумала: беспечная прогулка закончилась.

Тучи над её головой сгустились. Словно в забытии, через силу, она посмотрела в свою душу: без руля и ветрил её уносило течение. Она равнодушно проследила за монотонными взмахами крыльев розовой птицы, нереально долго парившей прямо над раскачивающейся лодкой.

Одновременно с тем, как Мария поняла, что лодка уже давно кружится в самом центре реки, на корму опустилось легчайшее розовое перышко. Маша открыла глаза и машинально одёрнула руку — на клавиатуре лежало перо.

В отличие от розового перышка из сна оно было иссиня-чёрным.

Вероятно, оно принадлежало более сильной птице, имени которой не было в атласе-определителе.

Удивительнее всего было то, что Маша не испугалась и не удивилась.

На мгновенье ей показалось, что однажды это перо сыграет решающую роль в будущем, которое не предвещало никаких перемен.

* * *

Мне бы блокнот и ручку... Голос её был естественным продолжением вечера.

Андрей поймал себя на том, что не слышит её, только слушает.

Казалось, что она более органично вписывалась в закрадывающуюся июньскую ночь, чем высотные дома, обступившие улицу. Тени плясали по её лицу, голос пересыпался в ночь, как сухой чистый песок, и Андрей подумал, что, наконец, чужая жизнь совпала с его жизнью, как сложный чертёж с паутинным чертежом на кальке. Только женский узор на витиеватом рисунке судьбы был много тоньше и сложнее того, на что он рассчитывал.

Она подошла к дереву, которое в кромешной мгле можно было определить лишь по нарастающему шороху, как если бы ветер, собрав силы, во что бы то ни стало хотел выполоскать где-то на самой макушке густую крону, непременно собрав её всю и отжав напоследок.

Он бы не удивился, если бы Маша заговорила с дождём и ветром и приказала птицам в гнезде.

Почему-то Андрей подумал: она не знает, какой властью над мужчинами обладает. Она так уверенно шествовала в сумерках, ночь обнимала её всю, вплоть до чёрных длинных волос, и только маленькое лицо, подобно бледному лепестку, сейчас показалось Андрею особенно растерянным лицом девочки... Всё, что она говорила и делала, было естественным и органичным проявлением её самой.

Он всё чаще останавливался, чтобы понаблюдать за ней со стороны.

Вдруг он подумал: её хватились, ищут. Может статься, он потеряет её так же внезапно, как отыскал. Он поймал себя на мысли — отыскал — потому что подобные встречи бывают либо воздаянием, либо авансом на всю будущую жизнь.

Эти несколько минут знакомства сосредоточили всю энергию и желания обладать этой мягкой строгой женщиной с девичьей фигурой. Она родилась в этом городе, но он с удовлетворением понял: она — чужестранка, не похожая ни на что, в чём проявлял себя сонный город. Андрей бросил взгляд на неё, и у него защемило сердце: он желал женщину, малейший жест которой был отражением скрытого мира, в который он никогда не будет приглашён, если только сам не войдёт в эти двери.

Удивительно, что, раскрывая свою сложную натуру в мелочах, так застенчиво, что не оставляло сомнений в том, что она девушка, а вовсе не женщина, сыну которой исполнилось 20, она казалась ему ещё более загадочной.

Он привлек её к себе, и она отстранилась, словно рассматривала что-то под ногами.

Он расслышал торопливое начало нового, ничего не значащего для него разговора, и оборвал её на полуслове. Она не могла или не хотела посмотреть ему в глаза, и он подметил странную её привычку надолго уходить в себя. В памяти всплыли самые первые слова, которыми она «приветствовала» его в ответ на приглашение познакомиться.

— В этом городе есть девушки, готовые поделиться своим хорошим настроением. Я не из их числа. Удачи.

Этого было достаточно, чтобы ему захотелось остаться.

Поздний вечер сторожил притихший дворик.

Время растворилось в июньском тепле.

Воспоминания о необычно-холодной затяжной зиме то и дело вплетались в ничего не значащий разговор. Мария не удивилась тому, как Андрей встречал ветер: остановившись и открыв объятия. Лишь улыбнулась, ведь в минуту, когда никто не мог увидеть, она поступала точно также.

Присев на корточки и неотрывно глядя в её глаза, он дразнил её веткой жасмина, радуясь её детскому упорству отобрать ветку во что бы то ни стало.

Он испытывал её, ненароком задевая руками колени, подчас всерьёз удивляясь её упорству. Издалека могло казаться, что она сбрасывает с колен и плеч невидимых бабочек. Лицо её при этом оставалось серьёзным, сосредоточенным.

Спротивляться его обаянию было трудно.

— Какие холодные у тебя руки...

— Это потому, что я дольше тебя живу на свете.

Он крепко сжал руку и насмешливо сказал ей:

— Посмотри на себя. У тебя даже живота нет. Ты совсем ещё девочка.

* * *

Она наугад трижды коснулась клавиатуры, обозначила новый раздел.

На экране поспешно выскочило 666.

Плотный кусок темноты обозначился в маленьком пространстве комнаты, где-то в районе компьютера. Пушистый, мышиноного цвета, он неясно проявился в утренних сумерках дождливого июньского дня, безнадежно просеянного сквозь старые шторы. Наподобие плесени в забытой кастрюльке — равнодушно подумала Маша и стёрла 666.

Тонкий звонок нового радиотелефона, раздражавший её, позвал кухню.

Словно в чужом неопрятном доме она слушала свою жизнь, брошенную на произвол судьбы, и не услышала ни одного живого голоса...

Дмитрий ЖУКОВ

Харьков

На краю

И, стоя на краю, ты смотришь вниз — в глухую тёмную пропасть. И ты думаешь: бросить ли тебе туда частичку себя или же сорваться вниз и лететь без оглядки, не переставая гадать: есть этому конец? Есть ли конец? И что это такое — конец? Может быть, мы сами ставим точку, боясь предположить, что историю можно продолжить поставив многоточие...

Можно ошибиться много раз, но нельзя быть неправым всегда. И вот, стоя на краю пропасти, я всматриваюсь в эту пустоту, в эту бесконечную и прекрасную пустоту и понимаю, что я смогу заполнить её даже частичкой себя, не говоря уже о том, чтобы окунуться, сорваться в неё целиком без оглядки! Жизнь не прекращается ни на мгновение.

Бог не дал человеку крыльев, однако же, человек может летать и парить в своих мечтах, во снах не хуже птиц. Душа наша всегда тянется ввысь, даже если нам кажется, что мы прикованы к земле. В конце концов, пропасть не так уж страшна, никакие оковы не страшны, когда ты знаешь, что ты — душа, способная парить в океане вечности.

Глядя в бездну пустоты, я понимаю, что судьба человека — придти сюда, в это место и, посидев достаточно долго у самого края пропасти, задав оставшиеся вопросы и найдя на них ответы, уже никогда не вернуться назад — туда, откуда пришёл. Нельзя всю жизнь блуждать в нерешительности и тяготится ею. В сомнениях можно заблудиться, как в лесу, и они утащат на дно, засасывая медленно, словно трясина. Жить в сомнениях — всё равно, что блуждать по болоту, так и не найдя верного пути, правильного решения. Однако как легко, когда в вопросах начинаешь замечать ниточку ответа и, потянув за неё, никогда не перестанешь удивляться тому, как же всё-таки замечательно устроена жизнь, — как шерстяной клубок.

И вот, когда ноги твои затекают от долгого сидения и раздумий, и думать уже вовсе не хочется ни о чём, ты вдруг понимаешь: как сильно тебя тянет к этой пустоте, к этой бездне. Тебя охватывает сладостная эйфория и ты чувствуешь, что вот-вот свершится то, ради чего ты прошёл весь этот путь длинной в земную человеческую жизнь. Прекраснее этого чувства лишь только знание и понимание того, что это был лишь миг перед вечностью. Один миг из бесчисленного множества перед одной единой вечностью. Как же это всё-таки прекрасно.

Однако не буду лукавить, как же всё-таки хочется потянуть это прекрасное мгновение перед бесконечным полётом туда, в глубины, навстречу тому, чего нельзя выразить ни словами поэзии и прозы, ни красками, ни музыкой, одно лишь слово: бесконечность! И вот приближается миг, когда ты уже не хочешь тянуть, не хочешь и не можешь больше ждать (ведь ты ждал всю долгую, человеческую жизнь!), тебе хочется как можно быстрее окунуться в воды этого бесконечного океана и поплыть по просторам вечности.

И вовсе не страшно плыть одному по просторам этого звёздного океана. Где-то вдалеке ты всегда заметишь такие же одинокие лодки с парусами бесконечных цветов прекрасной вечности. Ты не увидишь, но почувствуешь, как другие плывущие улыбаются тебе: они рады, что заметили тебя, а ты их. Мы все плывём туда — в вечность по волнам бесконечности, вот только дорога у каждого из нас своя.

Как долго туда плыть? Так долго, как этого захочешь ты. Больше не нужно торопиться, переживать, что ты не успеешь или опоздаешь. Тебя будут ждать столько, сколько потребуется. Тебя будут ждать! А всё потому, что однажды ты сказал, что ты хочешь найти свой путь и пройти его, во что бы то ни стало. Каждый проходит через ад на пути к раю. Каждый, кто выбрал эту дорогу.

Я же скажу, что рай...Он есть, но у каждого он свой. Ты будешь идти так далеко, как только сможешь. Когда же ты дойдёшь, ты быть может захочешь остаться и воскликнув про себя: «Вот он, мой Рай!»: останешься здесь быть может навсегда. Идти можно так далеко, как ты только этого захочешь, так долго, как ты только этого пожелаешь. Впереди вечность и бесконечность. За спиной осталась пустота, но ты не станешь оглядываться, задаваться бессмысленными вопросами. Свои ответы ты уже давно получил. Нет нужды возвращаться туда, где уже нет ничего. Только вперёд! Ибо впереди тебя ждёт то, чего ты ещё не изведал, но всегда так хотел и стремился. Для этого у тебя впереди целая вечность.

II

Я так часто говорил тебе, что люблю тебя. Однако я никогда не говорил тебе, как сильно я тебя люблю. Так часто я любовался тобой. Радовался, когда видел искреннюю улыбку на твоём лице. Впрочем, ты всегда улыбалась искренне, когда замечала, как я наблюдаю за тобой. Так радоваться жизни, как ей радовалась ты, не умел никто. Только с тобой я понял, что живу и могу радоваться жизни, каждому мгновению моей жизни, которую ты наполняла собой. Самым восхитительным мгновениям своей жизни я обязан именно тебе. Ты — радость! Ты — счастье! Ты — жизнь! Ты — свет! Ты та, ради которой я жил. Ты та, ради которой я сейчас отдаю свою жизнь, чтобы ты могла жить и радоваться дальше. Все твои воспоминания обо мне, пусть радостные или печальные (они ведь тоже были!), я заберу с собой. Ничто не должно омрачать твою жизнь. Лишь раз это произошло. И случилось это по моей вине. Да, по моей, потому что если бы не я, сейчас ты бы не была так счастлива и печальна одновременно. Как грустно! Как это всё-таки красиво! И сколько иронии во всём этом, потому что конец был нам известен в день нашей самой первой встречи. Но мы не могли этому сопротивляться. Да собственно мы и не сопротивлялись. Зачем? Да, зачем сопротивляться счастью, пусть даже в конце ждёт печаль и горе? Но как я уже сказал, я заберу с собой горе.

Быть может, когда-нибудь мы встретимся вновь. Я бы очень этого хотел, но я боюсь этой встречи, потому что знаю, что увижу в твоём взгляде гнев и непонимание. Возможно, ничто в твоём сердце не дрогнет, и ты оставишь меня один на один с моим страхом. Ты знаешь, наверное, это будет правильно. На мои глаза наворачиваются слёзы. Нет, не от жалости к тебе, а скорее от стыда, но я просто не могу позволить тебе страдать вместе со мной. Это жестоко!

Я знаю, что ты ответишь, что было жестоко отнять у тебя всё это! Как же ты права! Я не имею право решать за тебя и отбирать у тебя право выбирать. А может, я просто боюсь, что ты выберешь не меня? Как же легко поддаться и обмануться, веря, что будто бы переживая и беспокоясь о других, мы просто утаиваем от себя и от мира то, что мы боимся за себя. Один мой друг как-то сказал, что человек не боится, человек боится бояться всё время. Выходит, что всё это время я боялся услышать «нет» от тебя, а потому решил, что лучше поступить жестоко с тобой первым, чем это сделаешь ты и тогда мне просто незачем будет жить. Тогда бы я даже не смог просто существовать!

Всегда приходится выбирать. Хотя... Нет, никто не выбирает. Можно лишь сделать что-то правильно или неправильно, поступить так, как велит тебе сердце или разум. А бывает так, что и разум и сердце говорят тебе одно и то же, а ты всё равно что-то выдумываешь, что-то воображаешь себе, оправдываешь и хочешь верить, что будто так будет лучше?! Похоже, что всё же так бывает.

Я продолжаю задавать себе один и тот же вопрос. Как мне поступить? Как?! Я не могу выбрать — мне страшно. Выходит, что я — трус! Хотя всегда думал, что довольно смелый человек.

Похоже, что мои размышления опять ни к чему меня не привели. Ответов я не нашёл, а вопросы, которые задавал прежде, лишь породили новые сомнения. Как печально. Хотя я всё же кое-что понял. Я — трус. Как жалко это звучит, что даже хочется горько смеяться. Впрочем верить, что ты — смелый и отважный человек, и быть смелым и отважным — далеко не одно и то же. Теперь я это знаю наверняка.

Я продолжаю размышлять над тем, чтобы ты сказала, открой я тебе правду. Сейчас мне уже не так страшно и я уже не так боюсь того, что ты могла бы оставить меня и уйти. Не страшно именно потому, что я понял: именно этого я больше всего и боюсь на свете. Что бы ты сказала, если бы я признался, что, оказывается, больше всего боюсь не справиться, а не того, что могу погубить тебя? Вот она мужественность, которая на самом деле скрыта в мужчине! Страх остаться одному, быть отвергнутым в самое тяжелое мгновение жизни. Героем легко быть на страницах книги, а жизнь многим суровее и прозаичнее и жизнь не грозит, она берёт и отнимает: любимых, надежду, жизнь, в конце концов.

Оказывается, самым сложным, оказалось, признаться себе в этом, понять чего же я так боюсь. Оказывается, я боюсь практически всего, чего только можно бояться! Какое ужасное откровение, и всё же, без него жизнь моя могла пройти, а я бы так и не понял того, что только что осознал. И в этом мне помогла ты!

Ты знаешь, я решил, что я всё-таки признаюсь тебе во всём. Я могу, и я должен поступить так. Наверное, это будет мой первый по настоящему смелый поступок: признаться любимой женщине, что я боюсь, что мне бывает страшно, что мне нужна твоя помощь, что я не справлюсь без тебя один. Нельзя прожить жизнь, не признав ни разу за собой слабости, бессилия. Нельзя! Но можно попросить помощи у тех, кто рядом, кому ты не безразличен.

Нельзя любить и не верить в тех, кого любишь. Прости меня за то, что я прежде не верил и не доверял тебе. Ты знаешь, оказывается надо быть по-настоящему смелым, чтобы сказать: «прости, я был не прав; прости, я ошибался». И теперь я знаю, что не нужно бояться оступиться. Нужно верить, что дорогой и любимый человек сможет простить тебя, потому что тебе было тяжело, и ты оступился. Ты просишь. Ты находишь в себе силы попросить простить тебя, потому что ты даёшь слово измениться — стать сильнее. Ты просишь поверить в тебя, потому что ты нашёл в себе силы сознаться в своей слабости. Ты просишь поддержать тебя, не оставлять в трудную минуту.

Поэтому я прошу тебя поверить мне, чтобы сказать тебе как я сильно люблю тебя. Как я сильно люблю тебя теперь, когда я понял, что значит по настоящему быть смелым, что значит верить, что значит жить и знать, что любимый человек верит и доверяет тебе. Что попросить помощи у любимого человека, порою значит дать понять то, как ты любишь, веришь и доверяешь этой просьбой.

Прости. Пойми. Поверь. Помоги.

В преддверии июня

— Ну, вот мы и встретились, — сказала мне она и села рядом со мной на скамью в парке.

Весна. Самый прекрасный и любимый мною конец мая в преддверии июня. Многие любят это время, но никто не любит его так, как я. Возможно так его любит только она — та, которая присела на скамью рядом со мной. Она сидела достаточно близко для незнакомки и достаточно далеко для той, кто так легко обратился к совершенно незнакомому человеку, сидящему на скамье в парке.

Мимо проходили люди, но я их почти не замечал. Наверное, и она тоже. В весеннем парке в этой хмурый, но тёплый майский день было так прекрасно. Я посмотрел на неё. Она была так похожа на эту весну в преддверии лета. Где-то вдалеке глухо пророкотал гром и подул тёплый ветер, коснувшийся её волос, словно морской волны. Если бы её волосы были цвета морской волны, то они бы могли стать моим океаном. Но её темные волосы каштанового цвета казались мне ещё прекраснее, казались ещё более захватывающими своими волнами, чем мог быть океан.

Снова пророкотало, но уже ближе. Сейчас я уже совсем забыл о той весне, что так люблю. Моей весной вдруг стала та, кто так легко обратилась ко мне, кто так же как и я прогуливался по аллеям весеннего майского парка в преддверии июньского лета.

Интересно, о чём думала она, глядя в мои глаза. Видела ли она ту одинокую любовь в моём взгляде? Понимала ли она того, кто робко выглядывал из моей души? Не знаю. Но мне кажется, что да. Иначе она бы не села рядом со мной, не обратилась бы ко мне так легко, чтобы развеять все мои сомнения. Ведь она знала, что я давно ищу

именно её каждый год в весеннем майском парке в преддверии жаркого июня. Как и всегда я сидел здесь и почти всегда в это время начинал греметь гром. Слушая этот далёкий, но постепенно всё более близкий грохот я забывал обо всём, даже о том — зачем пришёл сюда. А и было ли это “зачем” на самом-то деле?

Вдалеке я слышал голоса и звуки проезжающих автомобилей. Ну, конечно же, ведь мы в центре города! Однако мы были здесь сейчас одни, хотя кругом столько людей, столько машин. Я не думал об этом — не хотел думать, я не замечал этого — не замечал всего этого. Я слышал только грохот грома постепенно приближающейся к нам двоим грозы и, сидящим здесь — в весеннем майском парке в преддверии июня.

— Скоро, наверное, пойдёт гроза, — сказала она мне и посмотрела туда, откуда, наверное, и доносились раскаты грома. Мне казалось, что они доносятся отовсюду и что-то внутри меня отвечало им. Всегда отвечало, когда говорили эти небесные голоса. Наверное, я мечтал о том, чтобы присоединиться к этому грому, к этим тучам, к этим сверкающим молниям, чтобы также грохотать и сверкать и мрачно поглядывать с неба на этот весенний майский парк в преддверии жаркого лета.

Я посмотрел на знакомку, которая так легко села на скамейку рядом и заговорила со мной. Я молчал не зная почему, и ей похоже становилось неловко от этого молчания. Она отвела взгляд и посмотрела перед собой на жаждущую влаги землю. Кто-то всегда ждёт. Мы оба ждали чего-то. Вдруг она резко встала, намереваясь оставить меня одного в этом весеннем майском парке в преддверии июня.

Так мне собственно и надо, но это было жестоко и несправедливо в отношении незнакомки. Ведь она знала, что я уже очень давно гуляю в этом весеннем майском парке один. Всегда один. Мы оба были одиноки до сего дня. Так, наверное, сказали бы другие люди. Но какое дело нам было до них? Но я скажу, что они бы ошиблись, сделав подобное предположение. Мы искали друг друга в этом весеннем майском парке в преддверии жаркого лета.

— Пойдите, — сказал я наконец-то и несказанно обрадовался тому, что остановил её. Похоже, она ждала этого. Ей не хотелось уходить на самом деле, но она бы ушла, если бы я так ничего и не сказал. Кому бы из нас двоих было бы хуже, если бы так случилось? Наверное обоим. И даже если бы мы встретились вновь, то память о том, что я не остановил её тогда — тяготила бы нас обоих потом.

Мы так стремимся обрести “счастье”. Ищем его. Иногда даже требуем! Мы уверены, что стали бы бороться за своё счастье и обязательно смогли бы преодолеть все преграды! Однако же, как жалок человек перед лицом настоящего счастья, о котором даже не мог помыслить, а всё лишь потому, что не понимал его — этого счастья. Мгновение перед вечностью. Глоток чистого воздуха перед тем, как окунуться в глубины неизведанного.

Она обернулась и посмотрела на меня. И только сейчас я заметил какая у неё улыбка, какие у неё глаза, какая она сама. Я поднялся и сделал шаг ей навстречу, и она ответила мне тем же.

— Прошу Вас, — обратился я к ней, — присядьте, я кое-что прочту Вам, — предложил я ей. Наше знакомство происходило так... удивительно!

Она села, а я достал из портфеля бумаги и принялся читать ей. Когда я закончил, она немного помолчала, а потом сказала:

— Красиво.

Я горько усмехнулся и ответил.

— Может быть. Только никому не нужно.

— Почему никому? — удивилась она.

— Потому что этому миру больше не нужно ничего. Люди сами себе перестали быть нужны. Право! Ну кому же нужно то, что написано на бумаге? Особенно то, что вскрывает в людях то, чего бы им не хотелось замечать. Что они спрятали так далёко и надеялись забыть. И почти забыли. Людям почти это удалось. Нам почти всё всегда удаётся. Но, как я уже говорил, всё в итоге бессмысленно, — я говорил и сам удивлялся тому, что говорю это девушке, имя которой я даже не знаю. Имя, которое я даже не спросил у неё. Но мы не были чужими. Это я понял в ту самую минуту, когда она обратилась ко мне первой. Как она поняла то, что я жду именно её? Как она поняла, что я ищу именно её? Наверное потому, что и она ждала и искала всё это время только меня. И мы нашли друг друга в этом весеннем майском парке в преддверии жаркого лета.

Потом мы ещё долго гуляли вместе. И я читал ей, а она слушала. Нам не нужны были имена — мы и так понимали друг друга. Дождь пошёл вечером, когда мы вдоволь нагулялись. Теперь мы сидели у неё в квартире и пили чай, и молча смотрели в окно. Потом я сказал:

— Мы так долго гуляли по жизни и раз в год приходили в весенний майский парк в преддверии жаркого лета. Давай теперь ходить туда только вместе и никогда порознь?

Я почувствовал, как она смотрит на меня и посмотрел на неё. Мне хотелось верить, что это не сон, что сегодня я гулял в парке не напрасно, что все эти годы я ходил туда, чтобы прейдя сегодня — встретить там, на скамье весеннего майского парка в преддверии июня именно её. Если всё же это сон, то я не хочу просыпаться больше никогда!

Потом я проснулся. Да, я проснулся снова один в своей квартире, а на полу валялись рукописи. Свои прекрасные сны я дарил своим героям на бумаге. Их жизнь почти всегда была радостнее моей, и я им завидовал.

Сегодня был последний день весны. Последний день мая в преддверии жаркого лета. И сегодня я собирался пойти в весенний майский парк посидеть на скамье в тихом уединенном месте и подышать тёплым воздухом, наполняющимся грозовой свежестью. Я немного волновался и спешил, ведь если я опоздаю, то ждать придётся целый год! Мне не хотелось ждать ещё целый год.

И вот я пришёл. И вот я сижу всё также в одиночестве. Голоса людей, звуки проезжающих вдалеке автомобилей, шум фонтана. Всё это внезапно заглушил грохот грома. Странно, что так внезапно и уже так близко! Люди зашпешили. Тяжелые капли уже начали падать. Но я никуда не спешил. Мне некуда было спешить. Дождусь первой весенней грозы здесь в весеннем майском парке в преддверии жаркого лета. В этом году она опоздала. Вскоре ветер подул с такой силой, что деревья зашумели своей листвой пронзительно и громко, словно взывая к пробегающим мимо человеческим созданиям, испуганным грозой, как когда-то, наверное, когда человек впервые услышал, как небо раскалывается над ним.

Прохладний ветер подняв пыль. Людей уже практически не было вокруг, а в парке и подавно. Что ж, наверное, и мне пора идти, а то промокну до нитки в этот последний весенний день в майском парке в преддверии июня.

Пройдя метров десять, я обернулся и печально посмотрел на скамью. Впереди меня ждал целый одинокий год. Тяжело и грустно.

— Что ж, до следующей майской прогулки в весеннем парке в преддверии жаркого лета, — вздохнул я, попросившись вслух со своим любимым местом в парке, где я предавался безмолвным размышлениям уже несколько лет в ожидании чего-то, кроме одиноких грёз.

Когда я обернулся, то увидел её перед собой. Она стояла и держала в руках зонт розового цвета. И она была такой, какой её запомнил я. Потом она сказала.

— Простите, я увидела что у Вас нет зонта и, что Вы совсем одни. Поэтому я решила..., — запнулась вдруг она, опустила свой взгляд и даже немного покраснела.

Я улыбнулся и спросил её:

— Что же вы решили?

— Что не стоит мокнуть одному в этом весеннем парке в такой прекрасный майский день в преддверии июня, — ответила она и посмотрела на меня с надеждой.

Я оглянулся посмотреть на скамью. На мгновение мне показалось, что там я увидел себя, улыбнувшегося мне. Наверное, это был наш ангел хранитель.

— И впрямь не стоит, — согласился я и улыбнулся ей. Она мне ответила улыбкой и пригласила под свой розовый зонтик. И мы поспешили покинуть весенний майский парк в преддверии июня вдвоём.

Володимир КОВАЛЬЧУК.

смт Володимирець

Думки вголос

Записки мрійника в рожевих окулярах

Я ЙШОВ центральною площею Володимирця й аж трусився. Ні, мені не було холодно. Було образливо, що люди так і залишаються лицемірними створіннями: про доброту, допомогу, взаєморозуміння лише говорять, а бачимо їх хіба що у фільмах. Та що там доброта! Немає звичайної поваги один до одного!..

А почалося все зі статті в газеті. Коли її (спасибі редакції) надрукували у «Володимирецькому віснику», я надумав спробувати щастя і в інших місцях. Де тільки я не був і з ким тільки не говорив! Заходив навіть у штаби партійних організацій, пропонуючи свої послуги. На жаль, майже скрізь наштовхнувся на відмову. Дехто брав телефон, обіцяв передзвонити, як з'явиться потреба. Але добре хоч те, що спілкувалися зі мною, як з людиною.

Словом, усе йшло непогано, аж поки не завітав у високий будинок з прапором на даху. А завітавши, постукав у двері до людини, яку з етичних міркувань назву по-простому — Цабе. Так от: цей Цабе не так давно був звичайним працівником, і наші стежки не раз схрещувалися. Він був цілком доступною людиною, і я був гарної думки про нього. Тепер же на прийом до нього я потрапив аж на третій день! Спочатку не застав Цабе в кабінеті. Потім у нього було багато відвідувачів. І лише на третій день двері неприступного кабінету нарешті відчинилися.

Цабе сидів за столом.

— Можна? — спитав я. На хвильку піднявши голову, він глянув абсолютно байдужим поглядом і кивнув у відповідь.

Я зайшов.

— Мабуть, ви посміхнетесь і скажете «ні», але я, все ж, питаю. Вам не потрібна на роботу людина, яка... пише?

Я ще не закінчив, а Цабе, не підводячи голови, вже розсипав зневажливе «ха-ха-ха» і відповів іронічним, знуцальним тоном:

— Ні!

Я аж знітився від презирства, з яким пролунало це слово. Люди, з якими спілкуюся, знають: мене важко довести до такого стану. Але й розгубившись, я, все ж, перепитав:

— То... здатні до писання... вам не потрібні?..

І він вдруге, не піднявши голови, відповів:

— Ні!

Не знати як вийшовши з кабінету, отямився я вже біля пам'ятника Шевченку. «Отакі твої діти, Тарасе!» — гірко подумав і пішов далі. А всередині аж кипіло: чим, ну чим я завинив перед Цабе, раз він поводився з такою зверхністю і презирством?

Ні-ні, я нікого ні в чому не звинувачую. Боронь Боже! Але хочу зрозуміти: чом, у силу яких причин-пружиннок обставин люди так міняються, допавшись до влади? Куди діваються їхня людяність, доброта, повага і чим звичайний громадянин гірший від того, що сидить у владному кабінеті? Адже в одного і в іншого дві руки і дві ноги! І живуть той і другий на світі лише раз! Невже відчуття влади вбиває в людині все хороше? І як нам вибудувати здорову, впевнену у собі націю, якщо розбрат починається з самих низів і шириться на верхи?!

Так і хочеться скрикнути на всю країну:

— Люди, будьмо ж людьми! Ми ж бо всі українці! Якщо між собою не заживемо у мирі і злагоді, то не бачити нам багатой, дружної і процвітаючої України, як і власних вух без дзеркала!

Рівність

Оповідання

— ДРУЗІ, через два тижні вибори! У нас з'явився шанс щось змінити! Лише спільними зусиллями ми зможемо зупинити цю машину свавілля та безкарності! Чому звичайний робітник на заводі отримує в десять разів менше, ніж будь-який чиновник середньої ланки? Адже саме завдяки робітнику ми маємо тепло у наших домівках, їжу, одяг й інші необхідні для життя речі! Чому людина, яка працює в поті чола, п'ять, а то й шість днів на тиждень, не може дозволити собі з'їздити на море відпочити? Чому робітник чекає зарплатню, як на ковток свіжого повітря, а чиновник взагалі її не чекає? Я вам відповім: бо чиновник хабарами й обманом отримує значно більше, ніж зарплата. Зарплата для чиновника — це те ж саме, що маленька премія для робітника. Скільки можемо це терпіти? Геть нерівність! Народ, а не зграйка чиновників, повинен бути головним у країні! Друзі, те, що у нас зараз відбувається, можна назвати сучасним рабовласництвом! Давайте звільнимося від незримих пут і побудуємо країну, в якій царюватимуть рівність і повага до кожного громадянина! Я, як кандидат у президенти від опозиції, обіцяю, що, ставши президентом, зроблю все, щоб у країні панували рівність і повага до кожного громадянина! Голосуйте таким чином не за мене. Голосуйте за рівність! У нас є шанс усе змінити на краще, і ми використаємо його! Геть рабовласників! Слава робочому класу! — закінчив свою промову кандидат у президенти Олександр Сергійович Верба.

Він уже сідав у броньований мерседес, а на майдані все ще не змовкало скандування його прізвища мільйонним натовпом.

— Як мене вже дістали ці мітинги, ти не уявляєш, Андрій! — сказав він своєму помічнику. — Ну, поїхали, мене Анжелка чекає! І налий мені віскі! Рівність їм подавай! Постривайте, буде вам і рівність, буде і «повага до кожного громадянина»!»

Зі злістю вихиливши стакан, Олександр Сергійович голосно зачавкав куснем копченого сала з широкими м'ясними прошарками...

Дід Качур був звичайним пенсіонером. Він сумлінно відпрацював на заводі сорок років і зараз був на заслуженому відпочинку. Хоча який там відпочинок? На пенсію хіба ж можна прожити? Добре, хоч зять із дочкою допомагають, а то невідь як жили б із старою. Пенсії вистачає хіба що з голоду не померти та воду, світло і тепло оплатити. А теплої води немає вже тиждень. Ходив у ЖЕК. Там сказали, що відключили через заборгованість. Але ж сусіди і знайомі Миколи Васильовича справно оплачують комунальні послуги, а заборгованість ніяк не пропадає! Якесь містика! А де шукати правду?! От і вирішили вдвох зі старою, що на майбутніх виборах голосуватимуть за кандидата, що так складно говорить про рівність та про сучасне панство! Ото послухає його баба Аня по телевізору та й каже: «Бач, старий, є ще люди на білім світі, які побиваються за простим людом! Дасть бог, діду, доживемо до кращих часів!». Скаже — і задумливо, з ледь помітною посмішкою дивиться свій серіал...

Микола Васильович не пропускав жодного мітингу на підтримку найдостойнішого, як він гадав, кандидата у президенти. Щоразу, прийшовши з мітингу, розповідав старій, про що говорив Верба. Сусід, поруч із яким Микола Васильович прожив усе життя, якось натякнув, що голосуватиме за чинну владу. Мовляв, ці вже накрались, то, може, щось уже виділять для народу! То вони з бабою так на нього напалися, що той був і не радий, що зайшов на розмову. Після цього дід перестав спілкуватися з сусідом. Та й взагалі ні з ким не спілкувався, хто не підтримував Вербу. Навіть з улюбленим зятем побив горшки, дізнавшись, що той не поділяє політичних уподобань свого тестя.

— То надія країни, — твердив дід Качур, коли в нього запитували, чом так яро підтримує Вербу. — Тільки він зможе щось змінити! — І говорив це таким тоном, що було видно: щиро вірить у те, що каже. Коли розповідав, що буде, коли Верба стане президентом, його очі загорялись, а вся розповідь зводилася до одного слова: рівність! Дід був немов одержимий думкою, що скоро все зміниться на краще...

ЦЕ СТАЛОСЯ, коли дід у черговий раз повертався з мітингу. Від площі до дому було кілометрів п'ять. Можна було б і тролейбусом, але Микола Васильович любив пройтися пішки: і місто подивитись, і подумати. Коли вже дійшов додому, до готелю, що навпроти їхньої багатоповерхівки, під'їхав ескорт машин, і звідти, під ручку з якоюсь нафарбованою особою виліз... наш кандидат у президенти. У діда аж серце здригнулося. Це — знак! А водночас і нагода подякувати кандидатові за надію, подаровану йому і мільйонам людей!

— Олександр Сергійовичу, постривайте! — гукнув Микола Васильович, чимдуж простуючи до готелю. Але перед ним стіною виросла охорона.

— Що тобі, діду? — спитав один з охоронців. Але голос кандидата владно повелів:

— Що там? Пропустить! — і дід підійшов до свого кумира.

— Що там у тебе, дідуля? — спитав кандидат. Від нього гостро потягло перегаром, але дід на те не зважив:

— Хочу подякувати за те, що ви робите! Я вірю, що всім народом ми зробимо те, про що ви кажете на мітингах!

У відповідь пролунав знущальний сміх. Сміявся кандидат. Сміялася нафарбована особа. Сміялись охоронці. Не сміявся лише Павло-охоронець, який недавно став на цю роботу. Він зі смутком в очах дивився на Миколу Васильовича. А дід стояв і не міг поворухнутися. З очей текли сльози, а руки тремтіли, як у пропасниці. Він і не помітив, як кандидат зайшов у готель, і за ним потягнулася його свита.

Щоб не впасти, дід підійшов до трамвайної зупинки і сів на лавочку. Він був геть розбитий, і цю хвилину йому не хотілося навіть жити. Все, у що він вірив і що так яро відстоював, насправді — великий пшик? Мимо проходили люди, проїжджали тролейбуси, але всього цього дід не помічав. Він сидів, кудись дивився і нічого не бачив, а впоперек горла стояв гіркий клубок. Якби не задзвонив мобільник (баби стала переживати, де він вештається), Микола Васильович сидів би, напевно, ще довго...

ТОГО вечора вони з бабою розговорилися, як інколи. І хто знає, що там баба набалакала, але спати дід Микола вкладався, випромінюючи спокій і рішучість.

Наступного дня знову був мітинг, але дід на нього не пішов: туди пішла баба Аня. Відстоявши, скільки було

треба, баба подалася до того ж готелю і почала виглядати кандидата. Довго й не чекала: з-за повороту виїхав ескорт і зупинився неподалік.

— Олександр Сергійовичу! Олександр Сергійовичу! — загукала баба Аня, коли кандидат з охороною вийшов з машини. Були там і занадто нафарбована особа, й охорона, і помічник Андрій.

Кандидат, почувши, що його кличуть, повернув голову і приснув зі сміху:

— Що це за готель? Вчора дід, сьогодні бабка! — крізь сміх мовив він. — Бабко, чого треба?

— Ой, внученьку, допоможи! Немає нам життя з цими панамі! Уже й квартиру хочуть забрати! — з мольбою в очах проговорила баба Аня.

— Яку квартиру? Хто хоче забрати? — граючи посмішкою, допитувався кандидат.

— Та сусід! Бізнесмен наш триклятий! Сказав, коли не продамо квартиру по його ціні, то силою забере!

— Ну то продайте! А я тут до чого? — з досадою відповів кандидат.

— А як же рівність, Олександр Сергійовичу, про яку ви так ладно говорите?

— Бабко, йди звідси, поки я тримаю себе в руках! Бачиш, рівності закортіло! Ти що, зовсім одуріла? Це ж передвиборна агітація! Не більше! Плював я на твою квартиру! У мене й так турбот по горло!

«Як вони мене вже дістали, ці прохачі!» — ще долинуло до баби Ані, і вона з єхидною посмішкою попрямувала додому.

ДО ВИБОРІВ залишалося три дні. Микола Васильович ходив, як на голках: «Чи вийде те, що вони замислили? Чому Павло так довго не дзвонить? Може, щось не склалось, і все, що зроблено, намарно пропаде?..»

Павло подзвонив аж по обіді:

— Діду, вмикай комп'ютер! Усе вийшло!

— Та нема в мене комп'ютера, Пашо, не люблю я ваших нових технологій.

— Не біда! Вмикайте тоді новини, на якомусь каналі та й покажуть!

— Спасибі, внучку, порадував старого! Покажемо тому вилушку, що є ще справжні сини України!

— Еге ж, діду! Побіжу, бо справ ще багато!

— Біжи, біжи, внучку!.. Стара! — це вже до баби. — Вмикай телевизор, там тебе показувати будуть!

— Іду, іду! — почувлося з кухні.

Вони повсідалися перед телевизором і затамували подих. «А це відео щойно передав невідомий!» — мовила, передавши новини, ведуча, і на екрані з'явився кандидат у президенти Олександр Сергійович Верба. Він сміявся і говорив: «Що це за готель? Вчора дід, сьогодні бабка!..» — і так уся вчорашня розмова баби Ані з кандидатом.

— Ну, Ганно Петрівно, ви ж і актриса! Та перед вами пряма дорога в кіно! Дайте вас поцілую, моя зірко великого екрану! — мовив з лукавою і водночас ніжною посмішкою дід, коли репортаж скінчився.

— Відстаньте, Миколо Васильовичу! Краще чаю зробіть новій зірці екрану! Я тим часом булочок дістану, і будемо святкувати сходження нової зірки і крах хоч одного безсердечного чиновника!

— Біжу, моя люба! — і дід з посмішкою пішов ставити чай.

А НА ЮТУБІ творилося щось неймовірне: два мільйони глядачів за годину! Баба Аня дійсно стала зіркою екрану. Але її перевершив Олександр Сергійович Верба. Він став ще більшою «зіркою», ніж був досі. Ця «зірка» все більше розгорялась, і переглядів ролика ставало все більше...

Наступного дня на площі знову мав бути мітинг в підтримку кандидата в президенти від опозиції Олександра Сергійовича Верби, але замість мільйонного натовпу була жменька людей: охорона, помічники кандидата та кілька чоловік, які, видно, не чули про ролик.

Отак дід Микола відомстив кандидату за свою втрачену віру.

P.S. Ах, ви ж не знаєте! Охоронець Павло був рідним внуком Миколи Васильовича. І в той вечір, коли з діда насміялися, Павло прийшов до нього, і вони втрєох придумали, як провчити політикана. Павлу до куртки причепили маленьку камеру, а баба Аня чудово справилася зі своєю роллю. Звичайно, кандидат все це так не залишив. Але то вже інша історія...

Казка про Івася та Коцея Безсмертного

ДІЯЛОСЯ це дуже-дуже давно. Ви, напевно, читали казки, в яких усе діялося за царя Гороха. Так от, те, про що я розповім, було ще раніше. Коли нами правив цар Бараболя, царя Гороха ще й на світі не було. Небо тоді здавалося яснішим, зорі світили яскравіше, і навіть земля родила краще, ніж зараз. Тоді, щоб запастися на зиму картоплею, на все село садили дві картоплини. З тих картоплин за місяць виростало два великих дерева, які так рясно родили, що жодна гілка не стирчала доверху. На кожній гілці було більше, ніж добрячий мішок, картоплі. Люди зривали картоплю, як яблука. А огірки й помідори, морква та інші овочі теж росли на деревах. Жили всі у добрі і злагоді, бо всім усього вистачало і ніхто нікому не заздирив. Тоді навіть не знали такого слова — заздрість. Не було бідних, бо не було багатих. Люди почувалися великою дружною родиною.

І жили у той час в одному селі по сусідству двоє однолітків — Івась та Марічка. З раннього дитинства були вони нерозлийвода. А коли вирости, то й взагалі вирішили одружитись. Дуже гарною була Марічка. Не в одного юнака завмирало серце, коли бачив її. А купці, проїжджаючи через село, казали, що не стрічали такої красуні ніде у світі.

Дуже сильно кохав Івась Марічку. І Марічка любила його всім серцем. І почали вони готуватися до весілля. Івась був парубком на все село. Та що там село! Вся округа чула про його велику силу! Він, якби схотів, голіруч подав би лева чи ведмедя. Але рідко користувався своєю силою, бо був добрий на вдачу. Про таких кажуть: мухи не зобидить.

І от у розпал весільних приготувань у село приїхав незнайомець. Мав він чудернацьку одіж та велику соболіну шапку на голові. Юнак розповів, що він — князь Андрій із сусіднього царства. Їздив на полювання, заблукав і при-

бився у їхнє село. Дізнавшись, що князь три дні нічого не їв і не спав, люди нагодували його і поклали спати. Ніхто й не подумав, що ніякий то не князь, а сам Кошій Безсмертний у людській подобі. І прийшов він за нареченою для свого сина. Як ви здогадалися, прекрасної від Марічки не знайшлося, от він і прийшов по неї. Коли настала глибока ніч і село безтурботно спочивало, Кошій своїми чарами наслав на Марічку глибокий сон і викрав її.

Івась, як поранений звір, аж загарчав, дізнавшись, що його Марічка пропала. А зачувши, що й князя не стало, зрозумів, що то був не князь, а справжнісінька чорна сила, про яку розповідали ще діди. І сказав Івась:

— Згину, а свою Марічку знайду і визволю з неволі!

Усе село благословляло хлопця в дорогу. А старійшина, дідусь, якому було за двісті років, порадив:

— Ти йди спочатку у сусіднє царство і знайди там найстарішого жителя землі. Лише він допоможе і скаже, де твоя наречена і як її врятувати.

Подякував Івась односельцям за доброту, закинув мішок з хлібом за плечі і рушив у дорогу.

ШВИДКО казка кажесться, та нешвидко діло робитьсья.

Довго йшов Івась, і якби не його багатирська сила, давно помер би з голоду й холоду. Та врешті-решт дійшов до сусіднього царства. Недовго й шукав, хто був треба. Кожний знав, де проживає найстаріший житель землі. І не встиг хлопець зайти і привітатись, як дідусь йому мовив:

— Здалеку, бачу, ідеш до мене, внучку! Знаю, що у тебе на душі! Але ще тяжче буде визволити кохану! У Кошія вона. У полоні. За свого сина хоче її віддати. Коли Кошій втратив свою силу, наймудріша відьма підказала, що лиш оженивши сина з найкрасивішою дівчиною у світі, він поверне колишнє безсмертя. Весілля через тиждень. Зумієш за цей час звільнити Марічку — буде твоєю, а ні — навіки залишиться у того поганця!

— Що ж мені робити і де шукати Марічку? — спитав Івась.

— Е-е-е, не все так просто! Ніхто з людей не підійде до Кошіїв житла. Його оточує така глибока прірва, що її можна лише перелетіти!

— Отже, туди не добратись?

— Так, але я тобі пособлю. Ось, тримай цей чарівний клубочок. Він приведе тебе до моєї сестри, найстарішої жительки землі. У неї є чарівний летючий килим. Але так просто вона його не віддасть, тож візьми і цей гребінець-невидимку. Як зачешеш волосся направо — зразу станеш невидимим, а наліво — знову всі тебе бачитимуть. Спробуй обміняти гребінець на чарівний килим, тільки не здумай красти. Хто візьме килим без дозволу, той ту же помре. І пам'ятай: знайдеш наречену — не зволікай: хапай її і чимдуж тікай! Кошій охороняє звір Бастардін. Його ніхто не зумів убити і від нього важко втекти. Будь обережним. Кожна з чотирьох Бастардінових голів дихає полум'ям. А вся сила його, кажуть, у хвості. Хто його відрубає, той і переможе Бастардіна. Однак хто до того ірода наближався, той вмиє згоряє на попільце. На вірну смерть ідеш, хлопче. Але вирішив іти — йди, і добрі сили землі хай допоможуть тобі.

ПОДЯКУВАВ Івась дідові, покотив стежиною чарівного клубочка і пішов слідом за ним. Чи довго, чи коротко йшов, тільки зустрів по дорозі дивакуватого чоловіка: той сидів на камені і час від часу дмухав у довжелезну трубу. Загледівши Івася, незнайомиць запитав:

— Хто ти? Як завітав сюди і куди простуєш, парубче?

— Івась я! А йду визволяти наречену від Кошія Безсмертного! А ти хто? І навіщо дмухаєш у ту трубу?

— Називай мене Буревієм. А в трубу дмухаю, щоб сильнішав вітер. Візьми і мене з собою. До Кошія дорога довга, тож удвох веселіше буде. Може, ще й у пригоді тобі стану.

Подумав Івась і згодився.

Ідуть вони, йдуть, аж бачать — чоловік стріляє з лука у чисте небо.

— Хто ти? І навіщо намарне тратиш стріли? — питають, привітавшись.

— Я — Рахівник. Рахую зірки і збиваю зайві. А ви хто і як сюди потрапили?

— Я — Івась, а це мій побратим Буревій. Ідемо визволяти мою наречену від Кошія Безсмертного!

— Ой, нелегке це діло! Візьміть, браття, і мене з собою. Може, у пригоді вам стану.

— То й ходи, — погодився Івась. І пішли вони далі втрьох.

Прошло два дні і дві ночі — і клубок нарешті спинився біля старенької хатки на узліссі.

— Хто там? — почувся старечий голос, коли Буревій постукав у двері.

— Ваш брат передав вам привіт! — відповів Івась.

Двері прочинились, і з них визирнула старенька бабуся. Зиркнула вона на парубків, потім на клубок, що лежав під дверима, і, вже зовсім відчинивши двері, сказала:

— Заходьте.

— Та ми на хвилинку. Брат ваш казав, що у вас є летючий килим... — почав було Івась.

— Ну і що, що є? Воно не твоє! — перебила стара.

— А ви дайте його нам на якийсь час. А я вам за це... гребінець-невидимку!

— Навіщо мені, старій, гребінець-невидимка? — розсердилася бабуся. — Хочеш летючий килим — принеси мені еліксир молодості!

— Ого! — аж скрикнув Івась. — А де ж його взяти?

— Не знаю! Але без чудо-еліксиру не бачити тобі летючого килима! — відрізала бабуся і зачинила двері.

СІВ Івась на землю і з розпачу заплакав.

— Не плач, побратиме, щось придумаємо, — заспокоював його Рахівник.

— А коли думати? Чотири дні до кошіївського весілля, а без летючого килима туди не добратись!

— Думаю, треба скликати братів-вітрів, — мовив Буревій і подув у свою довгу трубу. У ту ж мить здійнявся великий шум — і на землю опустився добрий десяток молодців.

— Браття, — звернувся до них Буревій, — ви скрізь літаєте, усе бачите, чи не знаєте, де знайти еліксир молодості?

Перезирнулися вітри, але не мовили й слова.

Тяжко зітхнув Івась. І саме тут на землю спустився ще один Буревій брат — вітерець Прохолода.

— Вибачте, що спізнився. Були нагальні справи, — мовив він. — Але що змусило всіх вас зібратися?
— Та от... Не знаємо, де роздобути еліксир молодості... — каже Буревій.
— Теж мені біда! — посміхнувся Прохолода. — Я знаю, де його шукати!

Всі аж стрепенулись. А Прохолода каже:

— За день хочьби звідси є озеро. З його дна б'є джерело, з якого витікає еліксир молодості. Але щоб він був помічним, зачерпнути його повинен юнак, що справді кохає і ладний померти задля коханої!

— Та хоч зараз! — вигукнув Івась. А Буревій мовив:

— То що ж ми стоїмо? Гайда за еліксиром!

Прохолода вказував дорогу. А вже через два дні Івась прийшов до бабусі з еліксиром. Випила бабуся — і такою враз стала красунею! Дуже вона зраділа. Не знала, як і дякувати хлопцям-молодцям. Віддала їм на радіощах летючий килим ще й відкрила таємницю, яку почула від наймудрішої відьми:

— Ніхто того не знає, що у Бастардіна бачить лиш одне око. Якщо знешкодити ліве око його другої голови справа, то він нічого не бачитиме!

Подякували побратими бабусі, всілися на килим і полетіли до Коція Безсмертного. Летіли, аж поки на обрії не показалася велика неприступна стіна — Коцієва фортеця. Подув Буревій у трубу — і стіна з гуркотом розвалилась. І тоді побачили побратими Бастардіна, який дихав полум'ям із усіх чотирьох пащ. Дістав Рахівник із-за спини стрілу, натягнув тятину і стрілив у Бастардіна — прямо у ліве око другої голови справа. Бастардін так страшно заревів, що здригнулася земля. Качаючись і стрибаючи, він поливав усе довкола полум'ям. А Коцій вискочив із замку, побачив палаючі хорони і Бастардіна зі стрілою в оці і все зрозумів. Звір, божеволіючи з болю, кинувся бігти — і тут же, зірвавшись у прірву, розбився об скелі.

Опустившись на землю, побратими стали наближатися до палаючого маєтку. І тоді мовив, придивившись, Рахівник:

— Бачу, товариші, Коція з дівчиною в руках. Він тримає кинджал біля її серця!

— Ну ж, ірде, начувайся! — мовив Івась, дістаючи гребінець-невидимку.

Буревій з Рахівником ще далеко були від Коція, як той відчув, що невидима сила стисла його руку з кинджалом і відвела від дівчини. Мить — і покотилася Коцієва голова вниз до провалля. Знову розчесався Івась чарівним гребінцем — і побачила Марічка свого коханого. І не було меж їхній радості. Обнялися закохані — і не помітили, що до них підкрадається син Коція Безсмертного й от-от замахнеться шаблею. Та це побачив Рахівник. Знову свиснула стріла — і Коцієв син упав за мертво.

Ох і дякував Івась побратимам за допомогу! Ноги їм цілував! А потім зібрали вони скарби, нагробовані Коцієм у людей, сіли на свій летючий килим і подалися додому.

Через тиждень і весілля справили. І яких тільки гостей там не було! І Буревій з братами, і Рахівник, і бабуся, яка знову стала дівчиною, і найстаріший житель землі, який випросив у сестри краплю еліксиру і почувався, як бравий парубок, і ще багато славного та доброго люду.

І я там був. І мед там пив. По бороді текло, а в рот — не попало.

Збіг обставин

Новела

З ПІД'ЇЗДУ звичайної багатоповерхівки вийшла... Та ні, не вийшла — вискочила ще зовсім молода особа. Це була дівчина років двадцяти чотирьох. На обличчі у неї палали гнів та образа: насуплені брови говорили про гнів, а мокрі очі — про те, що її хтось образив. Та варто на хвилину п'ять повернутись назад у квартиру, з якої вона вискочила, і все стане по місцях.

Біля ліжка, так-сяк прикрившись халатом, стоїть молодий юнак. Його обличчя аж міниться від багатства емоцій. Там і шок, бо ж його спіймали, і не менший переляк, бо він зруйнував власне життя. Однією рукою юнак тримає халат, а другу виставив уперед, захищаючись від пательні, яку тримає наша ще зовсім молода особа. А на ліжку, прикрившись простирадлом, злякано сидить винуватиця скандалу. Глянувши на неї і на й сам він не розуміє, чому так вчинив. Удар пательнею по голові — і ми знову переносимось до під'їзду, з якого вискочила дівчина. Вибігши на тротуар, вона зупиняє таксі.

— Вам куди? — запитує водій, і вусами, й лисиною схожий на Тараса Шевченка.

— Немає різниці, головне — подалі звідси! — кидає дівчина і займає задне сидіння.

— Немає, дороженька, такого маршруту! — помічаючи її стан, співчутливо каже водій.

— Везіть до мосту!..

Через двадцять хвилин, розрахувавшись, дівчина вийшла.

— Ви тільки нічого не робіть зопалу! — навздогін гукає таксист, та вона лиш махнула рукою.

ЧОГОСЬ «такого» дівчина й не збиралась робити. Просто хотіла постояти, дивлячись на хвилі, зібратися з думками і заспокоїтись. А схвильований останніми подіями таксист швидко мчав додому. Йому враз заблаглося чимшвидше побачити дружину і сказати, як сильно її кохає.

Він навіть посміхнувся своєму бажанню — і в цю мить з-за повороту вискочила чорна іномарка. Виск гальм та скрегіт металу порушили звичний шум і гам на вулиці. На мить усе змовкло — прохожі з жахом дивилися, у що перетворились обидві машини. Від сильного удару іномарка опинилась на узбіччі і лише чудом нікого не зачепила. Хтось дзвонив у швидку. Хтось самотужки пробував витягти водіїв, які ще подавали ознаки життя. Та якби в цей час хтось глянув на інший бік вулиці, то біля входу в метро побачив би картину, яка шокувала б або, принаймні, неабияк здивувала б. Там стояла молода жінка у жовтій спідниці до п'ят, у такій же блузці під шию, а на голові у неї був тоненький шарф. Але здивував би вас вираз обличчя, а не одяг, звичний для арабок. На жіночому обличчі не

було жодних емоцій. Очі дивилися на людей, що метушилися навколо, — і не бачили їх. Погляд мовби пронизував усе, що відбувалось, — і поривався кудись у далечінь. То був погляд зомбі у фільмі жахів.

Щоб зрозуміти, що відбувається з цією жінкою, варто глянути на неї годину раніше. Картинка, скажу, не для слабаків. На стільці сидить наша знайома, і їй пов'язують пояс джихада — справжнісіньку бомбу. Скажете, що ж тут особливого? Коли про це дивитися фільм, то нічого. А якби постояти поруч? Біля жінки — троє чоловіків: двоє арабів та один європеєць. Так-так, не все роблять араби, як ми собі думаємо. І цим пояснюється застиглий вираз обличчя. Не знаю, що вони з нею робили і яким гіпнозом заряджали, але результат ми бачили: жінка була ладна на все, що їй сказали, і бомба мала б спрацювати біля метро.

ТА ПОВЕРНЕМОСЬ назад на вулицю. Біля нашої жінки-камікадзе стоїть старенька бабуся. Вона злякано дивиться на все, що відбувається, хреститься і промовляє:

— Ой, та що ж ми самі з собою робимо! Та куди ми всі поспішаємо! Дитинко, — це вона до нашої жінки, — ну скажи мені, старій: невже життя перестало бути для нас найдорожчим? Невже не можна жити, просто насолоджуючись життям? Невже події, які щодня відбуваються у світі, не навчили нас цінувати кожну прожиту на світі мить? Ну чому замість того, щоб просто жити і радіти життю, ми вкорочуємо його своїми ж руками? Чому люди без усіх тих машині комп'ютерів жили довше, ніж ми зараз? А я тобі скажу! Бо вони не поспішали жити, а цінували кожну хвилину життя! Ой Боже, Боже, що ж це вже робиться на білому світі! — зітхнула бабуся, вже заходячи в метро...

Але що це? По щоках у жінки-камікадзе текли сльози. Навіть не текли, а бігли струмком. Раптом, глянувши на годинник, вона зірвалася з місця і стрімко кинулася до мосту. Ноги плутались у довгій спідниці, але вона не зважала і все бігла та бігла. Люди з подивом дивилися їй услід, а вона вже наближалася до середини мосту. Хтось без особливого ентузіазму намагався її зупинити. Але ніхто навіть не подумав, що станеться через мить. Ні молода особа, що прийшла сюди зібратися з думками, ні таксист, якого вже витягли з машини і який завдяки подушкам безпеки житиме, ні великий натовп, що саме почав виходити з метро. Навіть ті троє, два араби і європеєць, спостерігали за всім із квартири і не розуміли, що вона робить. Адже бомба була настроєна на час пік у метро, і вона ось-ось мала зірватися.

А жінка тим часом вилізла на поручень, що йшов уздовж мосту, і якби в цей час можна було глянути їй в обличчя, то було б видно не страх і не жаль, а полегшення. Мить — і вона вже летить донизу. І майже перед самою водою лунає вибух неймовірної сили. На мосту і на вулиці, що проходила вздовж ріки, в одну мить все замовкло. На людських обличчях проступило лиш одне — шок. Та ніхто навіть не здогадувався, що це звичайна старенька бабуся врятувала сотні людей від смерті. Не здогадувалась про те і сама бабуся, яка була вже далеко звідси...

Найкоштовніший скарб

Він лежав на підлозі посеред кімнати і не рухався. Жах, переляк та великий шок відбулись на обличчі Валентина. Ні він не був паралізованим, його паралізувала щойно почута звістка. Хвилину назад зателефонувала сестра його майбутньої дружини і сказала слова які Валентин ще так до кінця і не усвідомив — маршрутка в якій їхала Катерина потрапила в жахливу аварію, по попереднім даним всі пасажирки загинули на місці.

Потрібно було збиратись і їхати на місце аварії, але він не міг навіть піднятися з підлоги. До кімнати хтось зайшов, і щось почав говорити, Валентин не те що не розумів слова, він навіть не розумів, хто до нього говорить. Його ество як ножем різало два слова — Її нема!

— Це неправда — кричав він так, що людина що говорила до нього враз замовкла і вийшла, — це неправда, цього не може бути — кричав він тоном конаючого звіра, — вона жива, ви мене обманюєте! Я не вірю! Це якась помилка! Вона жива! — все повторяв він, хоча пам'ятав, як в останній розмові Катерина підтвердила, що сіла в ту саму маршрутку і їде додому.

Тремтячи всім тілом він знайшов телефон і набрав до Катерини, — « зараз нажаль відсутній зв'язок з вашим абонентом...» . Відкинувши від себе телефон він безсило опустився на підлогу і закривши очі руками почав знову кричати. В цей момент у Валентина було лише одне бажання — вмерти. В голові творилося щось страшне, здавалось, ще трішки і він зійде з розуму. В цей час до кімнати знову хтось зайшов, це була мама: Валюша синок, потрібно збиратись, потрібно їхати! — промовила вона погладивши його по голові.

— Не чіпайте мене — зі злістю він відкинув мамину руку і вибіг з кімнати...

Отямився Валентин коли вже був далеко від дому. Він йшов по якійсь з вулиць і гадки не мав куди саме він іде. Аж ось Валентин помітив збоку аптеку і попрямував туди.

— Дайте знеболюючих дві пластинки — промовив він до фармацевта.

— Знеболюючих для чого? — запитала жінка. « Для душі! » — хотів сказати Валентин, але усвідомивши, що так він нічого не отримає, пересиливши себе сказав: «Та зуб дуже болить!». Забравши знеболювальне він пішов далі. По дорозі зустрічались люди які віталися з ним, але Валентин на це не реагував. В голові була лише одна думка — та заради якої він жив загинула, її вже нема, і він може зробити лише одне — піти за нею!

Ноги самі вели його, і зупинились лише на початку якогось лісу. Валентин навіть не звернув уваги де він. Впавши на коліна він почав ридати. Інколи він схоплювався і поривався кудись бігти, але за хвилину знову падав на землю як підкошений і знову починав кричати. Якби хтось в цей час міг заглянути йому в обличчя, то з жахом би відсахнувся. Це було перекошене від болю обличчя людини яка майже зійшла з розуму. Мошка, мурахи, комарі нещадно кусали все тіло, але він цього не помічав. Валентин перестав кричати лише тоді, коли пропав голос, і з вуст виривались лише звуки схожі на глухе гарчання конаючого в агонії звіра. Аж ось Валентин помітив таблетки, які випали під час того як він качався по землі. Він швидко почав виймати їх з пластин і складати в руку. На його обличчі не було помітно і тіні сумніву в правильності своїх рішень.

— Іду до тебе кохана! — промовив Валентин і закинув жменю таблеток до рота. За хвилину він вже дивився фільм у якому показували епізоди з його життя. Ось вони з Катериною щойно познайомились і йдуть по алеях парку три-

маючись за руки як школярі. Ось він робить їй пропозицію руки і серця, ось вони весело, з усмішками вибирають куди поїхати на медовий місяць. А ось і ранок перед аварією... На хвилину він прийшов у свідомість, і так йому стало жаль, що не сказав Катерині вранці, як сильно він її кохає. Бах... і знову фільм. Ось вони у лісі на якесь свято, лежать обоє у палатці, уста злились у палкмо поцілунку, а серця він кохання б'ються у швидкий унісон. Ось вони... Чому темнота, що далі?!.. А далі забуття...

У місті вже посилено шукали його всі: міліція, МНС, друзі, батьки і Катерина. Так — так Катерина, по щасливому збігу обставин вона за своєю затурканістю перед медовим місяцем спутала маршрутки і поїхала не на тій що завжди. По цій же причині і телефон був розряджений... Через півгодини після початку пошуків у міліцію зателефонував дід і повідомив, що йдучи в ліс за грибами на початку лісу він знайшов молодого юнака без свідомості. За двадцять хвилин Валентина вже везли у лікарню. Побачивши свого коханого у такому стані і зрозумівши серцем весь трагізм ситуації Катерина, у якої було хворе серце, впала на підлогу втративши свідомість...

Зайшовши у сорок шосту палату ми побачимо картину, яка розчулить навіть людину у якої замість серця камінь. Для цього потрібно знати лише причину знаходження тут цих пацієнтів. Якщо поспостережати за ними бодай півдня, то можна побачити одну важливу деталь — вони завжди тримаються за руки, а в їхніх очах палахкотить вічний та неземний вогонь кохання. Це наші Валентин і Катерина, він після діалізу, а вона підліковує серце...

Кохання — це річ, яку не можна контролювати чи передбачити, воно або є, або його немає! Бережіть своє кохання, бо це найкраще, що може статися з вами у житті!

Щастя

Історія про яку я хочу вам розповісти відбулася в місті-герої Москві. Це було в той час як я, двоє моїх друзів та наш прораб робили ремонт квартири в одній журналістці, яка по сумісництву була дружиною председателя совета директоров страхових фірм. Квартира була в самому центрі столиці Російської федерації. Це був старий чотириповерховий будинок. Старий ззовні і в під'їзді, всередині квартир він старим не був. Ну ви розумієте — центр Москви, старих власників квартира тут вже майже не було, а у нових вистачало коштів на новий сучасний ремонт. Квартира нашої журналістки була на четвертому поверсі, для повного щастя вона викупила ще й чердак розташований над квартирою, тим самим зробивши її двоповерховою. Ремонт ній обійшовся в два чи в три рази дорожче ніж коштувала квартира, але розповідь моя не про це. Працювали ми там три місяці. І майже завжди в магазин по продукти ходив я. Недалеко від нашої багатоповерхівки був розташований невеличкий, по московським міркам, супермаркет. Там я бував мало не щодня. Саме там і відбулася подія, яка змусила мене по іншому подивитись на життя.

У цьому супермаркеті було п'ять кас, але працювало завжди лише дві чи три. Інколи в черзі потрібно було стояти п'ятнадцять, а то й більше хвилин. Черги були здебільшого під вечір, коли весь славний російський народ повертається з роботи додому. Що тільки я не бачив під час цих черг. Щоб про все розказати, потрібно писати роман. Одні українські чоловіки які намагаються розмовляти російською чого коштують. Про російських бабусь я взагалі мовчу. Коли вони починають розповідати до чого котиться світ, цим самим затримуючи чергу, це щось із чимось. Були звичайно і негативні епізоди. Запам'ятався найбільше один, коли дві молодіжці купували літру горілки, одне яблуко, та цигарки без фільтру. А на вигляд я не дав би їм і тридцяти років. Отож в Росії люди псують своє життя так само як і в Україні. Не даремно ми називаємося братніми народами.

Походивши з місяць в цей супермаркет я вже знав в лице всіх продавців, що сиділи на касі. Та й вони вже починали мене визнавати. Серед продавців було дві дівчини з азіатською формою обличчя. В Росії на таких кажуть «чурки». Як на мене, це дуже образливо, то ж я буду називати їх азіатками. Не знаю, звідки родом вони були, можливо з Ташкента чи Душанбе, це не важливо для нашої історії. Важливо те, що це було не корінне населення Росії. А той хто був хоч раз в Росії знає, як росіяни відносяться до лише азіатського походження. Одна з них була вже старшою жінкою років сорока, а друга, про неї я хотів ми розповісти детальніше. На вигляд я не дав би ній навіть двадцяти років. Якщо чесно, то до красуні їй було далеко. Ні я не кажу, що вона була некрасива, поняття краса відносне. Я маю на увазі, що вона ніколи не виграла б міс світу. Висока на зріст, не худа, але й не широка, без яскраво підкреслених контурів тіла. Щоб ви краще зрозуміли, яка ця дівчина, уявіть що перед вами стоїть тисяча звичайних дівчат з азіатських країн, вона нічим би не виділялась з поміж них. Але в неї був один великий плюс, не зовнішній правда, а внутрішній — простота! О так, її простота, ввічливість та добродушність зачаровували! Я не пам'ятаю коли на її обличчі не сяяла посмішка. Яким би не був клієнт набурмосеним і незадоволеним, подивившись на неї він відразу розм'якав. Вона була схожою на дитину, яка ще не зіпсована суворими реаліями життя. Коли я одного разу поплутав цінники, і замість цінника яблук приклеїв цінник апельсина, вона посміхнулась до мене своєю добродушною посмішкою, і сама побігла мінати мого цінника. Я жодного разу не бачив, щоб вона не те що грубо, а навіть нейтрально спілкувалась з клієнтом. Для кожного клієнта в неї була часточка позитивної енергії та посмішки. Я всі три місяці дивувався звідки в ній береться стільки терпіння та доброти. І те ж саме було з колегами «по цеху». Було таке враження, що своєю простотою, та добродушною посмішкою вона і їм передавала частинку позитиву.

І ось одного разу я вкотре ходячи по супермаркету звернув увагу на молодого чоловіка. На вигляд йому було років вісімнадцять. Напевно цими словами я викличу у вас посмішку, але він був азіатського походження. Одягнений він був бідно, але охайно. Шматяна синя курточка вже протерта на рукавах та звичайні старенькі джинси. Він вкинув у корзину одну буханку хліба і пішов до каси. Не знаю, чому він мене зацікавив, але я швидко понакидавши у корзину все за чим ішов, поспішив за ним. Можна було б і не поспішати, ви ж пам'ятаєте — черга. Між мною та ним було ще двоє людей, якась бабуся, та жінка років тридцяти. На касі сиділа наша азіатка.

— «Сынок пропусти пожалуйста, а то опаздываю на автобус» — попросила бабуся нашого юнака.

— «Конечно пожалуйста проходите!» — повернувшись до бабусі відповів він.

О боже, в мене було відчуття дежав'ю, на його обличчі сяяла та ж сама добродушна і чарівна своєю простотою посмішка. Бабуся розраховувалась і прийшла черга нашого юнака.

— «Здравствуйте!» — посміхаючись сказав він.

— «Здравствуйте! — посміхаючись відповіла вона, — Пакетик брать будете?»

— «Да конечно!» — а посмішка ні в одного ні в іншої не сходила з вуст.

Дві таких посмішки для одного магазину це вже занадто подумав я посміхаючись...

Прошло півтора тижні з того дня. Я вже й встиг забути про цей епізод. Був підвечірок п'ятниці, і народу в магазині було ні пройти ні проїхати. Працювало лише три каси — перша, четверта і п'ята. За четвертою касою сиділа наша дівчина. Я як завжди накидав у корзину все по що йшов до магазину, і оцінивши черги до кас став до п'ятої. Так як переді мною стояло десь вісім чоловік, то я поставивши корзину на землю почав спостерігати за людьми на сусідній касі. І тут я побачив цього ж самого юнака. Він якраз стояв перед четвертою касою. А на виході з каси стояло вже не молоде подружжя азійської зовнішності, які чекали коли (не потрібно було бути Холмсом, щоб здогадатися, що це батьки нашого юнака) їх син розрахується. Юнак це все робив з такою ж посмішкою, як і в попередній раз. Ось він розрахувався, і пішов до столика, щоб зложити все у пакет. Наша дівчина почала обслуговувати наступного клієнта, якогось набурмосеного дядька. Та раптом юнак повернувся до каси і трішки нахилившись до неї сказав не дуже голосно одну єдину фразу. І сказав він це не російською мовою, а мовою їхнього народу. Ми можемо лише здогадуватись, що він сказав, але коли вона засміявшись повернула голову до нашої каси я аж заціпенів. Вона сміялася як ніколи, рум'янець заповнив пів її обличчя, але не це було головне, її очі — ось де я побачив те, що змусило мене заціпеніти. Боже мій, в них було стільки щастя та радості, що я такого ще не бачив. В її очах стояли сльози, і я з впевненістю можу сказати, що це були сльози щастя. Я бачив щасливих людей, я бачив як людина стає щасливою вигравши мільйон, там теж є сльози щастя. Я бачив справжнє щастя, я бачив показове щастя, але такого я ще не бачив. Її очі аж випромінювали те просте, щире таке тендітне і оповите любов'ю почуття щастя. Я бачив в її очах палке бажання обійняти весь світ. Це було щастя яке воно є, а не те, що ми собі придумали. Я озирнувся навколо і з жалем побачив, що ніхто навіть не звернув на це уваги. Всі були занадто заклопотані своїми проблемами. В той момент я зрозумів, що не потрібно шукати щастя, воно завжди біля нас, ми просто його не помічаємо. Ми розучилися радіти і бути щасливими. Ніякі гроші не дадуть мільярдеру навіть крапельночку того щастя, яке я побачив в очах цієї звичайної азійської дівчини.

Я повільно вийшов із магазину і пішов у напрямку до будинку в якому працював. Там на мене чекав прораб, який знову буде придиратись до мене без причини. Але в той день ніщо не могло зіпсувати мого настрою. Я йшов і посміхався. На душі у мене було так легко, як ніколи за всі мої двадцять три роки. Найбільше, що я хотів зробити в той момент, це опинитися дома, обійняти свою кохану людину, і сказати їй що я сама щаслива людина на світі...

Весела поїздочка

Це було десь за два тижні до фестивалю на Білому озері. На дворі стояла неможлива спека, от ми й вирішили з'їздити на Біле озеро відпочити. Добиратись вирішили маршрутками — спочатку з Володимирця в Кузнецовськ, а звідти вже на Біле. У Кузнецовськ дібрались нормально, без ексцесів, та й людей було не дуже багато — неділя, ранок. Все почалося на автовокзалі у Кузнецовську. Тільки ми приїхали, як побачили автобус, що повинен був везти людей у ту сторону. У нього були якісь неполадки, і водій говорив пасажирам, що доведе їх лише до ? , а там вони пересядуть на інший автобус, який також їде до Білого. Ми вирішили чекати на наступну маршрутку, та й місця в автобусі не було зовсім (навіть стоячого!). Прочекали ми добрих півтори години, народу в цей час назбиралось більше сотні?. Аж ось на першу платформу стала звичайна маршрутка бордового кольору марки Мерседес (такі зазвичай їздять на Кузнецовськ Рівне і т.д. — Спрінтери їх називають.). З неї вийшов водій, і спитав хто хоче на Біле за 12 грн. (білет зазвичай коштує 7 грн.). Почало творитись щось неймовірне, люди товпились в ту маршрутку, ніби це був останній шанс врятуватись від чогось страшного. Спочатку і ми намагались стати в чергу, якщо це можна так назвати, та побачивши що все одно не вмістимось залишили ці марні спроби, і стали осторонь дивитись на цю катавасію. Ви бачили як у п'ятницю до Володимирця на ринок приїжджають люди з сусідніх сіл? Чи як вони повертаються додому? Напевно кожному відомий вислів — «напхалося як тюльки». Більшість з нас знає, як це їхати у маршрутці півдороги на одній нозі. Так от, це все квіточка в порівнянні з тим, що творилось у бордовій маршрутці. Щоб ви пройнялися тим що там відбувалося, розповім як заходив останній пасажир — водій сам пхав його у двері із криком «підвиньтесь там трохи!», а коли половина пасажира з горем пополам була запхана, водій почав закривати двері. Закривання звичайних дверей у звичайній маршрутці зайняло близько двох хвилин. Під сміх та вигуки оточуючих водій все таки їх закрив. В цей час мою увагу привернув молодий чоловік років тридцяти п'яти, що сидів у цій маршрутці. Не так він, як вираз його обличчя. Він був схожий на мишеня, яке попало у мишоловку. Воно вже і не хоче того сиру, а вибратись не може. Здавалось ще трохи, і цей чоловік видасть скло, щоб звідти вибратись. Він вигирвав серветкою не лише лоба, а все обличчя, піт заливав очі. Дуже шкода мені стало його в ту хвилину. Не буду в подробицях розповідати, як ми дібрались на Біле. Скажу лише, що трішки переплативши заїхали туди на восьмимісному таксі.

Відпочили там ми дуже непогано. Вода була неперевершена для купання, тож з води ми виходили лише щоб з'їсти по бутерброду. Настав вечір, і потрібно було якось добиратись додому. Коли ми вийшли до в'їзду на Біле, то побачили картину яка нас шокувала. Там стояло в разів п'ять більше людей і всі чекали якогось автобуса, чи маршрутку. Часом проїжджав хтось машиною, і забирав два-три чоловіка, але весь натовп залишався на місці. Біля в'їзду на Біле стояв ларьок, а на ньому висів розпорядок маршруток — остання в шість годин. Інколи під'їздили маршрутні таксі (такі на якому ми сюди приїхали), та навіть вони вже були повністю замовлені. Двічі, поки ми там стояли, проїздили автобуси з табличкою «Частні перевезення». Розуміючи, що вибору немає, ми вирішили будь-що потрапити у якийсь автобус. На першій ми не попали, повторилась історія з бордовою маршруткою.

Аж ось ми помітили ще один автобус, який не доїжаючи добрих двісті метрів почав розвертатись. Частина на-товпу, що залишилась після першого автобуса хлинула туди, і ми з ними. Повторялася історія бордової маршрутки, та тепер ми були учасниками цього дійства. Ще водій не зібрав плату за проїзд, а піт вже застилав мої очі. В автобусі було так душно, що два відкритих люка зовсім не допомагали. Не було чим дихати. Розум займала лише думки типу — швидше б ці муки закінчились, швидше б доїхати, краще б ми не сідали в цей автобус. Я стояв і дивився на пасажирів, що так само стояли, чи сиділи (в цій ситуації це не було так важливо, терпіли всі) і бачив на їхніх обличчях ті ж самі думки. Попереду сиділа дівчинка років дванадцяти, так вона тягнулася до відкритого вікна, як подорожній у пустині тягнеться до води. Це був просто кошмар.

Приїхавши додому ми сказали один одному, що більше ніколи в житті не будемо їздити такими автобусами та маршрутками. Голова після цієї подорожі перестала боліти лише не наступний ранок. Напевно, якби у такій подорожі побувала людина, яка по своїй посаді може щось змінити у цій ситуації, вона б різко почала б щось з цим робити. Невже не можна нічого зробити, щоб звичайний, пересічний громадянин Володимирецького району міг спокійно всією сім'єю хоча б раз у місяць з'їздити на Біле озеро відпочити?! Чи для цього потрібні великі ресурси? Ні! Потрібно лише бажання! Навіть якщо все добре продумати, можна на цьому заробляти ще й можливо невеликі, але гроші у районний бюджет! Але кому це потрібно?! Звичайно, що не людям які вже забули, коли користувалися послугами міського транспорту! Тож давайте почнемо думати не лише про себе, а й про ближнього свого! Пам'ятаймо всі ми люди, і повинні завжди ними залишатись!

Павел КОЛЕСНИК

Харьков

Добрий день.

В огромном строительном супермаркете, в ряду где продавались двери, задумавшись о чем-то своем, под играющую сотню раз подряд мелодию, стоял, облокотившись о траверсу, продавец в синем комбинезоне и оранжевой футболке с болтающимся на шее потрепанным бейджем.

— Добрый день, я хотел бы купить дверь.— Услышал он за спиной утробный бесцветный голос.

Скучающий продавец обернулся и увидел перед собой мужчину лет сорока, пахнувшего сырими трубами, и похожего на огромную, бесформенную личинку, одетую как человек. Такое сходство объяснялось полным отсутствием шеи, глупо выпученными водянистыми глазами и огромных размеров не имевшей даже малейшей четкой формы тело.

Продавец осмотрелся, и убедившись что кроме них, в ряду, обставленном сплошь дверями, никого нет, обреченно кивнул понимая что продавать двери этой человекоподобной личинке, предстоит ему одному.

— Конечно. Могу предложить вам для начала двери из МДФ облицованные шпоном ценных пород дерева. Коробка которых изготовлена из высококачественного соснового бруса и также облицована шпоном породы «орех европейский». Здесь кожаная дверная ручка, на данный момент эта модель является эксклюзивной.— Вежливо предложил он.

— Не так сразу, я хотел бы во всем разобраться. — Перебил заученную и повторенную несчетное количество раз речь продавца Человек Личинка.

— Хорошо, какое именно полотно вам нужно?

— Полотно, нет-нет, дверь, мне нужна дверь!— Но заметив усталый взгляд исподлобья, спохватился.— Ах, полотно, дверь, как это я сразу не сообразил! А я-то подумал уже, причем тут картины...

— Какую именно «дверь» вы хотите?— Невозмутимо спросил продавец, делая ударение на слово дверь.— Входные, межкомнатные, сантехнические, противопожарные, взрывозащитные, дымозащитные, для банковских хранилищ, пулестойкие, химстойкие...

— Ой, а что их такое разнообразие?! Мне всегда казалось, что двери есть двери. Ну, бывают там двери от машины, от самолета, трамвая, но такой ассортимент! Я даже не подозревал, а что...

— Какие двери?— Очень медленно и сдержанно с нажимом повторил продавец.

Надо заметить, что это продавец не обычного магазина, а огромного строительного супермаркета и в отличие от продавца обычного магазина, где клиент бывает не то чтобы большой редкостью, но не особо частым гостем. Продавца супермаркета обыкновенно тошнит от людей к концу рабочего дня, ведь люди обращаются к нему не только с вопросами касательно дверей, но ещё и с вопросами типа «не подскажете где здесь туалет?», «а вы не можете продать мне кушетку?», «А если я пойду в самый конец супермаркета то где я окажусь?», «А у вас аквариумные рыбки продаются» «А почему двери в этом ряду, а петли и дверные ручки в соседнем?» ну и далее в таком вот ключе. Так вот Человек Личинка подошел к продавцу уже почти под самый конец рабочего дня.

— Какие двери?— Очень медленно и сдержанно повторил продавец.

— Межкомнатные, а можно что бы они были ещё и: противопожарные, взрывозащитные, дымозащитные, пулестойкие, химстойкие...

— Вы живете один?

— Да, но всякое может быть, вдруг я женюсь или приедут родственники или что страшнее я женюсь, и к нам приедут её родственники...

— Итак, межкомнатные, с этим мы определились!— Хлопнул в ладоши продавец. Он сделал так ещё и потому что хотел незаметно посмотреть на своих часах, сколько времени ему ещё предстояло мучиться в этих стенах.— По конструктивным особенностям: распашные, раздвижные, складывающиеся, маятниковые, решётчатые, арочные, с остеклением, двусторчатые...

— Я над этим никогда не задумывался...

— Тогда подумаем над этим вопросом позже! Далее, по направлению открывания: левые, правые, симметричные.

— Ну, такие что бы, когда я выходил из комнаты на кухню, они открывались на меня.

— Почему так?

— Потому что когда я буду идти с кухни в комнату то наверняка с разносом полным тарелок, то есть руки у меня будут заняты и дверь придется открывать ногой. Видите ли, я очень люблю поесть...

— Прошу вас давайте вернемся к дверям.— Оглядываясь по сторонам, попросил продавец.

— Хорошо-хорошо, я хочу дверь, полотно МДФ облицованное шпоном ценных пород дерева. Коробка изготовленная из высококачественного соснового бруса, также облицованного шпоном. И пусть шпон будет породы «Выбеленный дуб».

— Размер?— Выдохнул продавец.

— Высота два метра, ширина восемьдесят сантиметров, толщина сорок.

— Но почему нельзя было сразу так?!

— Ну, я немного волнуюсь, ведь не каждый день меняешь межкомнатные двери, а вы все-таки профи в этом, вот мне и захотелось узнать у вас...

— Пойдемте к компьютеру.— Не дожидаясь пока человек личинка закончит, пригласил продавец.

Немного подождав пока загрузится программа, потом ещё немного пока обработается пароль и ещё чуть-чуть пока компьютер обработает введенные в него данные характеристики желаемой двери, компьютер бесстрастно выдал, что таковой на складе нет.

— Извините, такой двери на данный момент у нас на складе не имеется.— Повернувшись к заскучавшему Человеку Личинке, отрапортовал продавец.

— Как нет, точно, посмотрите ещё я ехал сюда издалека, потому что слышал, что у вас есть все!— Выдохнул человек личинка.

— Компьютер точная машина и он не может ошибаться.— Ухмыльнулся продавец.

— Ваш компьютер бесчувственная груда пластика и метала, он не представляет, что чувствует человек который приехал за межкомнатными дверями пес знает куда и слышит что его дверей, дверей из МДФ облицованных шпоном ценных пород дерева. Коробка которых изготовлена из высококачественного соснового бруса и также облицована шпоном породы «Выбеленный дуб». Узнает, что их просто нет, закончились!!

— Извините, но что могу сделать я?— Развел руками продавец.

— Вы даже не пытаетесь!— Перешел на визг клиент.— Вы только разводите руками, а между тем в вашей рекламе вы говорите, что вы предоставите все, что не попросит клиент!!

— Я?!

— Конечно не лично вы, но кто-то в рекламе «вашего» маркета! Так, зовите вашего директора! Я хочу видеть директора!! — Уже визжал человек личинка.

Продавец ещё раз оглянулся по сторонам, а нет ли кого поблизости? Прокручивая в голове, как убивает Человека Личинку, прячет в подсобке и утром выбрасывает на свалку упакованный в картонный ящик тяжеленный труп.

— Тяжело, без погрузчика не обойтись.— Сокрушенно пробормотал продавец.

— Что вы сказали?!

— Ничего, ничего не сказал, это я так, варианты прокручиваю.

— Ага! Только я директора потребовал вы сразу задумались, давайте-давайте! Сходите на склад посмотрите!

— На складе нет, поверьте! Может на следующей неделе...

— Вы хотите, что бы я был без дверей почти неделю, вы в своем уме?! Вы знаете, какие запахи с кухни могут попасть в комнату?!

— Откуда мне знать, а кухня не туалет, страшного ничего нет!— Продавец понял, что конец его рабочего дня отсрочен на неопределенный срок.

— Запах лука, гарь, запах чеснока, а если варить рассол, то можно вообще закашляться!! Я же говорил, что я люблю поесть!

— Может, мы найдем вам другие двери?— С надеждой в голосе спросил продавец.

— Нет, мне нужны мои двери МДФ облицованные шпоном ценных пород дерева. Коробка которых изготовлена из высококачественного соснового бруса и также облицована шпоном породы «Выбеленный дуб». И точка. Куда вы пошли?!

Продавец стремительно вышел из ряда, что-то бормоча себе под нос.

Человек Личинка немного походил взад-вперед по ряду, уставленному сплошь дверями возмущаясь что при таком обилие выбора, его дверей в этой дыре не оказалось. Через десять минут продавец вернулся, все так же чертыхаясь с мелком в руке. Он нагнулся и начал что-то чертить по бетонному полу мелом.

— Что вы делаете?

— Я пытаюсь решить проблему!— Не отрываясь от своего занятия, ответил продавец.

— Вы хотите мне нарисовать мои двери?!— Со смехом в голосе спросил человек личинка.

— Нет, я хочу их достать для вас более радикальным путем!

— А именно?

— Я черчу пентаграмму и когда закончу вызову демона!

— А не проще позвать вашего директора?

Продавец молча закончил рисовать поднялся с пола и посмотрев пристально в водянистые глаза Человеку Личинке ответил: «Поверьте, проще демона призвать!»

— Ну, если вы так считаете.— Неуверенно кивнул человек личинка.

После нескольких нехитрых пасов и заклинаний, в пентаграмме появился демон. Это был обычный демон, внешне ничем не отличавшийся от человека. Лишь красная, сплошь покрытая древними узорами кожа, и торчавший заостренный хвост выдавали в нем демона, ну может слегка старомодный костюм и рога.

— Чё как, Михаил!— Поздоровался демон.

— Привет Азазель!— Поздоровался продавец.— Тут такое дело, можешь достать двери из МДФ облицованные шпоном ценных пород дерева. Коробка которых изготовлена из высококачественного соснового бруса и также облицованного шпоном породы «Выбеленный дуб».

— Ну не знаю старик, сейчас у всех стройка, сезон, сам понимаешь.— Развел руками демон.

— Аза, ну ради меня, посмотри, что можно сделать!— Взмолился продавец.

— Ладно, подожди пару минут.— Сказал демон и исчез в клубах едкого пахнущего серой дыма.

Человек личинка ошарашено смотрел на то место где только что стоял Азазель его водянистые глаза стали ещё больше и ещё более водянистей, рот открывался и закрывался в немом вопросе.

— Вы!... Вы...вы...

— Да меня зовут Михаил, довольно распространенное имя, нечего особо удивляться.— Махнул рукой продавец.

— Да я не о вас! Я о демоне! Вы только что действительно вызвали демона!!

— Да, вы ведь требовали любой ценой достать вам «Ваши» двери. Кстати о цене...

— Душу не продам!!!— Человек личинка схватился за сердце предполагая видимо что именно там находится его душа.

— Тогда будем торговаться, сейчас сезон у них должны быть скидки.— Невозмутимо сказал продавец.

В пентаграмме снова возник Азазель и огорченно сообщил.

— Извини старик, но сейчас сезон, таких дверей нет, может что другое.

Человек Личинка раскрасневшись, вскинул кулачки вверх.

— Да как же так ты приезжаешь пес знает куда за дверями из МДФ облицованными шпоном ценных пород дерева. Коробка которых изготовлена из высококачественного соснового бруса и также облицованных шпоном породы «Выбеленный дуб», тебе вызывают демона и даже ад не может предложить того что тебе нужно!!!

— Сезон.— Извиняясь, подытожил продавец.

— Да мне плевать!!! А если я вам душу бы продал вы бы поискали на своем складе, а?!

— Всю душу и не надо у нас сейчас акции!— Вмешался Азазель.— Но таких дверей пока нет может на следующей неделе...

— Мне плевать на ваши акции, плевать на следующую неделю, если у вас нет того что я хочу!!

— Не надо кричать на Азазеля, он это воспринимает как личное!— Пытался вразумить продавец Человека Личинку, но тот не унимался.

— Да какой это блин демон, из какого такого ада, где нет дверей, ты его призвал. Это что за ад такой без дверей?! Зовите сюда директора!!!— Не унимался клиент.

— Маркета?— Спросил продавец.— Видите ли, это немного проблемно.

— Ада!!! Директора ада, кто там у вас заведует!! На кой черт мне ваш директор маркета!! Я хочу докопаться до правды!!! Мы сейчас посмотрим, какие у вас есть двери!!! Давайте старшего!!!!

— Может давайте обойдемся без вмешательства шефа, давайте искать компромисс.— Заволновался Азазель.

— Директора сюда, НЕМЕДЛЕННО!!!!!!!

Михаил и Азазель переглянулись, вздохнули и пожали плечами.

— Добрый день, вы не можете мне выбрать двери?— Обратилась к продавцу женщина лет сорока, с волосами цвета сирени.

— Конечно. Могу предложить вам сначала двери из МДФ облицованные шпоном ценных пород дерева. Коробка которых изготовлена из высококачественного соснового бруса и также облицованных шпоном породы «Выбеленный дуб».— Ответил продавец, воровато оглядываясь по сторонам и хлопая ладонью по двери с водянистым глазком.— Здесь моргающий глазок — это эксклюзивная модель, больше таких нигде не найти.

Отцовский пиджак

Сегодня он второй раз в своей жизни одевает Отцовский пиджак. Первый был ещё в школе. Он провел пальцем по рассекающему поперек нижнюю губу шраму, вспоминая металлический привкус крови во рту. Стоя перед зеркалом, он вспомнил вонь хлорки в школьном туалете, и грубый, цвета ржавчины плиточный пол, обжигающий холодом саднящее от ударов лицо. Глядя в глаза своему отражению, он видел четырнадцатилетнего мальчика тайком от родителя одевающего пиджак, что сейчас на нем. Вдыхает отцовский запах, которым пропитана кожа, запах сигаретного дыма, спиртного, и крови, смывтой, но не выветренной. Запах Отцовской работы. Он вспоминает себя, входящим в школьные двери, с уверенностью, что пиджак Отца, даст ему ту самую силу, которая ломала всех, кто вставал на дороге. Ту силу, которая позволяла не бояться ничего, ничего кроме её самой. Вспоминает, как садиться за одну парту со своим врагом. Середина урока. Он одним махом опустошает бутылку медицинского спирта на того, который весит больше чем он и превосходит в росте и силе и кто рассек ему нижнюю губу в школьном сортире. Щелкнув зажигалкой, он превращает его в живой факел. И тот с воплем опрокидывая парту, бежит к доске, размахивая горящими руками четко пытаясь потушить охватившее его пламя. Да, Отец вломил ему после этого инцидента, но не за то что он поджог прикурка, а за то что без спроса взял его вещь.

— Пойми, — Говорил он, после взбучки, вытирая слезы сыну.— Мой пиджак моя рабочая форма, я выхожу в нем каждый вечер работать, по этой одежде меня узнают. По форме меня определяют, как определяют врачей по их белым халатам или пожарников по их машинам и каскам.

— Эй, Тихоня!— Так все его звали после школы.— Есть работа на вечер.

«Есть работа на вечер» эта фраза обеспечила его работой на все оставшиеся вечера. Началом своей карьеры он обязан хлыщу с длинными засаленными черными волосами. Хлыща зовут Эрик. Эрик его «приятель», про таких говорят: «лезет без мыла», но именно благодаря этому он знает кучу народа.

— Тебе ведь нужны деньги, можно неплохо нажиться за вечер!— Он знал, что Тихоня сейчас на мели, Эрик всегда знал все про всех.

— Я не лажу по квартирам и не граблю киоски.— Подкуривая, фыркнул Тихоня.

Они сидели в пабе обклеенным старыми грампластинками и плакатами с изображением Битлов, Джими Моррисона и Бади Холли. Здесь играют старые рок хиты, местные группы. Сегодня это были: тощий наркоша барабанщик, отбивающий ритм, глядя в пустоту на пару со слепым гитаристом и смазливая девица, единственная нормальная в этой компании. Ребята играли тему из «Свинцового дирижабля».

— Классно играют.— Подметил Тихоня.

— Конечно, ведь они слепые!— Констатировал Эрик.

— Слепой только гитарист, а девчонка с ударником нормальные. Почти.

— Не важно. Что, на солистку глаз положил? Она не по тебе, ты слишком беден для нее.— Эрик был беспощадным реалистом.— Вот та, что спит за соседним столом, рыжая, уже готова, её и забирай, а солистка пойдет с Заворой, у него член большой и паб. С ним пойдут даже без денег. А вот у тебя видимо напряги по всем фронтам.

— Пошел ты.

— Кстати по работе, ничего такого делать не придется, надо просто пойти и забрать долг у одних отмороzków.

«Просто», когда Эрик говорит свое «просто», значит, все будет не так легко как он обещает. Тихоня не раз слышал, как люди влипали в историю после его «просто». Он не хотел влипать в историю. Но и без денег ему быть не в каф, а работа охранником на складе позволяла едва сводить концы с концами. Хотя он и жил сам, денег ему едва хватало. Он согласился.

Отец состарился и с головой ушел в религию, пиджак же просто пылился в шкафу. Ждал. Ждал его дебюта.

Под Отцовским пиджаком он примотал к телу несколько томов в твердой обложке русских классиков. Тургенев, Пушкин и Лермонтов. Классиков, которые должны защищать его печень, почки и сердце, от ножа. Книжки надежно закреплены скотчем, наподобие бронезилета. От пуля вряд ли спасет. Но Эрик сказал, что у этих обдолбшей на сигареты редко бывает, где уж им с пушки щеголять.

Он привязал крепким полутораметровым шнурком к пальцу на правой руке пятидесятиграммовую гирьку, и спрятал её на запястье в рукаве. Ствола у него тоже не было, лучше перестраховаться.

Стальной угол, девяти дюймов длиной под левым рукавом, слегка давил и сковывал движение, но был необходим против ломов, бейсбольных бит и прочих подручных средств. В карманах пакетика соли с перцем. Все как рассказывал ему отец.

Евреи праздновали новый год «Рош Ашана», Тихоня зашел в синагогу, когда первый раз трубили в Шофар. Среди старых хасидов он нашел Отца, в кипе на седую голову, с книгой, молящегося среди спящей шумной детворы. Раввин читал молитву, ему все вторили Амен. Тихоня посмотрел на второй этаж, где находились женщины, даже сейчас он прикидывал на кого бы он залез, одновременно каясь в своей похоти. Отец, в середине молитвы обернувшись, заметил сына, и видно было, как его обрадовало, что его сын разделяет с ним эти светлые минуты, пусть и находясь на расстоянии, скромно стоя у выхода. Молитва закончилась, и Тихоня подошел поздравить Отца с новым годом.

— Ты все-таки одел его.— Щупая старый потертый пиджак из кожи, сказал Отец.— Будь аккуратен.

— Ты не против?

— Моя река теперь стала и твоей.— Ответил отец, ероша его волосы.— Ты вырос, это твоя жизнь.

— Я просто хочу вырваться из долгов.

— Смотри, не влез в новые.

— Постараюсь.

Отец, ощутив рукава, посмотрел сыну в глаза.

— Железный блок и гирька. Я уже стар для этого наряда.

— Это просто для страховки.

— Этого мало. Будь осторожен, не расстрой Маму.

— Постараюсь.

На выходе поцеловав Мезузу прибитую к косяку, он отдал кипу охраннику и вышел на улицу.

Уже начало темнеть, когда он нажал на пропаленную кнопку лифта. Поднялся на четвертый этаж и позвонил в дверь. В квартире послышалось шарканье. Его сердце начало бешено колотиться, ладони вспотели, а желудок начал совершать бешеные кульбиты. Дверь открыл верзила в майке с бритой в складках как шкура шарпея головой.

— Чего?— Рыкнул Шарпей.

— Я по делу, можетпустишь, чтоб соседи уши не грели.— Эти слова Тихоне дались очень нелегко, но звучали убедительно, настолько убедительно что дверь открылась шире и здоровяк сделал шаг в сторону пропуская его внутрь.

Однокомнатная дыра, с голыми стенами освещаемая стоящей на тумбе лампой с пузырьками, двумя стульями и рваным засаленным диваном, на котором развалились ещё двое не особо уступавших габаритами первому. «Этим кабанам и пушки-то не к чему» подумал Тихоня, вспоминая слова Эрика касательно наличия оружия у парней.

— Ребята, я за деньгами, время возвращать долг, думаю, вы в курсе!— Бодро хлопнул в ладоши Тихоня.

Три лысые бошки молча смотрели на него. Время стало вязким и двигалось вяло как те пузырьки в лавовой лампе на полу.

— В расход его!— Сказала морда, развалившаяся на диване. Красный восковой пузырек отделился от массы и начал свой путь вверх, сквозь теплый глицерин.

Один вскочил с дивана и схватил деревянный стул. Мышцы Тихони вспыхнули огнем, будто в них влили кипяток. Краем глаза он заметил как пропустивший его внутрь и стоявший за спиной «Шарпей» сделал рывок в его сторону. Тихоня не успел ничего предпринять и нож, со всей силы проткнув пиджак, пробил обложку сборника стихов Лермонтова. Спасибо мертвому поэту, за фору. Тихоня, не желая испытывать судьбу, со всего маху впечатывает правый локоть в удивленное лицо здоровяка с ножом. Временно оглушив заднего он вскидывает левую руку и стул разлетается в щепки о железный угол, спрятанный под рукавом, правая рука уже в кармане и соль с перцем готовы запорошить глаза но тот что был сзади пришел в себя и ударом ноги под колено поставил Тихоню на колени. Красный пузырек из воска почти добрался до верха лампы. Тихоня швырнул горсть соли в глаза чуваку с дивана, но поздно, его сапог выбил воздух из груди Тихони и опрокинул на спину. Перец с солью все же сработали, разбивший стул усердно тер глаза. Тихоня вскочив на ноги, метнул гирьку в того что с ножом и она как комета врезалась в огромные складки, оставив подобие кратера на голове здоровяка. Один готов. Удар железным блоком по голове валит на пол и оставляет лежать с широко открытыми красными глазами второго. Красный пузырек повис в самом веру лампы и застыл, вспоминая, зачем он вообще поднимался.

«Запомни, верни деньги или долг станет твоим!»— Прозвучало в его голове предупреждение Эрика. Двое мертвы, один жив, с него Тихоня выбьет долг. Однако сидящий все это время на диване так не думал и направил невесть откуда взявшийся пистолет на Тихоню. Взвод курка. Грозный хрип «Сука». Красный пузырек, остыв на верхушке лампы, понял, что наверху ловить нечего, двинулся обратно вниз. Щелчок затворного механизма и пуля вылетела, играя наперегонки с восковым пузырьком. Тихоня только и успел, вскинуть левую руку по инерции защищая лицо. Звезды были на его стороне и железный блок второй раз за вечер спас его шкуру. Забыв все что говорил Эрик, Тихоня с ревом бросился на лысого со стволом. Двое орущих вылетели в окно сопровождаемые калейдоскопом из осколков стекла и деревянных щепок. Красный пузырек тяжело опустился на дно лампы, сплюсываясь о подогреваемую массу.

Тихоня пришел в себя, жильцы начали сходиться на шум. Он слез с размазанного по асфальту стрелка и заплетаясь шагом пошел прочь в сторону метро.

Эрик не спеша слез с высокого стула у стойки бара и забрав свое пиво подсел к обклеенному пластырем Тихоне.

На сцене, словно никуда и не уходили, играли наркоман, слепой и девчонка. Она, подражая Дженис Джоплин, пела старый хит «Summertime». Довольно даже не плохо.

— Хорошая новость!— Хлопая по плечу, подсел к Тихоне Эрик.— У тебя теперь есть постоянная работа!

— А плохая?— Сдавленно прохрипел Тихоня, легкое похлопывание по плечу приносили адскую боль. Хотя лучше уж так, чем быть расквашенному на асфальте, словно пузырек с водой.

— А плохая — вместе с работой ты обзавелся приличным долгом. Я же говорил, не надо было мочить всех троих!

— Ты сказал что «Ничего такого делать не придется, надо просто пойти и забрать долг у одних штрихов», а ещё ты говорил, что у них не будет пушек!— Прорычал Тихоня.

— На тот момент, когда я это говорил, у них действительно не было пушек!— Защищал свою осведомленность Эрик.— Хотя сейчас это не важно!

— А что тогда важно?

— Бос, не доволен, что долг завис, но ему понравилось, как ты разделался с его должниками. Что сказать, творчески сработал.

Девчонка закончила петь и придерживая под руку слепого гитариста помогла тому сойти со сцены. Тишина повисла в зале, смешиваясь с серым дымом сигарет под потолком.

— Что за новая работа?— Тихоню начал раздражать этот хлыщ, что подставил его.— В город приехал один шут, устроил беспредел, говорят он никогда не расстается с пистолетом...

Чай без сахара

— Этот чай пьют без сахара.

Услышал он легкий, слегка хриплый женский голос за спиной. Молодой человек обернулся и увидел сидящую по соседству молодую девушку с длинными ровными волосами цвета пшеницы, которые падая на плечи, едва скрывали широкие скулы.

— Простите, но как вы увидели что я собираюсь насыпать себе в чай сахар?— Удивленно спросил он.

Девушка встала и не спеша подошла к его столику.

— Вы не против?— Спросила она подсаживаясь.— Я просто видела ваше отражение, в зеркале, вот и все.

— А какая вам разница как я собираюсь пить чай, с сахаром или без?— Спросил парень, наблюдая, как она достала из сумочки кيسет с табаком и бумагу для папирос.

Её пальцы ловко бегали распределяя табак и сворачивая папиросу, потом она прошлась розовым язычком вдоль всей папиросы и вставила в мундштук, ожидая посмотреть на него. Молодой человек был буквально заворочен происходящим действием, он с готовностью мог поклясться, что никогда не видел, как женщина скручивает папиросу, причем так ловко и элегантно. Он перехватил её взгляд, подсказывающий, что она ожидает когда он ей подкурит. Поднося огонь к её только что скрученной сигарете, его окутал приятный нежный аромат вишни и ванили. Девушка выпустила струйку сизого дыма.

— Я просто хочу, что бы вы попробовали свой чай без сахара, в противном случае вы рискуете выпить просто горячий сладкий сироп, а не чай.

Парень молча, поднеся чашку к губам и подув, сделал небольшой глоток. Сначала ему показалось, что сахар бы абсолютно здесь не помешал, но спустя несколько секунд, понял, насколько ошибался.

Они проговорили в кафе попивая чай без сахара до самого вечера, не заметив, как выросли тени деревьев. Говорили обо всем, пропустив, как сумерки зажгли огни в городе, где они нашли друг друга.

Она рассказывала ему, как ей одно время хотелось фруктовых леденцов, но всякий раз, как она проходила мимо лавки, было либо слишком поздно и лавка была закрыта, либо же она сама просто забывала, что давно хотела купить конфет. Он рассказывал ей как постоянно мерзнут его руки. А люди заходили в кафе, заказывали блюда, расплачивались и уходили.

Его ладонь мягко накрыла её тонкую, нежную, теплую кисть, наконец-то найдя то тепло, от которого он мог согреться. Им абсолютно не хотелось куда бы то ни было уходить из этого кафе, где они сидели, держась за руки. Весь мир для них стал небольшим круглым деревянным столиком, с маленьким фарфоровым чайничком и двумя чашками, за которыми они сидели и пили свой чай без сахара.

Но заведение уже закрывалось и расплатившись они вышли на опустевшую улицу, подсвечиваемую желтым светом уличных фонарей. Такси отвезло их к её дому, он сказал ей, возле старой двери её подъезда, что это был самый теплый и приятный вечер, что он когда либо помнил, и её губы нашли его. И так, стоя, сомкнувшись губами в нежном и трепетном, первом поцелуе, они пробудили очень древние силы, которые взорвали пожарный гидрант, что стоял через дорогу мощным фонтаном.

Влюбленные, они растались, волнуясь, как переживут разлуку на день. А в следующий вечер снова были вместе, в том же кафе, потягивая горячий чай без сахара, и куря её скрученные сигареты. Но ещё до того как солнце спряталось за дома зажигающие свои окна, кафе начало затопливаться водой, на кухне сорвало краны мощным напором воды, и вот уже к их ногам стала подступать вода. Расплатившись и аккуратно обходя метушившийся вперемешку с посетителями рабочий персонал, они выскочили на улицу в объятия нежного алого заката, что отражался в витринах города. Оставив за собой затопленное кафе. На следующий день они встретились у него дома, но угрожающе гудевшие от распирающего их давления радиаторы, не дали им спокойно уединиться. Он извинялся, помогая ей застегнуть пальто, но она успокоила его волнения, нежным поцелуем и ретировалась с его квартиры, оставив после себя аромат духов и раздувшиеся, текущие радиаторы. Однако через пару дней и в её квартире тоже лопнуло отопление, затопив нижние этажи и сорвав краны в ванной комнате и на кухне. Извиняясь перед соседями, они вызвали арабийку, вытерли насухо пол и обессиленные рухнули так и не закончив даже ещё толком не начатое.

Из двух гостиниц им пришлось бежать от скандала, так как вырвавшийся напор воды замкнул электричество во всем здании, и они на ощупь в потемках бежали, оставив метаться с фонариками персонал и проживающих там гостей.

Она предложила ему временно покинуть город, но он отказался, объясняя все случившееся дурацким стечением обстоятельств. Однако стоило им хоть где-то уединиться и пробудить желание овладеть друг другом как тут же начинали взрываться краны, гидранты, радиаторы или просто трубы. Сходя сума от желания, они металась из одного конца города в другой, но везде их настигала вода. Жители города, поняв, что все бедствия происходят с ними из-за этой странной парочки стали преследовать их, стоило им, где-либо уединиться. Поняв, что к чему он и она старались не прикасаться друг к другу, они гуляли по паркам, держась за руки, говорили на отвлеченные темы, литературе, живописи, детях. Она учила его скручивать самокрутки, но его пальцы были неуклюжи и они сошлись на том, что она будет делать папиросы для обоих. Она обожала детей, но они не могли позволить себе этого, так как стоило им захотеть друг друга, как вода начинала сходить сума, в попытке вырваться и затопить все вокруг.

— Может нам не стоит быть вместе?— Как-то спросила неуверенно она его.

— Чепуха, мы должны быть вместе!— Возмутился он, раздраженно выпуская ванильно-вишневый дым.

Тем временем, город медленно уходил под воду и жители, что бы передвигаться по нему построили множество мостов и лодок. Туристы хлынули в город с не меньшим напором чем вода затоплявшая его. Он потеряв работу купил на сбережения лодку и катал иностранцев, а по вечерам возил её любоваться игрой заката в воде.

— Наша любовь затопит этот город.— Всякий раз говорила она ему.

— Не выдумывай, посмотри, как все довольны.— Утешал он ее.

Каждый житель города имел лодку, что бы передвигаться по городу, и потому конкуренция была высокой, сбивая цены. Он зарабатывал немного, но она любила его не меньше, вот уже два года прошло после их знакомства. Первые этажи остались под водой, а она все прибывала. Жители решили выгнать влюбленных, они пришли к их дому с горящими факелами и транспарантами не очень деликатно требуя покинуть их.

— Пошли прочь от нашего дома, стадо!— Кричала она пьяная, стоя на балконе.

Он нежно втаскивал её рыдающую обратно внутрь, успокаивая и нежно целуя в темя. Люди спалили его лодку, и после пяти дней еженощной осады они сдались и покинули город.

Он сидел в самолете, растеряно думая, куда ему увезти свою любовь, что бы вода перестала их преследовать, она же измученная слезами и пятью днями осады под окнами, просто дремала на его плече. Глядя на её длинные волосы цвета золотой пшеницы, чувствуя, как её сердце бьется рядом с его, он вспомнил, как уже больше двух лет они не могут быть близки и желание вновь проснулось в нем с новой силой.

Гром и молния поделив небо на пополам, принесли с собой жуткую бурю с дождем, и самолет, не рассчитанный на такие природные катаклизмы вынужден был совершить экстренную посадку в пустыне над которой пролетал. Пока они тряслись пристегнутые в своих креслах, держась за руки и крича от страха вместе с другими пассажирами, их сердца окончательно перестроившись на единый ритм, начали биться в унисон, одинаково отсчитывая их дни.

Благодаря барханам и виртуозности пилотов они удачно приземлились, избежав жертв. Но оказались в самом центре самой сухой и самой безжизненной пустыне. Спасаясь от солнца, что в отличие от других мест здесь несло смерть, они смастерили вместе с остальными потерпевшими крушение палатки. Жуткая жара донимала их, вы-

зываю не менее жуткую жажду, которая грозила расправиться с непрошеными гостями в пустыне.

— Мне не хватает нашего любимого чая со вкусом манго и ванили. — Жаловалась она ему.

— А мне не хватает твоих самокруток. — Отвечал он, целуя её пересохшие губы.

На третью ночь он и она обессиленные, прижимаясь друг к другу от жуткого холода наконец стали близки друг другу как мужчина и женщина, решив что хоть в конце их жизни, здесь в самой сухой пустыне, им уже не надо опасаться назойливой, прибывающей воды.

Через пару лет посреди самой сухой пустыни, вырос красивый город, с мостами и каналами, и чистым пересыхающим озером с плавучим домом, в котором двое влюбленных пьют чай без сахара и курят самокрутки «вишня с ванилью».

Александр МИНАКОВ

Харьков

Володя

Серая осень, грязная осень. И внутри, как-то, тоже сыро.

Я двигался из метро, желая поскорее исчезнуть с улиц. Дождь усиливался, стирая собой всё.

В голову то и дело лезли всякие прошлые глупости, зачем-то до сих пор терзая душу. Вечная осенняя хандра, черт бы её побрал.

В этой осенней мне встретился Володя, мой полусвятой полоумный друг. Он подходил к людям, но людям он не подходил. Иногда ему удавалось поговорить. А ещё реже обняться.

— Привет, Володя.

— Привет. Зачем грустный? Задумал что?

— Нет, это такая грусть. Рядовая.

— Плохо, Сашка, плохо, так нельзя, давай лечить.

— Да я домой уже. Устал так, что почти спешу.

— Перестань, — сказал он и я перестал. И правда, чего это я.

На последние деньги, что я хранил на такси в случае чего, мы купили водки и отправились в володину обитель.

Его квартира — это нечто почти не поддающееся описанию. В тот день, когда Володя сошел с ума, она сошла вместе с ним. Сбросила часть обоев, именно ту, которая особо никогда не нравилась, потрепала диван и исцарапала мебель, покрыла красивой фигурной пылью окна, по настроению игралась, не давая полностью закрутить воду или включить свет. Иногда даже приводила пожить кота. Но Володю квартира очень любила. И он её любил. В попытках подарить ей что-нибудь, рисовал на стенах, вешал чудные картины и вырезки из газет. Иногда, даже, выносил из неё всякие странные вещи, что вечно скапливались, нанесенные после долгих прогулок.

— А отопление ещё не дали, — говорил он, — да и не нужно мне. Зимой нужно. Мне от другого холодно. Ехал в метро, а там такие рожи! Сразу холодно. И девушки красивые, но как раздраженные манекены. Нет, как живой холодный мрамор, хотя нет... И дядька ехал. Я плакал. Отвлечься не мог. Ну добрый же мужчинка, видно же, но почему такая тяжелая? Нет, не могу. Родня, братья. А, представляешь, если бы вечером люди просто говорили? После своих ста тысяч часов, после своих дней, вечером. Не прятались в коробочки, не сидели в яйцах... Даже нет, из яиц можно вылупиться, яйца только начало... В яйце ты к чему-то готовишься. А, представляешь, если бы люди, могут же! Серьезно могут! Хороводы! Почти как карнавалы, только каждый день! Вечером пели бы ходили бы, как друзья, как близкие! Свечки бы зажигали. Может, недоброго бы меньше было бы... Хороводы! Просто все вместе, просто, хоть, по районам! Возле речушек! И пели бы! Музыка-то какая...

А я представлял и грустил. Было обидно, что все люди чужие, и немного страшно, что понимаю сумасшедшего.

Он продолжал наивно вещать о революции с любовью, о необходимости объятий, о практическом применении счастья. А потом отвлекся и принялся увлеченно раскладывать кильку по кулечкам, пряча по одной в холодильник.

Наверное, он не сразу заметил, как я ушел.

Была уже глубокая ночь, а денег на такси, увы, не осталось. Я шел пешком.

Моими спутниками были лужи, предательски указывающие на недостатки в латках, и дождь, который беспощадно хлыстал меня, как виноватого, по щекам. А в голове были проклятые хороводы, как бы я ни старался о них не думать, и обрывок мелодии, бесконечно повторяющийся в поломанном магнитофоне моих мозгов.

Люди везде живут

С самого детства люди заняты жилищным вопросом. Вот ребенок. Сидит на асфальте, рисует мелом домик. Квадрат, треугольник, труба, дым, окошко. А я совсем не представлял себе свой будущий дом. О домах, и где их берут, я вообще знал мало — ясно только, что нарисовать его мелом на асфальте будет недостаточно. Дома надо покупать, а продают их люди, что не хотят в них больше жить. Или агенты.

Листая газеты и интернет, я вскоре устал от адресов, списков, номеров и спектров услуг. Поэтому вернулся к началу и выбрал первое относительно подходящее объявление:

— Алло!

— Да! — резко ответил мне прокуренный до ключицы женский голос.

— Здравствуйте!

— Да!

— Я наткнулся на объявление о продаже двухкомнатной квартиры на Энгельса, это к вам обращаться?

Отвечала она быстро, с напором, прыгающей интонацией, и резким голосом. Вот всё, что я смог разобрать из её ответа:

— Смотрите, да, есть такой вариант. На Октябрьской Революции, свет-газ-вода возможность есть, свет, есть, всё рядом, сорок, три и один, гипсокартон, ж-б, окна менять надо или не надо, люди везде живут, на Советской Армии, это до метро пять минут, второй этаж, хорошее жилое, не угловая, солнце всего до четырех в окно...

— А на Энгельса?

— Рынок пять минут, всё рядом, пойдите, люди везде живут, второй этаж, коридорная система, добрые соседи. Она ещё что-то кричала мне в трубку, но я пытался её перебить:

— Извините, а посмотреть её можно как-нибудь?

— Смотрите, я завтра с восьми утра на Сортировке, к десяти буду уже свободна. В час вас устроит?

— Устроит. А где мы встретимся?

— Давай так, чтобы экономить бензин, давай так. Мой муж на иномарке. Можно встретиться на остановке, чуть влево от суда. Ну, давай.

Понятия не имею, о какой местности она говорила, но агент уже бросила трубку. После беседы в голове была каша.

Созвонились мы за час до встречи и кое-как разобрались с местом. Раза два она давала трубку своему мужу, который вообще не понимал, что от него хотят.

На место я пришел минута в минуту и ждал ещё сорок. Они подъехали на Фиате 70-х годов.

Агент оказалась лысеющей белесой дамой с крайне наглым лицом.

— Саша? Залазь!

— Здравствуйте.

Я сел в машину. Салон было тяжело прокурено до самого основания. Я немного огляделся. Муж выглядел угрюмо. Лицо его было словно поедено оспой. Агент курила. Ещё в салоне оказалась... умственно отсталая девочка лет от 12 до 45. Она, иногда глотая слоги, утробно говорила: «Нинанинанинанинанина...». Её «а» была похожа на «э».

Мне захотелось крикнуть и убежать. Агент без умолку говорила: «Наша компания существует уже девятнадцать лет, ты пойми, мы никого не хотим кинуть, ты когда у нас покупаешь, то всё под расписку. Мы даже п долларов до вручения ключа удерживаем. А ещё сами лично следим, чтобы продавец съехал, а то бывает. Ну, я вам сейчас всё покажу. Люди везде живут. Начнем с Октябрьской революции...»

А о ней мы, кстати, вообще не договаривались. И теперь я уже и не знал, когда всё это кончится. Она не замолкала всю бесконечную двадцатиминутную поездку к объекту. И что это был за объект! Одноэтажный частный домик с палками, торчавшими из впавшей крыши. Дверь открыла бабища с обвисшим от бухла лицом. Она походила на старую собаку. Или на жопу. От хозяйки несло. Всяким. Перегаром тоже.

Мы зашли, и клопы разбежались. За исключением нескольких, особо наглых. В нос моментально врезалась резкая, нечеловеческая вонь. И неудивительно — на встречу к нам лениво вышла грязнющая псина с прилипшим к боку куском дерьма. Захотелось плевануть. Я сдерживался. Непонятно почему.

Вскоре к нам вышел ещё и пьяный, шатающийся хозяин. Он облегчился в ведро и был чрезвычайно радужен: «Щас, б*?N**, я покажу свои владения». Мы прошли за ним.

— Рая? Нах*я ты опять принесла на кухню свои ссаные тряпки?

У меня закружилась голова. Агент снова закурила и продолжила говорить: «Потолки два шестьдесят, хорошие соседи, можно подвести канализацию».

Мне было непонятно, ОНА ЧТО, СЕРЬЕЗНО? ОНА ПРОДОЛЖАЕТ? ЗАЧЕМ?

— Тридцать четыре квадрата, если руки откуда надо, можно и крышу починить. Люди везде живут. Пол залить цементом. Сколько он стоит? Сто рублей мешок? Ну даже если двести, за шыссот можно два взять. Можно, сами понимаете.

Я вышел из дома, и свежий ветер семи заводов пьянил меня.

— Ну, не отвечай сразу, подумай...

Мы залезли в машину и поехали дальше. В бесконечную болтовню вклинился водитель: «Ну шо нам ЕВРО-2012? Дороги где? Центр покрасили, латки поставили, шо бомжу голову помыли! Тут ногами не пройдешь, не то шо на машине, или не дай Бог...» Что дальше сказать он не придумал, поэтому так и завис.

— Нинанинанинанинанина.

Мы съехали с дороги и углубились куда-то вглубь одноэтажек. Через некоторое время подъехали к старому купеческому дому. Он был двухэтажный и кирпичный.

— Потолки три и два, можно подвести канализацию и воду, разрешение ещё три тысячи, но если без разрешения и заплатить штраф — ещё две, размер комнат тринадцать и пятнадцать, кухня вот.

Она заметила, что я уставился на печь. Огромную, дровяную печь.

— В рабочем состоянии, — заверила она.

«Не сомневаюсь», — мелькнуло в моей голове, и я вылупил на стену. На стене красовались красные маки. Похоже, что рисовали их так давно, что такого изобретения, как «обои», ещё не было.

— А главное, что всё рядом! — продолжала она, но что именно рядом, я понять не мог. — Сами понимаете. Таки так. Люди везде живут.

Детальней я рассматривать не стал. Молча вышел, и мы поехали дальше.

— А сама я? Шо сама я? Вот так в день пятнадцати людям всё покажешь, расскажешь, а они голову морочат. Только смотреть любят, а потом даже трубку не берут. Я ложусь, ну, в 9-10 ещё показываю, а встаю в 5.

— Да! — поддакнула девочка.

— За день так набегаешься! Волка кормят ноги. И разговоры.

Дорога на самом деле была бесконечной, а минуты на циферблате ленились друг друга сменять. Через две полноценные жизни мы подъехали к третьему, и, на моё счастье, последнему объекту. Это была та, на Энгельса, которой я и интересовался.

Мы прошли темную арку, служившую добрым гражданам туалетом, и поднялись по хлипкой деревянной лестнице на второй этаж. Дальше — через несколько хитрых, почти неуловимых поворотов в коридорном лабиринте коммунальной квартиры вышли ещё на одну лестницу, по которой поднялись на третий этаж. Мы шли, а изо всех щелей выползали посмотреть на нас люди.

— Потолки два и один, комнаты девять и семь с половиной, кухни нет, но в комнату можно провести воду из подвала. Газ во всем доме отключили. Люди везде живут.

Она дернула дверь, но она оказалась заперта. Сзади меня раздался голос её мужа:

— Квартиранты, рыночные люди. Наверно, ушли. Видишь, как выгодно? Можно за пятьсот в месяц комнату сдавать!

Я сразу понял, они меня окружают. Я видел их хищные взгляды. В грудь больно давила мысль, что если я побегу, то сам не смогу найти отсюда выход. Но я решился на подвиг и метнулся к проёму. Вослед они кричали:

— А если сдавать обе, то тыщу! Или тыщу восемьсот! Можно рубить реальные бабки! Пойми!

А я бежал. Я не хотел всего этого.

Я хотел домой.

В свой домик.

Квадрат, треугольник, труба, дым и окошко...

Анна МИНАКОВА

Харьков

Хор Евгения Сергеевича

Катьке

Я думаю — если бы не было этого хора, наше учебное заведение, сокрушённое Божьей карой, вскоре превратилось бы в огненный столп. Но хор есть — и оно стоит (по счастливой случайности — рядом с кондитерским магазином «Ведмедик», рядом с вафельными трубочками и мармеладом).

Что, конечно, припевать лучше хором — это все знают. И слух становится тоньше, и петть начинаешь чище, внимательнее, и многоголосие слышишь рельефнее, и ощущение ансамбля реанимируется (так говорят), в общем — всё оживает и приходит в чувство. Да, именно в чувство. Но не чувствительность приобретаемая пленяет нас, не острота слуха, не обновлённая, усугублённая полифоничность мышления нас восхищает и даже не пресловутое ощущение ансамбля вкупе со взявшейся невесть откуда симпатией к коллективному (да-да) творчеству — не это всё тянет нас на наш хор и удерживает руку Господа от метания испепеляющих молний. Главная радость, достояние и спасительная сила хора — его руководитель Евгений Сергеевич.

«Лёха! Представь, что ты поёшь в маленький горшочек!» — так говорит Евгений Сергеевич, учит. И мы смеёмся ему, искреннему и простодушному. Наше пение — неисчерпаемый клондаик для его беззлобных смешных шуток, мгновенно нарождающихся и неизменно веселящих. И мы смеёмся. Нам по душе его доброе лично-индивидуальное отношение к каждому поющему — без перехода на братание и фамильярничанье, да ещё — стерженьк внутри, благодаря которому наш балованный хор не превращается в балаганище, галдящее скопище людское. Как он держит нас, как он нас радует!

Евгений Сергеич не старикан какой-нибудь, как вы могли подумать поначалу, а очень даже молодой человек. Консу (нашу) он закончил в прошлом году. Вот приходили на днях духовёры (в смысле — играющие на духовых инструментах) какие-то здоровенные, однокурсники его, и давай к Сергеичу приставать: «О, Жека, ну шо ты, Жека? Ха-ха-ха», — это один. А второй: «Ты Жеку не трожь, он у нас теперь педагог!» А Евгений Сергеич: «Да, я — педагог», — тихо говорит.

Евгений Сергеевич — маленький. Почти с меня. Или — где-то с меня. (А я — метр пятьдесят восемь.) Его рост является неотъемлемой частью творческого процесса. Сергеич даже на стул иногда влезает, и всегда честно, мужественно, недогнувшим голосом спрашивает: «Всем меня видно?» Маленький, хорошенький — так мы говорим втихаря и улыбаемся, подмигивая друг дружке.

Когда басы не строят фразу, а поют грубо, делят музыку на бессмысленные слоги, Евгений Сергеевич говорит: «Ребята! (да, так и говорит) Это же не музыка! Это колбасный цех!» И передразнивает их, всё так дирижёрски-доходчиво показывает, что мы уж точно знаем, после какого слога очередная колбаса отправится в жизнь.

Басы — они вообще уязвимые ребята. Евгений Сергеич говорит — что это у них из-за толщины связок. Мол, у них связки длиннее, толще, чем у остальных нас, поэтому все процессы медленнее протекают (умственные тоже). Это на дирижёрско-хоровой кафедре известное поверье. А у самых-самых басов такие связки длинные, что утам-от в горле всё пространство занимают, аж дышать трудно — говорит. И ржёт. А уж мы-то как ржём. Мы просто-таки давимся смехом.

Басы у нас не нежные. Евгений Сергеич с ними каждый раз убивается, из себя выходит, краснеет, увещивает, а потом поёт им тоненько, как надо поёт, тендитно поёт, заливается. А я тогда обопрюсь щекой о ладонь — и слуууу-ушаю. А он уже не знает, чем помочь этим басам толстовязочным. И говорит: «Мужики! Ну, представьте, что вы пришли к любимой девушке и целуете её! Как вы её целуете? Не так же!» И показывает, как они её целуют. И как надо целовать — показывает. (Для справки: на воображаемом объекте.) И тут лучше вспевают басы. И обрадован Евгений Сергеевич: «Ну вот! Ну вот! Вот видите — помогает!», — смеётся, а через две минуты снова кричит: «Басы! Что за звук?! Легенды шансона!»

Признаться, не только басы приносят Евгению Сергеичу неприятности. Бывает, он вздохнёт, обопрётся измощно руками о дирижёрский пульт (или о спинку учительского стула), тряхнёт головой буйной и исподволь проникновенно речь заводит: «Девушки, вы все очень красивые и все мне очень нравитесь... (С удовольствием цитирую.) Но представить себе не можете, какие вы красивые, когда хорошо открываете рот. Открывайте шире, ещё шире, а то звук плоский получается!» И девчонок из сопрановой партии передразнивает, писком пищит: «Ле-е-ета, многая ле-е-ета! Что? Ле-е-ета? Что за ле-е-ета? Какая ле-е-та? Какая-какая? Мно-о-гая?»

И мы поём, хорошо рты открываем. Щедрик-щедрик, щедрівочка, прилетіла ла-а-астівочка. И Евгений Сергеевич говорит: «Ууу, какая у вас ластівочка здоровенная, жирная ластівочка».

«На меня! — кричит Евгений Сергеевич, — На меня! Вы что, издеваетесь? Все — на меня смотрите! Я же только что говорил: не дышать! А вы — дышите!» И так расстраивается и бледнеет, что хочется воскликнуть: «Ыыы, родной! Прости нас, родной!»

Иногда мы очень стараемся, зажмуриваемся почти (а всё равно видим, как дирижёр наш изгаляется, — то корчится в муках, то порхает вдохновенно), и теперь уж поём хорошо. Особенно здорово выходит, когда тихо поём, тихонько, чистенько, жалобно, душевно. Не надолго нас хватает, но Евгений Сергеич всё равно радуется, как дитё малое: «Ну вот! Умнички! У меня аж всё перевернулось тут вот, внутри, аж комок к горлу подступил! Правда!» И правда. Веки у него на самом деле краснеют и припухают. Я-то в первых альтах сижку и вижу всё, мне его слёзы прямо в лицо сейчас брызнут. «Умнички! Я... готов каждого подойти и расцеловать сейчас... Кроме вас, мужики!»

Грешным делом я подумываю, подумываю — и крепнет во мне уверенность, что именно в этой — явленной нам — ипостаси руководителя хора Евгений Сергеевич максимально распахнут, расправлен широкой грудью для вдохновения воздуха Божьего; не как друг, не как сын, не как певец, не как муж, и так далее, и тому подобное, а именно как руководитель хора он удивительно целен, прекрасен и незаменим.

На теперешней земле мне спокойно, может быть, только под крылом Евгения Сергеича, под его локтём дирижёрским, на нынешней земле, где я без смысла и света, где я собираю грязь на подошвах ботиночек и коплю на ресницах серую скверную мрячку, и отчаиваюсь, и боюсь. Только у Евгения Сергеевича на хоре — хорошо. Как стоит он за пультом, как смотрит он, как говорит он, как поёт — всё важно, всё умиротворительно, всё благо. Золотой, тёплый Евгений Сергеевич. Откуда вы такой взялся? Откуда такой хороший? И не важно, что басы не запоют чисто и стройно, не важно, что теноров мало, что альтов много, что сопраны пищат. Сколько б мы ни фальшивили, сколько бы ни лажали, сколько бы ни пищали, ревели, галдели и кукарекали, сколько бы ни возили грязюку туда-сюда по четверть — и полутонам, ничто не испортит, никто не посмеет, не поругает, никто не омрачит наш хор, о, Руководителю наш драгоценный, потому что мы вас любим и вы нас любите. Потому что вы заходите в хоровой утренний класс со светом на лице.

Чем, чем ответить на всё его доброе, родное, дышащее потрясающей жизнью? Лучшее, что я могу сделать — написать вот этот вот рассказ. Ну и всё. А Евгений Сергеевич, живой, самый настоящий, приходит к нам два раза в неделю. Два раза — каждую неделю. Живой! И два важных часа поёт с нами, встаёт на цыпочки, подпрыгивает, кричит, разрывается, смеётся, дышит и плачет.

Боже мой, неужели всё это когда-нибудь закончится?

Ествшушки сахарныи, питьица медвяныи или День забот

Передёрнув плечами

Тиша отдала мне все деньги. Это обязывало. Я села на широкий мрачный подоконник в консерваторском коридоре и решила ждать Катьку, чтобы вместе пойти за подарком ко дню рождения нашего учителя, руководителя хора Евгения Сергеевича. Пока я ждала, мне принесли ещё несколько денег. Но Катька не шла и не шла. Зато шёл Евгений Сергеевич. И я, передёрнув плечами и заломив бровь, собралась с мыслями и силами и вручила ему свой рассказ о нашем хоре, попросила не смущаться, если что. Он посмотрел странно, улыбнулся и поблагодарил, и пошёл себе. А явившаяся ему вслед унылая Катька сказала, что не пойдёт со мной за подарком. И я пошла за подарком с другими, добрыми людьми.

Самые хорошие

Легко ли выбирать подарочек, подарок дорогому учителю? Не все ли шарички враз тускнеют и блекнут, когда ты хочешь выбрать самые весёлые, самые лучшие, самые сияющие? И вот мы, растерянные, стоим перед лотком, и обилие новогодней радости пестреет, блестит и переливается. Саша Нагинская решительным жестом вынула из разношерстной кучи наш первый шарик (мы все на него смотрели) — с домиком и снежком, шарик лиловый, шарик-пионер. И пошло-поехало. О, блестящие праздничные золотистые петушки, о, игрушечные длинненькие дедки-морозики, о, розовые большие матовые и голубенькие маленькие глянцевые шары, о, наконец, синенький «мальчуковый» дождик. О, Евгений Сергеевич, который несомненно, несомненно купит ёлку и нарядит её нашими богатыми дарами.

Пока мир утопал в тумане, сырости, маячне декабрьского дождя, мы веселились, мы выбирали лучшее, мы сомневались, мы снова веселились, мы блестели у лотка, мы ждали, пока нам упакут самые добрые, самые хорошие, самые лучистые игрушечки для Евгения Сергеевича.

Правда жизни

Коробок у них не было и ничего у них не было. Наши шарички были протянуты нам в кулёчке-маечке, завёрнутые в самую-что-ни-на-есть рабочее-крестьянскую туалетную беззастенчивую бумагу. Ваня сказал: хорошо, что всё-таки видно, что там шарички.

Ух, навеселились мы, покуда упаковывали всё это блестящее феерическое бьющееся добро. Сперва — вату купили в аптеке (вроде снега). А тётка перед нами клизму брала (не знаю, нужна ли эта критически-реалистическая деталь для создания правдивой атмосферы в рассказе). Потом нам злобно продали коробку. Потом, на каком-то этаже в Детском мире мы приткнулись у подоконника, потеснив тамошний гладиолус, и переупаковывали наше хрупкое, едва не уроненное, сногшибательное богатство.

Я освобождала шарички от гнёта бумаги, а Ваня разворачивал вату, и всё укладывалось в коробок. Мы воображали, как понравится подарок Евгению Сергеевичу и что сделает с нами хоровой коллектив (в смысле — убьёт), когда узнает, а что же дарим нашему учителю. Помнится, народ прочил в подарок разное: какое-то «что-то прикольное», загадочный «светильник», поразительные «витаминчики». Именно тогда мы с Катькой решили молча забрать все деньги и закупить ёлочных игрушек. А то кушал бы Сергеич витаминчики. Эх, Катька... А Белявский противным голосом сказал: «Ой-ёй-ёй, значит, у него ёлочных игрушек нет, да? Угу. Жена есть, а игрушек нет. Э-хе-хе...» И предложил купить у него, Белявского, какой-то обогриватель. Блин.

Я положила в коробку последний шарик и приукрыла их все синим нашим мальчуковым дождиком. «Ну как?» — спросила я у Вани. Ваня ответил: «Классно». Мы обвязали коробку ленточкой.

Просто приятный разговор

В конце никак не мог разродиться новогодний концерт, и разряженные, размалёванные театралы тынялись по коридорам, Дед Мороз пока-пока-покачивал ледяным посохом. Катя сказала ему: «Здравствуй, Дедушка Мороз!» По-доброму сказала, от души. И нам сказала так сказала: Ооо! Это подарок? А ну!...Э-э-э... А чего такой маленький? у-у, блин, вы что, не могли побольше купить?.. о, блин...слушайте, идите сейчас, купите большую — вот такую — коробку и напихайте туда ещё игрушек... давайте, идите-идите... ну, блин... Это же мало совсем. Эй, Фима! Смотри! Смотри, как мало! — Это для Евгения Сергеевича? — Да. — Конечно, мало.

(Поясняю: Фима — широкая душа. В этом соль.)

Я поняла, что мой нос позеленел. Ну на, — говорю, — Катя, деньги, на, на, иди купи, делай шо хочешь. Катя говорит: не, куда я не пойду, хочу концерт послушать, мне на театралов посмотреть страх как охота.

Из грустного

Примчалась Анька Хромова с открыточкой (рулон А2-го формата, где она изобразила Сергеича, страшненького совсем, но с нимбом и крылышками, и наш хор — в виде клубящегося месива, но с ним, на облачках). Внезапно выяснилось, что за продуктами на сладкий стол идти тоже некому. И мы пошли. Анька, Ванька, присоединившийся мальчик Лёха и я.

В современном мире

Магазин назывался «Белая дверь». Кажется, это было народное название. Мы покупали четыре бутылки вина и пятьдесят стаканчиков. И другое.

Лёха рассказал: «Захожу я в 44-й класс, а там Владимир Михайлович — в маске зайчика. Представляете, милый зайчик такой, а вокруг всё торчит». Потом выяснилось, это готовился новогодний номер: трио. Наши педагоги Птушкин, Куперман и Гайда, солидные, серьёзные, грустные дяди, изображали зайчика, котика и тигрика. Да-с.

Но вернёмся в «Белую дверь». Стоим в очереди. Я говорю: «Давайте, друзья, умолим Сергеича не петь ТКЦ». «Чееегооо?» — друзья говорят. «Да вот, — говорю, — он нам в следующем семестре собирается включить в репертуар Виктора Степановича Мужчиля незабываемую вещь». «Ааа, — говорит Лёха, — бред. Слышал я это на авторском концерте... там оно типа фуги сделано. Т..т...тк... ткц... ка лэ мэ нэ, пэ рэ сэ тэ (2 раза), пэ рэ сэ тэ, ка лэ мэ нэ...» Я кричу: да! да! Там ещё про «четыре пьяных ёжика»! Лёха радуется: Точно!

В общем, мы решили голосовать решительно против хорового произведения украинского композитора В.С. Мужчиля под названием «ТКЦ», в котором автор пытался передать разлад, распад и полное растрение духа, а также показать извращение фундаментальных смыслов в современном мире.

Вафли

Мы с Анькой ещё докупали мандарины, бананы, вафельные трубочки, печенье, конфеты. И вафли. Потому что Лёха говорил: «А ещё можно вафли... Ну, правда, вафли, они ведь...», — и смотрел на нас глазами, полными печали.

А потом ещё один раз мы пошли за пластиковой посудой в метро. Мы говорили: эх, давайте нам свои семь тарелок; одна? ну давайте; ооо! дайте, пожалуйста, двадцать две тарелочки.

Сколько рыскали мы в слякотной декабрьской ночи, где праздничная иллюминация бледнела сквозь туман; сколько колотились, сколько тьмы извели мы в тот вечер! И вся эта гадость шла нам впрок.

Happy birthday

Евгений Сергеевич вошёл в класс и наши хлопцы-композиторы спели ему «Happy birthday». Запахло мандаринами, розовыми пряниками и шишками золотыми, пыхнули хлопушки, брызнуло первое шампанское.

Мы с Аней Хромовой и Наташей Леонтьевой, объятые температурой, не захотели сидеть к людям спиной (ибо столы были расставлены так, что получалось — спиной) — и поставили себе персональный стол для царствующих персон, перпендикулярно всему и вся, лицом ко всем. И сидели втроем, обособленно, видя всех, торжествуя, пируя, процветая.

А Евгений Сергеевич, трогательный, заботливый, бегал, стаканчики расставлял, следил, чтобы было хорошо. Ему казалось, что на нашем царском столе чего-то не хватает. А у нас-то всего было предостаточно. Внимательный, вежливый, он сказал, что не успел ещё прочесть мой рассказ, но прочтёт обязательно. Я тупо лягнула: вы только уединитесь. Он серьёзно ответил: хорошо.

Потом мы пели, а он дирижировал, запивая дирижирование шипучей водой.

Сохрани их, Господи, даруй им, Господи, многая лета, многая лета, мно-огая ле-е-ета, мно-га-я ле-е-та-а-а!

И идёт уж-то Евгений к нам Сергеевич,

и подходит к нам Евгений наш Сергеевич,

и подносит нам Евгений-свет-Сергеевич

как в одной руке-то шампанскую зелёную бутылку,

а во правой-то, во рученьке несёт он

свой рифлёный одноразовый стакан.

Уж как стал Евгений Сергеевич нам с Анькой шампанско наливати,

дак из своего-де, из стаканчика,

из своего, из учительского, из обслуживленного.

Тут-то мы и охнули,

тут-то и вросли в стульчики древляные,

тут-то и сощурились от радости невиданной.

А Леонтьевой он из бутылки налил. Ещё и перелил сильно. Ужаснулся, ойкнул, мгновенно взял себя в руки и умиротворённо произнёс: «Ну ничего, на счастье». Мы с Хромовой засмеялись хитро и довольно, одарённые божественной амброзией, питьём медвяным, нектаром из царского шипящего стакана. Пейте кровь мою. Вот ведь учитель-то наш штуку какую выкинул. И пусть бы это его мистическое действие обрело жизнь со всеми своими символическими смыслами, чтобы мы вправду могли принять свет от его света, тепло от его тепла, мудрость от его мудрости.

Раздумья

Я видела много чудес на свете. Видела тётку, которая ела грейпфрут как яблоко — с кожурой, со всем. Видела в клавише оперы «Отелло» послание восхищённых потомков композитору Верди: «Дорогой чувак Джузеппе! Опера нехилая!» Видела училку, которая Владика называла Вовой, Сашу — Володей, а Диму почему-то — Димой. Видела, как прозаик Цаплин ест виноград.

Я столько всего видела!

Но вот я вижу учителя, который мне — шампанское из своего бокала, который благодарит свой мобильный за каждую пришедшую эсмэску, который ненавязчиво выносит мусор и кротко говорит: «Побуду сегодня официантом», который, разливая остатки сладкой воды, дожидается, пока всё выльется до капли и ждёт каплю последнюю, и говорит «загадывай желание», потому что поверье такое, что нужно загадывать, а капли всё капают и капают, капают и капают, а он стоит и ждёт, а я не загадываю ничего, так просто сижу и радуюсь. И это посильнее, чем тётка с грейпфрутом.

Эпилог

И благодарили мы Евгения Сергеевича, и желали всего наилучшего и долгих лет жизни ему, двадцатитрёх-летнему, и расходились по предновогодним домам. И ехали в низкорослых маршрутках и дребезжащих трамваях, в старорежимных автобусах и подземном метро.

А Евгений Сергеевич вёз домой разноцветный коробок с игрушками, и они из темноты, из бедного невежества былого сквозь картонные стенки освещали ему путь.

Сергей ОГИЕНКО

Люботин

Казнь стоматолога

— Следующий!

Каждый раз, когда я выстреливаю этим словом по направлению к робкой входной двери, я сам как бы становлюсь мишенью для него, прячущийся за ненадёжным укрытием этой двери; я мучительно раздваиваюсь и начинаю волноваться, чего мне показывать никак нельзя: я врач-стоматолог, единственный на весь посёлок. Ко мне идут люди, доведённые до последней черты отчаяния; точно так же ходят, наверное, только в милицию с нарывом чистосердечного признания внутри.

Дверь открывается, и возникает он, мой пациент с острой зубной болью: всегда тоненький и бледненький, ходит тенью, боясь расшлескать остатки своего облика. Глаза у него всегда такие, как у лермонтовского Мцыри на рисунке: взгляд выразительный, с жалобными интонациями. Таким он всегда напоминает собой случайно забредшего призрака: стараясь быть безучастным ко всему окружающему, не глядя на хищные взлески инструментов, как-то по чуть-чуть, не совсем садясь в кресло, он, конечно же, бережёт себя от стресса. И я, представляя себя смелым доктором, берусь за мучительный рок лечения.

Глаза у пациента, удобренные страхом, вырастают пошире рта, того и гляди перепутаешь! Страх этот пристаёт и ко мне: у меня так руки дрожат — мне бормашину включать не надо!

Я не палач: во мне всегда сокрыт плач. Я сочувствую пациенту и боюсь сразу двумя страхами: его и своим за него. И я себя часто пугаю тем, как легко всё-таки, даже не меня себя, из порядочного человека переключиться

в подлеца: немного сменив освещение, а также ракурс, расцветку и фон — вот она, новая функция старых устоев! И я включаю лампу.

В НКВД толк был давно известен: мощный свет не только бьёт в лицо — просто сметает! Раз — и перед вами сидит абстрактная форма без черт, как незаполненный анкетный бланк: хочешь — делай нового человека, а хочешь — и не найди в ЭТОМ человека вовсе! Я с трудом сгряхиваю с себя репейник таких мыслей и пытаюсь лечить больного.

Лечить зуб, конечно же, труднее, а наш пациент занашивает его до такой степени, что он лечению уже не поддается. Я, правда, всегда пытаюсь это делать и, когда не получается, я поступаю так, как на моём месте поступил бы любой другой стоматолог.

Стоматолог не желающий вылечиваться зуб мстительно удаляет: это казнь, но именно только зуба. А поскольку замешанный в этих событиях пациент имеет с казнимым определённую связь, ему предлагается тихонько посидеть и потерпеть, как свидетелю и молчаливому соучастнику казни. «Когда от вашего зуба больно было только вам, я его лечил, но он мне не поддался — теперь больно мне, и у меня с ним особые счёты, молчите: он мой!» — как бы говорит всем своим видом врач и тянет к криком раскрытому рту клещи. Я отчаянно удаляю зуб, и на его место устремляется кровь; я всегда удивляюсь этому факту, как будто я не врач и ничего не знаю про кровь в человеке. При виде крови я перестаю быть врачом — тем, в халате, умело действующим циником с голоском добродушного мерзавца. Я смущаюсь до безмозглых костей, и только вот это смущение и не дает мне бежать отсюда прочь и навсегда.

В крови, как и в огне, — языческие, древние инстинкты, они не просто возникают как бы из ничего, а прямо взрываются, и, едва взорвавшись, сразу стремятся захватить этот мир целиком.

Покончив с этой сменой мучительных состояний, я отпускаю опустошённого пациента отходить от вырванного из него зуба, а сам сажусь за столик и делюсь с ним нервной дрожью своих ни в чём не повинных рук. Я смотрю на них и уговариваю всё забыть, а за фанерной дверью уже ждёт и волнуется кто-то новый — значит, всё повторится опять!

Я приставляю палец к пульсирующему виску и сдёргиваю со спускового крючка страхов свой собственный голос:

— Следующий!

Мне надоело!

(притча с тугим шифром)

«Что-то мне ваши лица знакомы», —
сказал участковый, вглядываясь в темноту.

Надоело! И если пристально вдуматься, то надоело всё оптом!

Честно: из самых грёзных побуждений. Надоело!

Я подхожу к окну, которое тоже надоело, и приваливаюсь надоевшим лицом к надоевшему окну, мелко источенному сотнями тысяч отгулявших в нём отражений.

Что я вижу: я вижу воздух, в гордой недоступности висающий над асфальтом, а где-то дальше за ним — бельмо солнца, надоедливое зияние в однообразии неба. Взгляд мой упирается в рослую кирпичную стену, персонаж бреда, и обессиленно срывается вниз. Надоело.

Надоевший двор — неровная площадка на истосковавшейся земле. Днями-ночами по нему тузится надоевший и недоевший пес Кладун, он не умеет полноценно быть.

Хоть надоело, но этот двор, пространства вор, топчут опылённые ноги кого бы вы только не хотели. Здесь бывают золушки в пышно распротёртых юбках, звездочёты в устремлённых колпаках; вдруг набегают священник убитого культа и молча водит пальцем вокруг. Как надоело!

Какие-то кошки уютятся в домах, чёрных от изобилия. Хочется протянуть руки в поисках смысла, но они заведены за спину и надёжно оставлены там. Хочется кричать, глаза из орбит, но кому это не надоело?

Я отпускаю глаза от двора, я закрываю их и увожу в себя. Внутреннее тоже надоело: сердце прыгает на одном месте, кровяные тельца разбегается кто куда, мысли спутаны колючей проволокой стыда. Надоело!

Я не готов к бою, надоевшие пальцы спрятаны в ладони — разве это кулаки? Стиснуть бы зубы, но это испытанное действие так надоело лицу, что оно просится стать гипсовой маской.

Надоело.

Тело, сжавшееся в скелет, бросившееся под поезд забора: кто остановит молнию боли, если вокруг надоевшие только?!

...Я раскрываю глаза, и они выпархивают из тьмы личности в мир: старуха в спиральных обмоток варит в трёхногом чане своё грустное хлебово; от него отрывается красивый запах и молитвой возносится к Небу...

Мне — надоело!

Юрій ПЛЮЩЕНКО

пгт. Жовтневе, Сумська область

Олексій чоловік

Сімдесяти роки ХХ ст.

Коли пронизливе сонце так золотоносно полум'яніє в скляному кухлі з бочковим пивом, більша частина якого уже нуртує у твоїй крові, нехай тобі здається, що немає гріха, крім незлобливої лайки між друзями-нерозливовода, а в світі панує праведність та любов. А хто те дівчисько, що не зводить з тебе очей, не визнане твоєю цнотливою хмільною душею? Хоч би і Янгол-охоронець — байдуже. У цю хвилину важливіше — морська рибина посеред круглого столика. Вона увібрала в свою суху плоть романтичну духмяність океану; шматочка її досить, щоб полинути за зграєю риб по теплих і холодних течіях.

То ж залишайся, хлопче, таким, якщо зможеш.

На цьому можна було б поставити крапку. Не починаючи оповіді, не ятрячи серце своє печалами світу. Але ми допитливі від Єви і відкриваємо собі все нові сторони істини. Відтак, випереджаючи закохане дівча, посунемося услід за тими хлопцями, що вихопилися з пивниці, прихопивши пару пляшок вина. Інакше, постав крапку — і не станеться нічого неймовірного, і не відкриється інший бік істини, і не омийється по тому душа твоя росою небесних твоїх сліз, Олексію, хлопче.

Коли четверо юнаків занурилися в лісопосадку, вона пішла за ними, а він відганяв її принизливими словами, щоб відчепилася. І коли пили вино просто з «горла», вона стояла неподалік, за густим кущем жовтої акації, і спостерігала лише за ним. Як він хвацько пив, закидаючи пляшку догори дном, як інколи матюкався, спльовуючи липку слину з рожевих губ, як потім відразу запалював цигарку, глибоко затагуючись димом. Було в його діях скільки бридкого, відразливого, що вона не могла стримувати сліз, але при цьому примушувала себе стояти непорушно, щоб не привертати до себе зайвої уваги.

— Поглянь, як пильнує: з місця не зрушить, — зауважив Вітько, допивши з пляшки вино.

— Хлопці, погляньте, яка струнка сосна! — вигукнув Олексій, мов і не чув зауваження горілчаного брата.

Він стояв, притулившись до хвойного дерева, і вдивлявся у височінь. Напруживши зелені віти, неначе вітрило, дерево здалося хлопцю щоглою. Хмари, що пролітали вгорі, робили враження в його уяві, що він з друзями — на чудернацькому морському судні і мчить, долаючи простір остогидлого свого життя, до тих земель, ім'я яких він не міг навіть промовити, але які неодмінно є, про це він знав глибокою, хоч і не торканою ще правдою своєї душі.

— Давай її покличемо, — запропонував Сашко, інший товариш, — жаль дивитися.

— Кого покличемо? — щиро здивувався Олексій, перебуваючи в полоні своєї фантазії. Потім, здогадавшись, додав: Нехай не вештається. Хоча...

Оце «хоча» здивувало друзів. В ньому крилося щось таке, що здавалося початком якогось надлюму, перевороту в душі їхнього заводіяки. Через це один з випивак енергійним жестом запросив дівчину до гурту.

Постать за кущем гойднулася, проте залишилася стояти на місці.

— Іди вже до нас! — статечним тоном обізвався сам Олексій.

Дівчина боязко вийшла з-за куща акації і повільно, ніби ще не довіряючи запрошенню, попрямувала стежкою до хлопців. Зупинившись за кілька кроків, дівчина опустила голову, мов школярка, що не виконала завдання, і навіть підняла руки до грудей, підкреслюючи смирення.

— На, ковтни, — простяг недопиту пляшку Олексій. — Та підходь ближче, не ламайся.

Дівчина полегшено зітхнула і посміхнулася, мало не засміялася.

— Спасибі, я не п'ю, — промовила, продовжуючи посміхатися.

— Хоча б один ковток. Давай, давай...

Дівчина взяла до рук пляшку, зашарілася, але притулила горлечко до губ. Вона кілька разів пробувала ковтнути вино, розтуляючи губи, але вони щоразу швидко, мов самі собою, затулялися. Нарешті, після значних зусиль, трохи вина потрапило до рота, але дівчина миттю виприснула його і закашлялася.

— Ось тобі маєш подругу! — засміявся Сашко, кинувши погляд на Олексія.

— Ти чого? — співчутливим тоном мовив той до дівчини. — Не ганьби мене. Покріпись і випий.

З великою відразою дівчина проковтнула трохи вина і тут же мало не виблювала. Відразу ж пролунав хлоп'ячий регіт та жаргівливий гомін.

— Справді не питуєш, — підсумував Олексій. — Але вважай, що бойове хрещення пройшла. Молодчина! Хочеш, візьму в свою команду?

Дівчина енергійно закивала головою на знак згоди, показуючи в широкій усмішці рівні білі зуби.

— Гарзд. Тільки що з тобою робити? Пити не вмєш і лаятися по-парубоцьки — теж. Еге ж?

— Я навчуся, — раптом мовила дівчина. — Ви ж навчилися.

Випиваки аж завмерли від несподіванки.

— Ні, цьому не навчишся: це покликання, — пожартував, оговтавшись, Олексій. — Але ж тобі скоро до міста повертатися, коли б ти навчилася?

— Це можна вирішити, — спокійно запевнила дівчина.

— Ну, тоді починай, — запропонував хлопець, — пий ще.

Дівчина довго примірялася до пляшки і нарешті випила кілька ковтків. Але тут їй стало зле. Вона відвернулася від гурту і почала судомно блювати.

— О, бачиш, яка нелегка наука! — засміявся Вітько.

— А якби тобі ще цигарку в зуби! — додав Сашко.

— Досить вам, припиніть! — обізвав кпини Олексій. — Гаразд, Любо, не ображайся, сама ж викликала. Іди вже додому.

Дівчина поставила пляшку на землю і повернулася йти. Через кілька кроків обернулася.

— А можна я прийду на танці?

— Танці на природі. Квитків не треба. Приходь собі, як хочеш.

Після цієї пригоди пафос гулянки знизився. Точніше, він просто упав, як показник барометра на негоду. Вихідний був майже зіпсований. Хлопці розійшлися по домівках до вечора, до танців.

— Щось ти сьогодні кислий, — завважив Сашко, з яким Олексію було по дорозі.

— Як це?

— Не такий, як завжди, не веселий. Ні риба, ні м'ясо. Щось у тобі наче згасло. Це через Любу?

— Риба — кажеш? — задумливо, мов до себе, мовив Олексій. — Так, це через рибу.

— Що ти верзеш?

— Ти ж питаєш, через що в мені щось згасло? До речі, не згасло, а, швидше, спалахнуло. І причина цьому — риба.

— Ти, мабуть, перепив, Льошко. До чого тут риба?

— Ми ж пиво з рибою пили? Риба нагадала мені море. А море...

— Зрозуміло.

— А сосна! Ти ж знаєш, яка сосна, під якою ми пили? — продовжив Олексій. — З одного боку, де густо високих дерев, — у неї гілок майже немає. Зате з іншого, проти сонця, хвоя — мов наповнене вітрило. Коли стоїш під сосною, здається — ніби під казковою щоглою, і линеш десь... Як мені хочеться, Сашо, податися кудись звідси, з оцього божевільного клятого життя!

— Так, мрії... — співчутливо підтакнув товариш. — Мрії, вони ніби підносять, душу облагороджують. Аж так?

— Та, мабуть, ні, — подумавши, відповів Олексій. — Мрії, вони самі по собі не облагороджують. Вони, швидше, лоскочуть, шукають щось в тобі, те що в тобі найважливіше, до чого ти покликаний. Тому мрія — це тільки ліхтарик. А що він висвітлить, того простим поглядом в себе не роздивишся.

— Ну ти й загнув! — насмішкувато мовив Сашко. — А я думаю, що ти на Любу нарешті запав. Скільки це вже?.. Уже два місяці за тобою ходить, мов собача. Люди сміються, а їй байдуже. Ти знаєш, я ще такого не бачив, щоб дівчина так втюхалася. І то — в алкана.

— Від кого чую? — криво посміхнувся Олексій. — А Любу облиш, вона тут ні до чого.

— Облиш? Дурень ти! — обурився співрозмовник. — Яка дівка! Якби вона в мене так... як в тебе. А потім... Ти ніби не знаєш, яке в місті цабе її батько! Та й житлоплоща... Одружилися б — жив би, як вареник у маслі.

— Отож бо: «цабе», «житлоплоща»... — і собі обурився Олексій. — Я тобі, як другові повірю: пече мені в душі оце життя! Не так у ньому щось, чогось найважливішого не вистачає... Найважливішого — розумієш?!

— Розумію, — зітхнув Сашко, — допився. Щастя до рук, мов лінивому груша до рота падає, а він...

— Та йди ти геть! — обізвився Олексій і повернув стежкою до свого дому.

— До вечора. На танцях... Не забудь! — гукнув услід йому товариш. А потім сам до себе: «Ох і дурень!»

Власне, до вечора залишалося недовго. Серпневі вечори вже не такі пізні, як раннього літа, коли трьох горілчаних братів поєднала відома пристрасть, а Люба, яка відбувши педінститутівську піонерську практику в селі, що було батьківщиною батька, та залишившись в бабусі на канікули, «втюхалася» в заводяку гурту вишивак.

Танцмайданчик молодь влаштувала на галявині, біля електричного стовпа, аби був струм для роботи магнітофона. Зазвичай з колонок мага на догоду хлопців гримів модний на ту пору важкий рок, який зрідка «розбавляли» «для дівчат» зарубіжним диско або піснями Тухманова чи Добриніна. Під жаданий рок чоловіча половина молоді зчиняла божевільні «гепалки», здійснюючи пілюку аж до ліхтаря, що висів на стовпі. Дівчата при цьому не наважувалися вступати в цю область хлоп'ячого буйства, тиснучись при куцах. Навпаки ж, юнаки при звуках радянської попси або диско, зневажливо поплывуючи, курили чи цокотіли склянками з «барматухою», в той час, як дівчата, пригорнувши одна одну, сумно топгалися на майданчику і тонкий пил, здійснений попередніми танцівниками, повільно опускався на їхні пониклі плечі.

Люба стояла під одним з куців осторонь місцевих дівчат, з трепетом чекаючи на свого коханого. Місцеві красуні, як водиться, косили на неї насмішкуватими очима, перешіптуючись та хихикаючи. Вже посутеніло, але зійшов повний місяць, обливаючи довкілля своїм холодним світлом. Сором штовхав дівчину геть з цього молодіжного пекла, але надія хоча б на коротке щастя міцно прип'яла її до цього незатишного місця.

Раптом тінь лягла на дівчину в ту хвилину, коли вона, опустивши очі, неухважно розглядала свої модні черевички. Він підійшов близько, не привітавшись, взяв її за руку і повів до танцю.

Саме в цей час лунала якась тягуча солодкава пісенька, під яку й полинули ці двоє у піднебесну подорож, не помічаючи, чи їх супроводжує хто-небудь, чи вони опинилися самі на всій планеті, точніше, десь у передмісті небес. Його руки відчували, як дрібно тремтіла її вузька спина і піт, що збігав з плечей, проникав крізь сукню, холодив його долоні, коли ті ковзали по вологому ситцю.

Вони й справді лишалися самотніми в цьому танці. Коли хтось із хлопців спробував перемотати магнітофонну плівку далі з цієї нікчемної для такого крутого вечора пісеньки, Сашко відвів його руку і багатозначно вказав великим пальцем на пару. Дівчата ж хоч і морщилися від ревнощів, але навіть не наважувалися розмовляти вголос, зважаючи на авторитет Олексія, а, може, дивуючись на ту несподівану, незвідану ними таємницю, яка невідь звідки заволоділа душею юнака.

Раптом у чуливому носіку Люби залоскотало, вона з усієї сили спробувала утриматися, але не змогла, чхнула, соромітьке, як їй здалося, просто трагічно. Але він знайшовся у цій ситуації, врятував її: «Ото нагупали хлопці пілу!». А потім запропонував: «Ходімо звідси», і вони пішли.

Сумний, прохолодний вечорами, пізній серпень творив для самотньої пари атмосферу смутку, і готовий був під кожним деревом приготувати для неї щемку печаль народження того нового, чого юні блукачі ще не могли знати.

— Він нас розлучить? — вкрадливим тоном, вибравши зручну, як їй здалося, мить, запитала Люба.

— Я ще не знаю напевно, що нас об'єднає, — відповів, подумавши, Олексій. — А про якого розлучника ти мовиши?

— Про алкоголь. Але тепер це питання не має значення, адже розлучити можна лише тих, хто поєднаний. Хоча в будь-якому випадку мені жаль, що ти випиваєш.

— Вибач, Любо, я не точно висловився. Я не хотів сказати, що мене з тобою нічого не єднає. Щось таки єднає, але я ще не знаю, що, як це щось назвати. Коли я придивився до тебе сьогодні, — щось на мене накотило, — сам не знаю, що відчув. Не подумай, що я освідчуюся в коханні. Просто ти мені здалася незвичайною, і зараз здаєшся такою. В мене вперше таке відчуття, чи ставлення, — не знаю, як це назвати. Твої очі... і лице... — вони мене покликали. Так, як покликали сьогодні ж сосна і небо. Ти не дуже зважай на мої слова: я плещу якусь нісенітницю. Сам не знаю, що зі мною сьогодні відбулося.

— Я не думаю, що це нісенітниця. У твоїх словах криється якийсь таємничий зміст, це відчувається. Я по-перше, дуже рада, що ти зовсім не такий, яким хотів здаватися ось уже місяців зо два. Тобто, вульгарним і навіть бридким.

— Справді? Та я, може, таким і був.

— Ні, я впевнена, що ти був таким, яким ти є в сьогоднішній вечір.

— Нехай собі, тепер це не має значення... А що ж «по-друге»?

— Мені хочеться тобі допомогти.

Промовивши ці слова, дівчина на хвилину здумалася.

— Сьогодні я хотіла запропонувати тобі, щоб ми разом кинули випивати. Тобто, щоб я спершу сама втяглася в цю звичку, а потім ми разом... Розумієш? Щоб ми разом звільнилися і постали однаковими перед долею. І перемогли.

— Ось як? Спасибі за готовність до жертви, але невже ти думаєш, що я б її прийняв?

— Я цим вечором дещо зрозуміла, тому в мене інша пропозиція: покинь цю пристрась сам.

— Любо, та це не має значення.

— Справді? А що ж має?

Олексій хвилини зо дві мовчав, а потім мовив:

— Не знаю. Оце і є моя біда, біда в тому, що я не знаю, що для мене має значення.

— Ось як? А хіба не має значення саме життя, здорове, нормальне життя?

— А що таке «нормальне життя»? Повір, я намагався знайти сенс цьому поняттю, але... Слухай, Любо, ми всеодно цього не знаємо. Ми не знаємо, що таке життя, тому ця тема просто порожня, як... скажімо, горіх, у якого виїдене нутро. Ось тому я й такий. А щодо випивки... Мені набридло пиячити, як набридли і ці «гепалки», і все це марнослів'я...

— Ти нагадуєш «героя нашого часу» із літературознавства.

— Хоч би й так, я згоден. Але що з того?

— Вибач, я майже жартома. Головне, Альошо, що ти... Адже ти не будеш більше пити?

— Якби проблема була тільки в цьому.

— А вона вирішиться.

— Як?

— Та якось. Я вірю, що вирішиться.

— Удаваний оптимізм, не більше, — сумно усміхнувся юнак.

— Що ж, віра, вона і є оптимізм.

— Гарзд, тоді і я оптиміст, — раптом відмахнувся від прикрих думок Олексій. — Дійсно, краще вірити, хоча б через те, що покладатися на віру — нічого не варто.

Кілька тижнів по тому.

Олексій та Люба зареєстрували шлюб у міському Загсі, весільний бенкет мав відбутися у престижному ресторані. «Сільське» весілля батьки Люби не захотіли навіть обговорювати. «Що то за бенкет у селянському дворі: від мух відмахуйся та слухай, як корови ревуть?» І хоча мух на цю пору вже майже не було, не було й корови в господарстві Олексійкових батьків та їхніх сусідів, наполягати ніхто й не наважився. Не тому, що третій секретар райкому вище за голоvbуха колгоспу (батьки молодих) і не тому, що бенкет у ресторані більш бучний, ніж той, який міг би влаштувати батько нареченого, а просто, заради миру та злагоди.

Огож, урочиста церемонія. «Альошо, давай поправлю твою краватку», — Сашко, старший нареченого. «Любо, це що — сльози на очах? Не надумай, а то повіки потечуть. Нам уже до зали заходить», — старша нареченої. Метушня батьків, які щось забули в авто, безладний шум голосів гостей, марш Мендельсона... і так далі, — зовсім не цікаві подробиці. Як хочеться їх пропустити (і ми це зробимо), щоб потрапити на кінець всього цього дійства, коли відбудеться нікчемна загалом, але така важлива у цій історії подія.

Після урочистої церемонії комусь надумалося випити по келиху шампанського просто у фойє загсу. Виконати бажання нічого не завадило: пляшка і келихи були напихваті. Випили потроху всі з гостей. Не пила тільки наречена. Вона кинула гострий погляд на свого чоловіка. Той ще вагався, пити йому чи ні, але коли піна напою осілася в його келиху, він все ж випив.

Навіть не стурбованість, а справжній переляк промайнув у очах Люби. Помітив це лише Олексій. Гірка прикристь за те, що він причинив дружині неприємність, а швидше — біль у перші ж хвилини їх спільного життя, миттю потьмарила його душу. Йому захотілося зі злості на себе луснути порожнім келихом об кам'яну підлогу, і він ледве стримався. В ту ж мить зрозумів, що має попросити вибачення хоча б поглядом, але очі дружини опустилися долу. Потім її збайдужілий погляд полинув по стінах і стелі приміщення, а далі — усі зібралися на вихід. І потім він уже не пам'ятав, чи ще хоч раз поглянув у її очі, чи ні.

Як би склалося далі, коли б не одна дрібниця? На східцях хтось із гостей поточився і впав, вдарившись щогою об парапет. Забиття було явно дріб'язковим, але на щоці невдахи з'явилася трохи крові і зчинився перебільшений, як це буває в таких ситуаціях, переполох.

Користуючись цією заминкою, Олексій вирішив сходити до туалету. За ним потягся і Сашко.

— У мене є пляшка пива, — похвалився товариш. — Давай-но через чорний хід — та горлянки промиємо, доки там суспільство вовтузиться.

— Я ж їй пообіцяв, — невпевнено запротестував Олексій.

— Все-одно стратив, адже шампанського хильнув. Та що трапиться від склянки пива?

— Умовив, — похмурим тоном бовкнув молодий.

Друзі вийшли на вулицю чорним ходом. Тут знаходився крихітний скверик. Над хирлявою травою та дрібними бур'янцями нависали скрючені гілки худорлявих міських дерев, що ронили під себе припале пилом недорідне буре листя.

— Ти щось про склянку згадував, — нагадав Олексій, коли товариш відкоркував пляшку.

— Та пий з «горла», пригадуй молодість.

Друзі швидко розпили пляшку.

— Щось воно гіркувате, — зауважив Олексій.

— Так це ж пляшкове, воно гіркіше, ніж розливне.

— Гіркіше, кажеш? Закупорене, тому, мабуть, згіркло. Розливне — воно вільніше, у нього і дух легкий, мов у струмковій воді.

— Ти і в таку хвилину філософствуєш, — чомусь зігхнув Сашко. — Ходімо, Альошо, а то уже нас, мабуть, кинулись, тобто, тебе.

Однак молодий чомусь зволікав. Він не поспіхом озирнув річку, що протікала неподалік, дорогу, міст через неї, і раптом промовив:

— А що, коли не повертатися?

Сашко знервовано знизав плечима і ляснув Олексія по плечу.

— Кінчай дуріти, це вже не смішно. Ходімо вже.

— Вибач, друже, я все-таки не повернуся. І вона мене зрозуміє, і не осудить.

— І це остаточно, оскарженню не підлягає? — обізлився товариш, іще сподіваючись, що це якийсь жарт з боку Олексія.

Але той розвіяв усякі сподівання:

— Я не жартую.

Сашко важко присів біля Олексія на східці.

— Я знаю, що значать твої заскоки, тому не буду ні вмовляти, ні розпитувати, — мовив на це. — Але хоча б у двох словах: чому?

— Я сам не зумію до пуття. Та й часу немає теревенити, бо треба швиденько тікати. А ти йди, скажи їм будь-що, тепер — однаково, що. І ще... вибач, вибач мені друже. Я дуже винен перед тобою і всіма, перед усім світом.

Молодий зняв з пальця золоту каблучку і простяг товаришу.

— Візьми, віддай Любі, будь ласка. Тільки, щоб ніхто не бачив.

— Жаль, — тільки й мовив Сашко і, підвівшись, пішов до середини будівлі.

Олексій тим часом швидко звівся на ноги і поспішив геть.

Спершу він безцільно йшов якоюсь вулицею, а далі потрапив до широкого двору, оточеного багатоповерхівками. Тут розміщувався дитячий майданчик, а ще стояли вкопані в землю столи та лави довкола них. Біля одного з цих столів Олексій зупинився, з хвилину постояв у нерішучості і нарешті сів на лаву. Він відчув у всьому тілі неймовірну втому, в голові шуміло, а на додаток — смоктало в шлунку, бо не їв з самого ранку. Попри все це, Олексій не думав про голод і не прагнув собі ні покою, ні втіхи.

Він не знав, скільки часу ось так просидів, бо свідомість його потонула в смутку і все, що відбувалося довкола, ніяк не обходило його. В якусь хвилину байдужий погляд його ковзнув по лацкану святкового піджака і зупинився на білій весільній квітці. Хлопець зняв з лацкана цю мертву прикрасу і кинув її собі під ноги. Після цього поклав руки на стіл, схилив на них голову і несподівано заснув.

Кілька чоловіків, що грали в доміно за сусіднім столиком, раз-по-раз кидали погляди на дивного хлопця у святковому вбранні і висловлювали всілякі припущення. Нарешті один з них підійшов до хлопця і обережно поторсав його.

— Ти часом не поспішаєш куди-небудь? Ач, як вирядився — це ж не спроста!

Олексій нехотя підвів голову.

— Ти звідки і куди, такий франтів? — допитувався чоловік. Та раптом, побачивши білу квітку під ногами хлопця, додав з лукавою посмішкою: Часом, не з весілля втік?

— А ви як здогадалися? — здивувався Олексій.

— Вгадав! — зареготав чоловік, обернувшись до друзів по грі. — Нічого, трапляється!

Зі сну Олексій спершу не міг зрозуміти, в чому справа, але за хвилину оговтався.

— Ти начебто й не п'яний, — зауважив допитувач. — Але враження таке, що з похмілля.

— Ви, часом, не екстрасенс? — похмуро пожартував хлопець.

— Отже, знову в точку? А похмелитися не відмовився б?

— Та відчепись ти від молодого! — гукнув з-за сусіднього столика один з гравців. — Може, чоловіку й без тебе прикро.

— Та ні, все гаразд, — заперечив Олексій. — А випити б не завадило. Не підкажете, де тут магазин?

— Коли ти не проти, то я збігаю, — запропонував новий знайомий. — Жени трохи грошенят, та ще ми з друзями скинемося, от і відсвяткуємо. Що в тебе: весілля чи розлука — все-одно, подія.

Олексій мовчки витяг з кишені п'ятірку і тицьнув у простягнену долоню.

— О! — задоволено вигукнув чоловік. — Горілочка можна взяти і пивця... Хлопці, женіть іще по «рваному» та влаштуємо банкет.

Доки збирали кошти та купували спиртне, Олексій продовжував сидіти на своєму місці з очманілою головою та з порожньою душею, в якій аж десь на денці тамувалися гіркота і біль. Сонце вже сховалося за один із будинків, і хлопцю запала в голову думка, що він уже не побачить світила. «Принаймні, я не побачу його таким, яким воно щойно зайшло», — уточнив він подумки своє передчуття.

Промивши спрагли горлянки пивом, новоспечена компанія приступила до міцного. Пляшка швидко спорожніла і довелося збирати ще на одну.

Ні гіркоти, ні болю не лишилося після першої ж чарчини, а далі — то й зовсім зробилося легко й весело. Чоловіки, з якими пив, швидко зробилися дорогими друзями, яким не соромно було повірити найбільш сокровенне. Адже всі вони, судячи з теплої приятельської бесіди, виявилися мудrimi і досвідченими людьми. Дивним здавалося лише, чому ніхто з них не міг збагнути причину його втечі просто з весілля. Адже самому втікачеві його вчинок тепер здавався розумним і психологічно виваженим, а в перспективі все мало налагодитися якнайкраще.

Олексій підняв голову і в очах його постала п'ятьма. Він навіть злякався в першу мить, бо майнула думка, що осліп. Але відразу ж виявилось, що п'ятьма, на щастя, пронизана світлом ліхтарів та вікон. Хлопець покліпав важкими повіками і роззирнувся. «Мудрих і досвідчених» друзів уже не було. Натомість поблизу сиділи підозрілі молодики і на кримінальному жаргоні обговорювали якогось «п'їжона». Олексій не відразу зрозумів, що мова саме про нього. Та коли він це збагнув, постало питання, як звідси вислизнути. Спробував, потихеньку піднявшись, потупцяти куди-небудь, у п'ятьму, подалі звідси. Але його окликнули, не давши ступити і кількох кроків. Тоді він чкурнув шосили, але відразу виявилось, що «сила» в нього зовсім ніяка. Тротуарна стежка, на яку потрапив переляканий чоловік, сама по собі підстрибувала, петляла, а через кілька кроків раптом піднялася мало не сторчма і втікач гепнувся на неї. На щастя, швидкість руху була незначною і тому удар виявився несильним.

Олексій спробував піднятися, але здійснити це не було змоги, бо стежка і далі вела себе дивно: щойно він здіймався на руки, як вона, ніби круп велетенського динозавра, несподівано вихилялася або знову раптово здіймалася вгору. Хтозна поки вона випробовувала б його терпіння, коли б не підоспіли хлопці. Вони заходилися стусувати лежачого, але чинили це недовго і нехотя, мов за обов'язком. Схоже, вони вирішили просто розім'ятися після сидіння на лавці і, коли відчули, що кровообіг у ногах відновився, припинили лупцювати нещасного і розійшлися по домах.

Невідомо, скільки пролежав Олексій. Здається, хміль почав частково вивітрюватися з голови, чоловік підвівся і почвалав, аби куди. За кілька хвилин його ноги наткнулися на якусь перешкоду. Нею виявилися східці. Нічний мандрівник, піднявшись ними, опинився на якомусь маленькому майданчику і тут вирішив, що його мандри на сьогодні варто припинити. Прийнявши таке рішення, він улігся на не досить теплого бетону і швидко заснув.

Вночі, коли осінні зорі та місяць яскраво запалали, вішучучи передранковий заморозок, на постать сплячого впала чиясь тінь. Власник тіні, молодий чоловік з борідкою, обережно поторкав за плече необачного мандрівника. Коли той лише мугикнув на такий знак уваги, молодий чоловік заходився будити сплячого достатньо інтенсивно, аби той нарешті прокинувся. Можливо, така його наполегливість врятувала Олексія від не менше, як неминучої нежиті.

Молодий чоловік з борідкою виявився сторожем церкви, на паперті якої і заснув наш герой. Сторож відвів Олексія до своєї сторожки і вклав його на топчак.

Олексій прокинувся досить рано. Його лихоманило чи то з похмілля, чи то від переохолодження. Сторож саме зайшов до приміщення і, побачивши свого гостя у передсвітанковому світлі, жажнувся: м'ятий брудний костюм, обличчя в синцях і засохлій крові, скуповджене волосся, в якому позастрягало сухе листя і дрібне гілля...

— Слухай, брате, — звернувся сторож до прибульця, — не знаю, що з тобою трапилося, захочеш, сам розповіси, але ходімо спершу вмиемся.

Коли Олексій вмився і розчесав свою покуйовджену чуприну, сторож знову мовив до нього:

— А тепер, коли в твоєму серці лишилося ще Боже тепло, пропоную зайти до храму та мовити хоч яку-небудь молитву.

Знайшовши таку неочікувану прихильність до себе зовсім чужої людини, Олексій навіть знітився. Коли вони рушили до храму, він за якусь хвилину устиг розповісти свою історію — так стисло і, разом з тим, повно, що навіть не сподівався.

— Олексій — твоє ім'я? — промовив сторож, дістаючи ключа від дверей і чомусь усміхаючись. Потім додав: Олексій, чоловік...

Він увійшов до храму, вперше в житті, і раптом серце його, мов пташка, що ненароком залетіла до кімнати, забилося в грудях, наче йому було там тісно.

Перш за все його вразив запах, який панував тут, — мов чийсь могутній всесильний дух. В ньому чулися одразу кілька ароматів: і смоли древніх лісів, і квітів широкого лугу, і ще того, що могло йменуватися як нерозгадана таємниця Неба. Далеко, як здалося, попереду височіли ворота, на яких утвердилися невідомі величні постаті, а з довкола поглядали на прибульця лики мудреців і володарів невідомого світу. Золоте світло линуло з кругів, в які обрамлені були їх обличчя.

Олексій уважно роззирнувся і раптом незрозуміла тривога проникла в його душу, більше того: страх, трепетний і панівний, але такий, що не пригнічував і не примушував утікати, а, навпаки, до чогось манив владною невидимою рукою, обіцяючи розгадку найбільш значимої таємниці.

Та ось погляд хлопця впав на високе Розп'яття, що стояло неподалік. Він підійшов до Нього і не втримався, аби не схилитися перед Ним на коліна. Посеред, на високому чорному Хресті, висів прип'ятий Чоловік. Руки, ноги й чоло Його були закривавлені, з рани на грудях теж стікала кров, очі Розп'ятого були закриті, але попри все це лице і постать Його випромінювали неземний спокій і глибоку тишу для душі того, хто споглядав.

Олексій схилив голову на підставку у вигляді пагорба і тут побачив череп і дві перехрещені кістки під ним. Чудернацька, безглузда думка майнула в голові — наче пізнав він у цьому черепі свого далекого родича, якогось прапрадіда — і уста його потяглися до цих залишків чиеїс рідної плоти, щоб відчутти мить древньої смерті. Хлопець торкнувся губами черепа і знову звів очі свої вгору. І знову обвів поглядом Розіп'ятого, та не міг збагнути, хто Він йому — Бог, брат чи просто далекий родич. Але очевидним лишалося одне: Він — найголовніше, найзначиміше для всіх.

І тут раптом щось заворочалося в глибині його грудей, щось невагоме, не з його плоти, але владне над нею, таке всесильне, що враз примусило її згорнутися в калачик, як плід в утробі матері, затрусило його плечі і напружило м'язи обличчя. Олексій ледве встиг вхопити в груди повітря, як та сила несподівано вдарила зсередини, пронизавши все його зібгане тіло, і він чи то застогнав, чи закричав у передчутті непізнаного ще але неминучого болю. Він уже відчув, що біль цей — найважливіше, найцінніше в його житті, що з ним незрівняні всі радощі і потреби життя, і що саме життя має стати іншим, таким, існування якого ховалося донині лише в лоні невиразних підозр. Біль, який тамувався досі десь у невиразній точці його сутності, раптом заповнив його всього чимось болісним, спекотним, спричинивши страждання і водночас попалюючи сенс усіх досі прожитих ним років. Але, разом з тим, страждання ці м'якшали, мов пронизані неймовірним прагненням чистоти, і народжувалася в них тиха печальна радість.

Олексій не міг і не бажав припиняти несподіваних сліз. Гарячі і легкі, вони знову і знову спалахували у безодні його душі і, наче нетварний вогонь, випалювали шари безтямного, потворного буття, а потому вмить змивали попіл пожежі чистим прозорим ливнем.

Кілька хвилин Олексію здавалося, що сльозам не буде краю, але, що далі, то все тихішими і більш заспокійливими ставали вони. Разом з цим, чоловік нарешті відчув у собі спокій. Він ніби втомився від радісного плідного труда, підвівся і розправив плечі. Це було, як літній ранок після бурхливої грози — ось уже лагідне сонце здіймається в серці і ще не звідана тиша огортає душу.

Тепер Олексій зрозумів, куди кликав його коліс невідомий голос, в яку країну линув корабель під зеленими вітрилами сосни. Виявилось, що ця країна тут, під високим куполом, у запашному блакитному повітрі, серед ликів невідомих, але рідних людей. Це країна грому і тиші, сліз і полегкості, солодкої тихої печалі і веселої сонячної радості. Лише за якихось чверть години він устиг збагнути це. А скільки б від усвідомив, якби жив тут роки!

Відразу спала на думку і назва цієї країни. Таке поширене слово, воно в словоблудних устах давно спорожніло, і суть його, висмоктана порожніми серцями, потрапила в забуття. Але тепер це слово відкрилося йому зсередини, зблиснуло і засяяло.

«Рай! — прошепотів Олексій. — Ось такий він, виявляється».

Хтось торкнувся його плеча. Олексій обернувся і побачив сторожа.

— Ходімо звідси, — мовив той, — бо скоро вже священство та прихожани будуть сходитися на службу. А ти, вибач, у такому вигляді...

— Так-так, — погодився Олексій, і вони пішли у двір собору.

— Ну, що ти надумав? — співчутливо запитав сторож, коли вони посідали на лаві двору. — Ти вибач, але мені спати хочеться після безсонної ночі. Визначайся, так я, може, чимось допоможу.

— Мені якби тут лишитися, — обережно відповів чоловік.

— Знаєш що, — раптом запропонував сторож, — ходімо-но зі мною, приведеш себе в порядок, почистиш одяг, відпочинеш у сторожці, а там, після служби, пообідаємо і вирішимо, що з тобою далі робити.

Після обіду у соборній трапезній нові знайомі знову посідали на лаві у дворі. Цього разу сторож був задумливий.

— Слухай, Олексію, я гадаю, що Бог над твоєю долею, нехай і далі Він керує тобою. Але ти сам зараз подумай, як тобі далі бути. Документи в тебе є? Ні. Значить, ти на положенні бомжа. Робота б тут тобі знайшлася. Але, щоб влаштуватися, слід представитися настоятелю храму. А як би я йому рекомендував тебе в такому чині? Без паспорта з тобою і говорити довго не будуть. Так що ти, брате, повертайся, мабуть, додому та й вирішуй із жінкою цю проблему. Я так тобі раджу.

Олексій кивнув, ніби як на знак згоди, але продовжував непорушно сидіти.

— Ладно, не сумуй, — продовжив, пом'якшавши, сторож, — щось придумаємо. Квартира у мене однокімнатна, типу сімейного гуртожитку, і ліжко зайве знайдеться. Але на життя доведеться заробляти. То як?

— Ти дивовижна людина, не знаю, як дякувати.

— Гаразд... Побачимо, який ти... Божий.

Продолжение следует.

Лидія РАКОВА

Черкаси

Проживає в м. Черкаси, вчиться на журналіста. Любить писати сценарії, різні історії, особливо подобається працювати в жанрі фантастики. Багато епізодів їй сняться, тому гріх не скористатися такою можливістю.

Реальна вигадка, або Вигадана реальність

Пролог

Та я б душу Дияволу віддала аби на висоті бути, недругів корисливих провчити, ворогам носи миршаві втерти, — ремствувала Маруня, чорну хмару наганяла, пофарбовані в ліловий колір нігті кусала. — Остогидли ці невпинні удари долі, недорозмови, недопоцілунки, недокохання. Серед буднів сірих жити втомилася. З павутиння брехні й зневаги вирватись хочу; говорити, що думаю бажаю; кроком впевненим, широким по світу йти.

Рюмсала Маруня, не здогадувалась, що КОМУСЬ така несерйозна, безпредметна пропозиція, як на руку ковінька.

...Вранці будильник о пів на сьому задзеленчав. Маруня з ліжка зіскочила, каламутно-коричневою кавою поснідала, прозорим блиском з відтінком червоного губи дратівливо намазала, до університету на перездачу проваленої сесії попростувала.

— Маріє, граніт філософської науки — не таємниця за сімома замками, — виразився фігурально голомозий мислитель, силуючи дівчину «Книгу буття» вкотре переглянути, про гуманізм епохи Відродження ще раз перечитати.

У бібліотеці кожна шпарина Маруні знайомою була, бо не раз й не два над фоліантами філософськими сиділа, істини прості зубрила, на клаптях паперу шпаргалки писала. «Книгу буття» навмання відкрила, зітхнула важко, жуйкою зацямкала.

— Агов, Барбі! — почувла Маруня за спиною. — У вашій культосвітній установі є щось про Диявола, Люцифера, Вельзевула чи як там ще Його у вас тут титулюють?

Маруня голову ледь в бік повернула.

— Звідки мені знати! От сходи до бібліотекарки й вивідай, — сказала, у відповідь кроки важкі почувла.

У вікно глянула — студентське життя вирує, а в Маруні кров у жилах закипіла — збентежилася, обурилась.

«Такі безтурботні, життєрадісні», — подумала, на студентів усміхнених та щасливих зиркнула. — А ти вчиш третій день поспіль у цій Богом забутій бібліотеці, несуттєві, зайві, пусті ази філософської доктрини та прокльонами осипаєш чортячий університет, викладача-екзекутора, колишнього бойфренда-зрадника і найліпшу подругу, що кігті-пазурі нагострила на твого коханого і при першій нагоді непомітно нього запустила».

На високу ялину задивилася, що перекошено, як та каліка після важкої травми хребта, супроти цегляної бібліотеки росла-виростала. Думкою червонувато-бурої кори торкнулася, немов пальцями, шерехату поверхню відчула, дрижаками пройнялась. Чому не зрозуміла. Чи то від уявного дотику до грубого стовбура чи від важкої руки, що на її плече лягла. По тілу тисячі мурах пробігло, а далі жар, задуха, неясність. Маруня голову невпевнено підняла, юнака років тридцяти, коло себе побачила. Біле, мов молоко лице — та таке гоже, хоч воду пий, а очі — неприродні, кольору лазурі небесної, що немовби зорили, пестили, жадали, про все на світі знали, таємницями світобудови відали.

— Послухай, що пишуть, цитую, — мовив парубок, трьома пальцями вицвілі сторінки книги гортати почав. — «Він — Бога противник, що має роги, хвіст та гострі роздвоєні копита».

— Який жах! — видавила зрештою Маруня, відчувши легке прискорення пульсу, шум у вухах і бажання пити.

— Як на мене, то це повний абсурд! — їв очима незнайомиць і хтиво посміхався.

Високий, ставний, жилавий, немов бог грецький. Настільки ВІН зачарував Маруню своєю винятковістю та привабливістю, що дівчина геть про все забула, ошелешилася, аж рота роззявила.

— Агов, принцесо! — порушив тишу незнайомиць. — Чого блідою та неживою зробилася, неначе самого Диявола перед собою побачила?

Маруня ні пари з вуст — мовчала.

— Окей! Годі Мені попусту теревенити! Ось договір. Переглянь, — його владна, досконала рука вручила Маруні старий пергамент.

Маруня півголосом зміст документа прочитала, де про продаж душі Дияволу йшлося. Не встигла дівчина усвідомити з ким справу має, юнак з агатової куртки-шкірянки чорнильну ручку дістав, на вухо Маруні нашептав: — Лише твій підпис у правому кутку — і живи по-панському, язик за зубами тримаючи.

Маруня в безпам'ятстві дугою зігнулась — не відступила, піддалась, тремтячою рукою свої ініціали чорнилом багряним, немов власною кров'ю вивела.

— Справу зроблено! Тепер САМ Диявол до ваших послуг, — вдоволено і водночас завульовано констатував юнак, спалюючи в долонях вагомий аргумент, що запалав, кіптюгою задимів.

Опам'яталась Маруня вже на подвір'ї університетському — заохкала, нарікати почала:

— Ой, що то буде? Даремно це я! Невже усе піде на краще? Не буває такого, бо зворотний бік медалі апріорі тяжкий, болючий, досадний...

Розділ 1

Закинувши жмутик русявого волосся за плечі, Маруня ходою бідного ягняти за парубком волоклася, а той жодної спідниці не оминав — зі студентками кокетував, озирався, джэнджурився.

— Куди ми? — поцікавилась Маруня, рівнобіжно багряної ріки — тюльпано-макової клумби йдучи, що кровисто чашоподібними квітконосами на сонці виблискувала.

— У кафе. Перекусимо, — відповів.

Щойно двоє абсолютно незнайомих людей за вільний столик сіли, як молода рудоволоса офіціантка у товстій палітурці кольору індиго меню подала. Усміхалась люб'язно, з клієнтом гожим фліртувати почала, про роботу прислуги забула. Маруня ситуацію у руки свої взяти наважилась, рудій, як та морква причепі черевцем пустим дорікнула:

— Кишки марш грають — мені вже абищо, хоч хліб та воду!

Нав'язлива офіціантка за виконання клієнтського замовлення врешті-решт узялась, Маруню з незнайомцем на одинці лишила.

— Не годиться тримати камінь за пазухою! — сказав.

— Що? — не второпала Маруня, знітилась.

— Я про те, що така її робота — іншим догоджати, а твій гнів у її положенні не надто доречний, — мовив. — Два місяці тому цю бестію рудоволосу чоловік кинув. А в неї син однорічний на руках зостався, якому батько потрібен, от вона й скаче перед кожним, сім'янина перспективного знайти хоче.

— То ТИ, виявляється, про життя-буття кожного у цьому кафе знаєш? — спитала Маруня.

— Ага. До дрібних деталей.

ЙОГО відповідь — як сніг на голову, вразила і перелякала Маруню, бо й сама вона, неначе книга відкрита для НЬОГО.

— Тобі не варто МЕНЕ боятися. У нас з тобою обопільна угода, пам'ятаєш? Відтепер ти і Я, так би мовити, компаньйони, партнери, напарники. Відсьогодні Я буду з тобою усі 24 години на добу впродовж цього року, — сказав, наче постановив.

Коли офіціантка м'ясний завиванець принесла, ВІН спитав Маруню, чого та найбільше хоче, приміром мити цієї. Маруня якусь хвилючку-дві подумала, а потім неначе іскра спалахнула, радістю засяяла:

— Хочу, щоб отой мужчина у светрі брунатному, — Маруня перстом на чолов'ягу, що напроти сидів показала, — у руду офіціантку по самі вуха закохався, а краще, нехай вони обоє той імпульс шалений взаємного почуття відчують. До речі, у нього є дружина, діти?

— Розлучений. Троє дітей має. Аліменти тій гульгіпаці платить, які вона в казино на раз-два просяджує.

ВІН замовк. Маруня теж не говорила, спостерігала, як руда офіціантка навколо клієнта голубкою пурхала, а той її делікатною ходою милувався, бісики пускав, лестив. Тоді, мов той дикун, рудоволосці на зустріч кинувся, за зап'ястя витончене ухопив, поцятковані ластовинням пальці цілувати став, на люд сардонічний не зважав. Маруня очам власним не вірила. Вона — офіціантка, він — її клієнт та обоє від закоханості, мов підлітки шаленіли — щиро, відверто, прямо.

— Ходімо! Треба, щоб ти картинку власного життя під іншим кутом зору побачила, — зі спокійною посмішкою вигукнув.

— Добре, — підкорилася Маруня.

Смеркало. Маруня з товаришем житлові масиви перетнули, до нічного клубу «Гармидер» попростували. Споруда вогнями неоновими миготіла, ілюзорний ефект напівзруйнованості створювала, жах для нетутешніх наганяла.

— Може не варто туди заходити? — спитала, бо в «Гармидері» Марунена компанія зазвичай відпочивала, не нависницька віднедавна.

— Треба! Ще й як треба, о моя дерев'яна подружко! — відрізав, Маруню за руку взяв, за собою поволочив.

Опинившись у великій, залитій модерними ліхтарями залі, Маруня, немов та зайда, шпаркий погляд у натовп кинула, заклякла.

— Марійка! Яка несподіванка! — почулось з натовпу.

Ще мить і перед Марунею постала з напівголоненими грудьми Інна, неслухняні кучері, чорного як смола волосся впорядковуючи.

— Привіт! — Маруню обійняла, хіхікнула підозріло.

Маруня усмішку притамувала, спокій зберігала, а на серці коті шкребלי. Товаришувала Маруня з Інною, сестрою називала, чи то через ровесництво, чи то через спільну долю — напівсирітську.

— Я — чадо трудової емігрантки, — статечно Інна знайомим говорила, гордувала-пишалася, що є донькою матері-заробітчанки, яку одинадцять років не бачила.

Маруню та вдавана пиха лише забавляла, аж поки не познайомила свого коханого з гоноровою, проте кумедною подругою, яка згодом гадючку у Марунені стосунки підкинула — у кращої подруги хлопця відбила.

— Хто це з тобою? — спитала Інна нетерпляче.

— Це... Це... — вагалась Маруня з відповіддю, терлася-м'ялася, бо й самій ЙОГО істинне ім'я достеменно відомим не було.

— Я її новий друг, товариш, приятель! — впевнено підхопив парубок, на Маруні увагу зосередив, а у світло-синіх очах вираз незрозумілий. — Чи не так, Мері?

— Угу, — протягла Маруня та чи почув її хтось через гучні танці.

— Маріє, може ти познайомиш мене зі своїм полюбовником? — ласолюбний погляд Інни був напрочуд знайомий Маруні, точнісінько так вона і на Дена позирала, а потім непомітно чуже привласнила.

«Стерво! Бліда поганка! Шльондра! Якби ти тільки знала, скільки я сліз виплакала через зраду подвійну, як серцем тліла — страждала, переживала», — хотіла було висказати Маруня, проте волю язикові не дала — мовчала.

Від втіхи Іннине обличчя аж світилося:

— Марійко, гайда до нашого столу!

Це було не просто ввічливе запрошення подруги, а непохитне бажання Менгу-хана завоювати Південно-Західну Русь, тобі ж його. Та Маруня не взяла того до уваги, згодилась, за Інною попростувала і, незважаючи на дим цигарково-ядучий, що білою хмарою клубочився, ледве чутно про своє образливе становище товаришеві новому дорікнула:

— Ти знав, що ця гадина тут! Навіщо Ти так? Я взагалі не хотіла сюди йти! Ти ж знаєш, як мені неприємно її бачити!

— Час виправити ситуацію! Не крути носом, а моментом користуйся!

— І що мені з усім цим робити? — невдоволено буркнула Маруня, коли їхнє тріо столика дісталася, за яким дві пави заможні руки-крила широко розкинули.

— Це ж треба, які люди! — кинули вони назирком.

— Сама чудувалася, щойно уздріла Марійку зі своїм коханцем новим, — лукаво сказала Інна, на шагренюву лаву сіла.

І тут, немов мильною булькою, товариство ворожість огорнула. Дівчата, попиваючи слабоалкоголки, з-під лоба одна за одною стежили. Він віскі кольору бронзи смакував, говорив без ліку, Маруню по спині гладив. Дівчата підозріло вродливого, розв'язного чужака обдивлялися, що легко скотч ковтав, проте у звичній для нього адекватності лишався. Маруня відчула, як після м'ятно-лаймового мохіто у голові помутніло, зрозуміла — досить. На мить ВІН замовк, сам до себе осміхнувся, а потім суперечку завів про те, хто у компанії найтверезіший. Трійця, немов по команді, руки угору підняла і ВІН трьом подругам тіла рівновагу продемонструвати запропонував:

— Аби наочно свою розсудливість довести, можна приміром рівну ластівку зробити...

Подумав, а дівчата за виклик прийняли — із-за столу звелися, вправу виконувати почали. ВІН сміхом лунким вибухнув.

— У чому річ? — Інна невдоволено буркнула.

— Абсолютно твердо рішення виношу, що ви, мандмуазелі, під градусом повним! — насміхаючись відказав. — Твереза людина у місці багатолюдному на таку витівку дурнувату ніколи не повилася б. Панянки макоцвігні!

У душу плював, а дівчата кожне слово ловили — красеня смиренно слухали, головою кивали — погоджувались. В амбіцію вдарились, щойно Маруня зі своїм товаришем подруг лишили, одна на одну визвірилися, Маруню хвой-дою обізвали.

Розділ 2

Пробудилась Маруня рано-вранці, коли сонця монета золотава на небосхилі маслиново-сталевому ледь жевріла. Ночі травневої прохолода чи то до Марунені кімнати приклеїлась, чи то в облогу на утримання взяла, аж сироти на юному, дівочому тілі повиступали. ЙОГО постать горда, аристократична, сили надлюдської сповнена у сутінках удосвітніх біля вікна чітко вимальовувалась, у дівчини страх викликала, бо не звикла Маруня під суворим наглядомока чужого прокидатися.

— Як спалося? — промовив раптом.

— На славу! Ніколи ще так солодко не спала! Це твоїх рук діло?

— Так. Мені приємно, що тобі приємно! — тавтологічно холодно відказав.

Маруня з ліжка поспіхом піднялась, до ванної кімнати ринула, вмилася, одяглася.

— Які плани на сьогодні? — запитав.

— Я йду в університет, а ТИ — роби, що хочеш, — фарбувала Маруня вії.

— Окей! Увечері зустрінемось. До речі, залік із філософії у тебе на ура складений, — констатував.

— Що? Як? — зраділа Маруня, усміхнувшись, подякувала, у щоку дружньо поцілувала.

— Не варто. Угода є угода і це мій обов'язок — індіферентно відказав.

Маруня аванзал головного корпусу університету перетнула, на подруг, з якими вчора в клубі нічному відсиджувалась нашттовхнулася. Дівчата когось жваво обговорювали — про Маруню пліткували. Почуття тривоги в Марунених грудях нуртувати почало, давніх приятельок осторонь триматися змушувало. Та трійця без будь-якої ворожнечі на Маруню зиркнула, привіталась люб'язно.

— Марійко, як справи? — розмову першою почала Інна, в'юном звивалася. — Твоя сукня незрівнянна і ця, зі смаком підібрана біжутерія тобі пасує, як ніколи! Мабуть, новий знайомий подарував? До речі, а ти ще та сучка! Такого красунчика собі підцепила!

Марію, неначе перемкнуло, без будь-яких зволікань відрубала:

— Бути сукою — твоя прерогатива! Я, на відміну від декого, хлопців у подруг кращих не відбиваю!

— Маріє, давай це в минулому залишимо. Не хочу з тобою сваритися, адже ти, моєю найкращою подругою, сестрою, незважаючи на всілякі там негаразди особистого життя була, є і будеш.

— Після всього, що сталося... Я не впевнена... — Маруня на годинник наручний глянула, на пару попростувала.

Дивувалися викладачі Маруненій підготовці до предметів, двоєчницю вчорашню Марію Багро студентам іншим у приклад ставили. Та й сама Маруня землі під собою не чула, зі своєї щойно виявленої усебічної обізнаності тішилася. Зрозуміти ніяк не могла, як їй вдається — на будь-яке питання каверзне безпомилково відповідати, носи досвідченим професорам утирати.

По закінченні пар, Маруня з серцем легким та радістю невимовною додому повернулася, а на лиці усмішка, як та ружа розцвіла. Пообідала, стакан виноградного соку випила, хатню роботу переробила. Ліжка дісталася, коло-

дою впала, незчулася як задрімала. Прокинулася ранку наступного. Тінь важка постаті знайомої знову коло вікна вартувала.

— З пробудженням! — мовив, не озираючись.

— Привіт! — ледь чутно мовила Маруня і в точності переповіла все, що на парах з нею сталося.

Він з удаваною цікавістю дівчину слухав, бо хто ж, як не він до цього руку приклав.

— Та що я розповідаю? Тобі й так усе до дрібниць відомо! Краще повідай, як твій день минув?

Він у бік Маруненого ліжка погляд кинув.

— Дезово! Учора в ресторанчику одному Я ефектну, проте доволі легковажну студентку підчепив. Наскільки мені відомо, Біблія ближнього свого любити повчає, а от Камасутра у який спосіб пояснює, — посміхнувся. — Як виявилось, любити вона вміє і по-класичному, і по-місіонерському...

— Не можна своїм службовим становищем користуватися! Це не правильно! — вигукнула Маруня.

— Припини! — віддав команду, а на вустах посмішка єхидна. — Тебе страшить думка, що Я подібне з тобою учиню? Розмагнітись! Ми партнери, а Я не люблю роботу з життям особистим поєднувати, але якщо тебе візьме хіть, то все можливо, Мері.

Маруню відповідь провокативна не дуже потішила. ВІН книгу перекладених сонетів Шекспіра зі столика журнального підхопив, голосом романтика безнадійного декламувати почав:

«Сліпа любове, що вчинила ти

З моїми потьмянілими очима?

В красі не можу я краси знайти,

Стає потворність, наче врода зрима».

Зібравшись в університет, Маруня каблуком гостроносого черевика по підлозі грайливо стукнула аби його від демонстративно-поетичного читання відірвати.

— Я вже йду, — засвідчила.

— Може прогуляємось сьогодні? — вогняним поглядом черконув, а Маруні аж моторошно від того.

— Що ТИ цього разу замислив? — спитала тоном тривожним, вивідати хотіла.

— Рухаємось по сталій схемі — від переоцінки старих цінностей до серйозної корекції твого пісного життя.

— Добре, ходімо! — скорилась Маруня, авантюризму піддалась.

Парк напередодні літа молодією зеленню ряснів, м'якими пагінцями споришу стелився, запашним бузковим ароматом пеленав. Розлогі куці золотисто-жовтої форзиції, обабіч алеї зорею провідною ряхтіли. Час для Маруні будь-яке значення втратив. Вона говорила, сміялась, крокувала зигзагом, немов жменю щастя у вітру запозичила. Раптом її увагу привернула знайома постать Дена — колишнього хлопця та Іннині криві ноги-патички, через які вона ніколи не комплексувала, а навпаки пишалася, демонструвала, тротуарами міськими у міні-спідниці дефілювала.

— Геть з дороги криві ноги! — насміхалися цінителі довгих, мало не модельних ніг та Інна не зважала, непохитною була щодо своєї «майже ідеальної краси».

Побачила Маруня, як пара закоханих голуб'ят, наближаючись, про щось несуттєве воркували. Захвилювалася, спинилася, у землю поглядом втупилася, бо згадка про любов зрадницьку голову золити почала. Він Маруню за руку узяв — підтримати хотів:

— Розслабся, Мері! Дозволь мені тобі приємне зробити?

Послухалась Маруня. У відповідь щось мовити хотіла, та його уста смачні Маруні губи тоненькі стулили. Не рухалась, розтанула, моментом насолоджувалась, аж поки пронизливий погляд до болю знайомих очей на собі відчула.

«Ден!» — подумала. Отямилась.

— Марійка! Це ж треба, яка несподіванка тебе тут зустріти! — вигукнула Інна, обома руками за лікоть Дена міцно вчепилась.

Маруня мовчала, Ден теж не говорив — у спогадах копірсався. Мовчазна пауза незручність ситуації підсилила.

— Ми взагалі-то додому намірились йти. Правда ж, Мері? — голосом басистим проказав, тишу, як струну урвав.

— Так. Ходімо. — Маруня розмову підхопила.

Додому невеселі повертались. Емоції бурхливі через край лились, не втримала Маруня сліз на півшляху — розридалась:

— Навіщо ти влаштував мені цю зустріч? Ненавиджу тебе! — кричала. — Ти не вмєш любити і не знаєш як це — цінувати когось, у щирість почуттів вірити, а натомість поцілунок Юди отримати — неочікуваний, зрадницький, безжальний!

До кімнати забігла, зсередини замкнулася аби на самоті поплакати. ВІН на кухні сидів, моменту слухного чекав, янтарного кольору коньяк підив. Опівночі Марунені ридання стихли. Вдаючи жалість неосяжну, він протягом студеним поріг спальної кімнати переступив. У очі Марунені заплакані глянув, до себе пригорнув.

— Вибач, — мовив, а в погляді глибокому виклик черговий. Рукою плеча дівочого торкнувся, поцілував, а в Маруні від того в голові думки колесом закрутилися — про все забула, розгубилася, ледь свідомість не втратила.

— Досить слізьми умиватися! — видихнув, Маруню по волоссю погладив, відступив.

Розділ 3

— Доброго ранку! Все гаразд? — наступного дня Маруню спитав, а в дівчини щоки від безпardonного позирку ясно-синіх очей побураковіли.

— Та наче, — збрехала.

Сьогodнішній день Маруня наодинці вирішила провести. Не хотіла своїм станом депресивним його величність турбувати. До річки помандрувала аби узбережжям покрученим прогулятися, свободу відчути, жагу до життя віднайти. Кроком неквапним йшла, а за спиною чайки пажерно кигикали, у небо злітали, для польоту тривалого крила дужі розправляли. Мулом виквацьовані судна рибальські до пристані швартувалися. Хмари густі, дощові заслоною щільною небо поволі затягали.

— Буде дощ, — Маруня собі під ніс буркнула.

Рибалки ватагою дружною улов у ящики дерев'яні справно фасували. Холоднішало. Вітер-баламут у перемішку з піском вакханалії дикі справляв. Лютували хвилі, одна одну настигали, злобою дикою пінилися. Та не зважала на те Маруня, усе нудьгою марудилася — в думки заглибилася, а перед очима він з парасолькою в руці.

— Скоро накрапати почне, вертаймось додому, — запропонував.

Послухалась Маруня, попід руку ЙОГО взяла, пішла, немов силоміць. Дощ цівкою дрібною задріботів, калюж наробив. По пагорбі рельєфному кров безбарвна веною потекла. Липовою алеєю йшли, мовчали. Неподалік дзвони церковні громохко заграли, неначе на Богослужіння Маруню покликали. А на зустріч священник з кадилом в руках, ближче підійшов, змарнів, бо у подобі людській істоту лукаву, змія підступного побачив, молитися став:

— Отче наш, що еси на небесах! Нехай святиться ім'я твоє, нехай прийде царство твоє...

— Гадаєш, на мене твій речитатив ритмічний подіє? — голосом оскаженілим мовив, пастора на півслові урвав. — Вовки у шкурах овечих! Пиячите, перелюб чините, ересь у маси несете, Господа-Бога — батька усього живого на кадилами дорогі промінjali. Смолу вам, святоші, у пеклі пити, вогнем вічним горіти, суп з кісток власних хльобати!

У священника від того аж в животі похололо — злякався, іншої заспівав:

— Заклинаю тебе усіма заповідями Божими! Заклинаю тебе ім'ям усіх небесних світил! Заклинаю тебе Адамом і Євою — прабатьків усіх, хто був, хто є і буде! Згинь, Сатана з лиця землі! Заклинаю тебе усіма муками пекла, словом Божим усемогутнім, словом вічним! В ім'я Отця, і сина, і святого духа. Амінь!

Голосив священнослужитель, рукою тремтячою хрестився, кадилом махав — даремно, а в НЬОГО іскри червоні в очах — тішився. Відступив слуга Божий, в самшит низькорослий кадилицю розпачливо жбурнув, побіг.

— Добряче ти його налякав, — мовила Маруня оглядисто. — Чесно кажучи, я теж стривожилася не на жарг.

— Тобі нічого мене боятися, — запевнив.

Продолжение следует

Максим КАМЕНСКИЙ Харьков

Вечер в Африке

Лорд Джулиус подбросил в костёр сухих веток и легонько помешал угли. Пламя на мгновение взвилось вверх, выпустил на свободу стайку крохотных ярко-алых светлячков, несколько мгновений круживших над костром, а затем бесследно растворившихся в ночном воздухе.

— Продолжайте, сэ, я слушаю вас, — сказал сэ Персиваль.

Он потянулся к костру и, вынув из него тлеющую ветку, раскурил трубку, после чего бросил её обратно, заставив подняться в воздух очередную стайку искр-светлячков.

Когда пламя вспыхнуло, я зажмурилась и отвернула голову. Яркий свет больно резанул по глазам, привыкшим к темноте и неровному пляшущему свету костра. Однако мне не хотелось пропускать интересную историю и, как только пламя успокоилось, я снова обернулась к двум зрелым мужчинам, сидевшим у костра.

Лорд Джулиус рассказывал о своих приключениях, о добытых трофеях и я слушала, ловя каждое слово этого статного, уверенного в себе мужчины. Охота всегда увлекала меня, сама мысль о выслеживании добычи заставляла вскипать кровь и вызывала мелкую дрожь во всем теле. Затаив дыхание я слушала, как лорд Джулиус рассказывал об охоте на льва. Тот был старым и хитрым зверем. Охотник потерял тогда двух помощников, прежде чем смог таки перехитрить хищника и привести домой в качестве трофея его шкуру. Сэ Персиваль, слушая рассказ, усиленно дымил трубкой и то и дело поглаживал ладонью пышные усы.

Когда рассказчик закончил своё повествование, они ещё немного посидели над затухающими углями, слушая ночную саванну, и стали готовиться ко сну. Мне же спать не хотелось совершенно. Возбуждённая услышанной историей о хитрости зверя и находчивости охотника, я была готова броситься в ночную тьму на поиски добычи. Но не нужно было никуда бросаться.

Когда охотники забрались в палатку, я тихо вышла из кустов, осторожно переступила через натянутую у земли струну, чтобы не поднять тревогу. В соседнем лагере, где расположились слуги двух знатных мужчин, царил тишина, лишь высокий худой негр сидел перед потрескивающим костром. Когда из темноты доносился подозрительный шорох или когда ветер приносил с собой эхо далекого рычания, он вскидывался и напряжённо всматривался в окружающую лагерь темноту, положив руку на лежащее на коленях ружьё.

Неслышно ступая, я подошла к палатке и, откинув лапой полог, просунула внутрь голову. Мне всегда нравилась охота.

Моисей

Человек смотрел в небо, щурясь и прикрывая глаза ладонью. Небо было совсем близко, казалось, что стоит протянуть руку, и он сможет коснуться облаков, но человек не делал этого, он не смел, ибо это было богохульством — пытаться встать вровень с Богом. Он же был верным слугой Всевышнего, внимал Его словам и передавал их другим. Звали его — Моисей.

— Я дам тебе свод законов, именуемых заповедями, ты передашь их моему народу и станете вы жить по уложениям моим, — сказал ему голос, преисполненный силы и величия.

— Да, Господь, — с почтением ответил Моисей, склонив голову. — Будет так, как ты велишь мне.

— Так возьми же эту скрижаль и неси другим слово мое, — повелел ему голос.

Оглянувшись Моисей и увидел у ног своих мраморную скрижаль с выбитыми на ней заповедями. Поднял он её и возблагодарил Господа молитвой за милость и мудрость его.

Труден был обратный путь, но его одолел Моисей и скрижаль драгоценную сберег. И сердце его было преисполнено радости от того, что несёт он народу Израилевому истинные законы Божии.

Когда же вернулся он в лагерь, где ожидали его израильтяне, то повергло его удивленное в глубокую печаль и горе: народ его, вместо Господа, поклонялся и приносил дары Золотому Тельцу. И тогда крикнул он в гнев:

— Опомнитесь, глупцы! Разве Телец вывел вас из Египта? Разве он кормил вас манной небесной? Или может быть, он обещал подарить вам землю Обетованную?

Но не слушал его народ, и тогда бросил он скрижаль на землю и ушёл в свой шатёр, чтобы не видеть, как народ его от Бога истинного отрекается. А народ веселился, пел песни и возносил хвалу идолу.

Скрижаль так и осталась лежать в траве, куда бросил её Моисей, белый мрамор раскололся, и паутина тонких трещин иссекала высеченные на ней буквы:

«Психиатрическая клиника «Райский уголок».

Руслан ФОЛЮШ

М. Новояворівськ, Яворівський район, Львівська обл.

Народився в 1982 році в місті Новояворівськ (Галичина). Має історичну освіту. Закінчив ЛНУ ім. Івана Франка. На даний час живе на Луганицині. Пише давно, але видати новели вдалося лише у 2010 році. Багато читає, аби вдосконалювати особистий стиль. Цікавиться творчістю Ремарка і Донліві.

Фільми

Тобі не подобались фільми нуар, арт-хауз і вся ота гра у чисте мистецтво, адже ти стверджувала, що навіть на такому кіно хтось таки заробляє гроші. Що я міг заперечити, тим паче, що й сам так думав, проте з того вечора почав обмірковувати контраргументи і пішов би на будь — що, аби тільки вийти із цієї розмови, чи то пак її продовження перемождем. Хоч про такі свої плани я тобі звісно не сказав. З цього все й почалось!

У повітрі тепло осінню, а кольорові вулиці провокували зростання агресії у чоловіків, істеріку в жінок і непослух у дітей. Вітрини магазинів нахабно траплялись на кожному кроці, пропонували продукти, одяг, розваги; погрожували, приваблювали, запевняли. Я вже другий місяць сидів без роботи, отож проходячи повз цей шал реклами — рушія прогресу впадав у транс смутку та знервованості від того, що все так як є і я не в змозі ні на що впливати. Відчуття, скажу я вам ще тієї гіркоти та важкого перетравлення. Знайомі знайомих обіцяли поговорити із потенційним роботодавцем і дати знати про результат. І чи то розмова у них не клеїлась чи забудькуватість, байдужість запала їм в душі, не знаю, бо жодної інформації про стан справ із роботою у мене не з'явилося. На серці товклися слони, ревели голодні тигри і взагалі відбувалась якась революція із усіма витоками — було гидко від минулих невдач, тремтіло прагненням швидких позитивних змін, пульсувало жагою дій у кожному подихові, а ноги і руки не знали, проте дуже хотіли йти куди — завгодно і робити, хоч що-небудь.

В цей відеопрокат на вулиці Лисенка я ходив двічі на тиждень. Його власник Азамат Рауфович був похмурым здорованем із минулим борця і душею філософа — скептика. Я часто теревенив із ним про життя і всіляке таке, поки усміхнена дівчина Оля — працівниця відділу «Кіно не для всіх» пакувала у прозорі пакети диски: Джармуша, Кім Кі Дука, Вуді Аллена, Віма Вендерса, Аранофскі і раннього Кустуріцу. Азамат Рауфович інколи пригощав мене чаєм із молоком та сіллю і стверджував, що таке поєднання смаків є справжнім бальзамом для серця. Я звичайно погоджувався і додавав, що ще й кіно та добре слово лікують душу. На таку заяву він зазвичай поважнів враз, а тоді заходився піною у критиці на сучасне виховання, всездозволеність та відразу до поваги у молодого покоління, малював чорними як смола словами кінець світу, друге пришестя і перемогу на чергових виборах у парламенті антинаціональних, реакційних сил. Закінчував він коротко, — Ти заходь, частіше, а то сам бачиш, світ котиться у прірву, а хороших людей все менше і менше! Правду кажучи я приходив сюди не заради спілкування із сумним, розумним власником салону, і навіть не через фільми, які я вже бачив разів по — десять кожен, а заради Ольги. Я поки що не знав як їй про це сказати, так як жив із іншою і вона — Ольга — про це знала. У голові крутились ідеї чистого каяття, романтичного декадансу, тиску на жалісливість і таке інше, що може допомогло б мені переконати Ольгу звернути на мене увагу як на потенційного хлопця. Проте до справи я поки що не брався. Упевненість не була мені сестрою, навіть зведеною та й нахабства мені у спадок перепала крихта пліснявіла. Ситуацію ускладнювала

ще й її критика на адресу моїх кіно вподобань і не вгамоване бажання довести, що такі фільми — це шедевальні прояви людського духу, діалектичні потоки мантр у безладі людської рутини, енергетичні мотиватори для протидії обмеженості та споживачьким настроям і т. п. Слова, лишень слова, а дійде до діла і я не міг скласти їх докупи і запросити Ольгу на побачення. Від такого стану справ хотілось вити вовком. Сказати їй «Привіт» і «Бувай», — от і все, на що мене вистачає!

Надя цілий день, а подеколи й у нічну зміну працювала у пекарні, тож чого-чого, а хліба у нас завжди було вдосталь. Наше з нею співжиття у квартирі, яку їй купили батьки було майже братерсько — дружнім, адже замісивши сотні хлібин, виклавши їх у форми і десятки разів облившись потом біля печі вона не мала бажання бавитись у жодні сімейні любовці, тож те чим ми інколи таки займались можна було назвати фізіологічною, безпристрасною даниною статі. Думки про цех і замішування тіста, його випікання і витягування із печі не покидали Надію навіть удома. І вона цього не заперечувала, а я не брався їй за це докоряти через власну безробітну сутність. Логіка і смиренність були мені тілом і духом, шкірою і невидимим, майже музичним із плаксивими інтонаціями супроводом у цих стосунках. Замкнене коло потрібно було розірвати якомога скоріше. Слава Богу хтось, колись, додумався знімати фільми арт-хауз і нуар, від яких у мене перехоплювало дух і на годину — дві накривало туманом нірвани. Складні речі треба перетворювати у прості, вплітати музику, лити море чорного, сірого і червоного, а подекуди й багряного у образи героїв і от вже народжується ще один фільм, що вразить, похитне, переверне з ніг на голову тих, хто хоче і не боїться бути людиною. Людиною, яка здатна віддатися пошуку чогось більшого, аніж радість, баланс почуттів і грошей, і непереборне бажання вкоріненого стояння на земній поверхні, вище і міцніше собі подібних істот. Йдеться ж бо про пошук неідеального у неідеальному світі і вихоплення справжнього у соціологізованих, одомашнених характерах тих, що тебе супроводжують або й просто опиняються на певний час у полі зору. Я побачив цю справжність у Ользі, хоч перемовлявся із нею лишень словами вітання — прощання і тільки пару днів тому почув її ставлення до «не таких» фільмів. Цього мені вистачило для неспокою душі. А вона мабуть і не звернула уваги на те, як це мене зачепило. Та зрештою з чого б їй звертати увагу на мене — хлопця, який дивиться дивакуваті фільми і не може говорити ні про що окрім них?! Відповідь на це питання шукати не хотілось.

Я довго сидів на лавці біля чужого будинку. Зірки висипали рясно — рясно. Думки мої були чорними як підвали КДБ та й сам я відчував невимовну, майже слізливу тугу за втраченим, не пережитим, не моїм, проте наче вирваним із тіла. Надя вже вдома, приймає душ або й ванну, а телевізор в цей час виспіває щось крикливе музичним каналом. «Тиша після роботи вбиває мене», — не раз повторювала вона, коли я намагався перемкнутися на менш гучне.

І я капітулював, але не мав похнюпленого вигляду роззброєного солдата. А вона посміхалась і намагалась затанцювати зі мною, аж тут я починав пручатись, наче й справді усвідомив, що стою без зброї, а мене ще й танцювати примушують на глум переможцям.

Сімейне життя здатне будь з кого зробити психопата так само, як і самотність. Парадокс! Прояснення от-от надійде, накриє мене всього, я це пророкував собі. Ольга, мабуть десь на вечірці чи у кафе зависає із подругами або дивиться легке Голлівудське кіно і сміється із моїх творчих фільмів, адже я й насправді сприймав їх як зроблені мною, бо ж вони були такі рідні психіці. А я сиджу тут на потрісканій, зморшкуватій, наче пенсійного віку лавці і думаю про неї та про ці кляті фільми. Моє ж життя не менш схоже на фільм як і життя героїв екрану, якби це пафосно і претензійно не звучало. То чого ж мені ще треба як не одного — подарувати спокій мріям і взятися до справи, піти на роботу, поговорити із Ольгою тет-а-тет або дати їй спокій, найперше у власній голові, полюбити щиро і віддано Надію, яка дбає про мене як може і підтримує наш домашній затишок та не дає згаснути вогню між нами, хоч може здатися, ніби їй немає до цього діла, але ж я знаю, що є, знаю! Знаю!

Минув тиждень, і я припинив відвідини відеосалону. Дав спокій думкам про Ольгу. Інколи мені бракує Азамата Рауфовича та теревень із ним, проте з цим можна миритись. Надія знайшла мені роботу експедитора на автомобілі «ГАЗ — 53» з написом «Хліб». Час від часу я пригадую арт-хаузні фільми, але вже не дивлюсь їх, так як відчуваю, що завдяки їм я став іншим, але притому не припинив бути собою.

**СТАТЬИ
И
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ**

СТАТЬИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ГРОСУ Ю. В., КУЗЬМЕНКО В. А.

Три возраста Прекрасной Дамы

Многие знают, что Любовь Дмитриевна Блок — это жена русского поэта А. Блока и дочь учёного с мировым именем Д. И. Менделеева, а также Прекрасная Дамы, чей образ А. Блок воплотил в своих стихах. А ведь она ещё и актриса, мемуарист, историк, идеолог балета.

В последнее время появляется все больше статей, в которых личность Любови Дмитриевны [далее: Л. Д. — авт.] рассматривается самостоятельно. Советская критика, блокovedы, литературоведы, исследователи русского символизма и культуры начала XX века обращались к Л. Д. в основном в сопоставлении с биографией и творчеством её мужа. Обойти стороной жену поэта, центральный персонаж многих его произведений, было невозможно.

Самым значительным источником биографических сведений о Блоке были воспоминания его тетки Марии Бекетовой, изданные в 1922 году — через год после смерти поэта. Её так и величали — «семейный биограф». В книге, естественно, имеется и много данных об Л. Д. Однако всё это, наряду с другими подобными программными биографиями, является уже чьей-то интерпретацией личности героев такого произведения.

Мы пытаемся обратиться к личности Л. Д. через написанное ею в 1929 г. мемуарное произведение «И были и небылицы об Александре Блоке и о себе». Читая известные фрагменты её мемуаров, нельзя не отметить красоту образов, сторойной слога Л. Д.: «Мы были ещё в мире того разговора и было не страшно, когда прямо перед нами в широком небосводе медленно прочертил путь большой, сияющий голубизной метеор. «И вдруг звезда полночная упала»... Перед природой, перед её жизнью и участием в судьбах мы с Блоком, как оказалось потом, дышали одним дыханием. Эта голубая «звезда полночная» сказала все, что не было сказано. Пускай «ответ немел», — «дитя Офелия» и не умела сказать ничего о том, что просияло мгновенно и перед взором и в сердцах. Даже руки наши не встретились и смотрели мы прямо перед собой. И было нам шестнадцать и семнадцать лет». Описаниям интимных сцен может позавидовать любой автор столь популярных в последнее десятилетие любовных романов. Впечатляет и смелость, и честность. Но интересно, в первую очередь, другое. Л. Д. часто обращается к читателям, критикам, будто знает их лично. Читатели её произведения — это не её современники, которые в каждой строчке видят отступление от шаблона, или просто боятся этого. Её читатель — человек широких взглядов, умеет анализировать, сопоставлять, читать и строки, и между строк. Её читатели — не «доценты», которые будут использовать «И были, и небылицы» лишь как библиографический источник для диссертации по исследованию творчества Блока. А критиков она вообще поставила на место: «Критики меня смешат: через шестнадцать лет после смерти Блока, через тридцать с лишком лет после первого десятилетия деятельности, конечно — возьми его книжки, читай, и, если ты не вовсе дурак, поймешь из пятого в десятое, о чём они, какой ход мыслей от одного этапа к другому, к настроениям и идеологии каких социальных или литературных группировок можно эти мысли отнести. Критик и думает, рассказав эти свои наблюдения, что он что-то сообщит или узнает о творчестве Блока. Как бы не так! Уж очень это простенько, товарищ критик, уж очень «гимназист VIII класса»!.. А вы попробуйте перенестись в конец девяностых годов, когда Блок уже писал «Стихи о прекрасной даме», конечно, не подозревая, что он что-либо подобное пишет. Ловит слухом и записывает то, что поется около него, в нем ли — он не знает».

Похоже, Л. Д. была права. «И были, и небылицы...» на многие десятки лет опередили свое время. Она пишет, что сознательно избирает мужественный, немного демонический, «фаустовский» путь. Будучи женой, а потом и вдовой Блока, она, как никто другой, имеет право описывать и Поэта, и их отношения такими, какими они были на самом деле.

Приступая к исследованию личности Л. Блок, хочется сразу отметить, что, вороша прошлое, мы, потомки, берем на себя ответственность и за вторжение в чужие судьбы, и за суждения, и за оценки. Уже притчей стали слова Анны Ахматовой, произнесенные после выхода «И былей и небылиц...»: «Тебя любили Блок и Белый, лучше промолчи». Затем она апеллирует к Любови Александровне Дельмас, бывшей в свое время возлюбленной Блока. Дельмас, та промолчала. А многое ли могла рассказать Дельмас? Да, у них с Блоком был роман, бурный, но недолгий.

Любовь Дмитриевна же была женой поэта целых 18 лет. Здесь следует отметить, что сама Анна Ахматова также же была женой известного поэта Н. С. Гумилева, и Пунина... Это не мешало ей иметь романы с Артуром Лурье, профессором Гаршинным... Известные все лица... Стоило ли об этом упоминать? Может, и нет. Однако её знаменитые строки: «Я научила женщин говорить, Но как их замолчать заставить...» говорят сами за себя.

В биографии Л. Д. до сих пор остаётся много «белых пятен». Тем не менее, известное видится разделённым нам на три условных, а скорее символических периода — возраста Прекрасной Дамы. Даты её жизни: 1981 (1982) — 1939 гг. Первый возраст — от рождения и до совершеннолетия составляет 21 год, брак с Блоком длился 18 лет: 1903-1921 г., ровно столько же Любовь Дмитриевна прожила после его смерти.

Обратимся к первому периоду. Любовь Блок — урождённая Менделеева — дочь всемирно известного учёного Д. И. Менделеева (1834-1907).

Её отец, Дмитрий Иванович Менделеев, родился в многодетной и религиозной семье. Отец Дмитрия Ивановича, И. П. Менделеев (урождённый Соколов), — сын священника, заведовал гимназиями и училищами Тобольского округа. Его мать Мария Дмитриевна — потомок обедневшего купеческого рода Корнильевых — после трагедии, случившейся с мужем (он ослеп и вскоре умер), фактически стала главой и кормильцем большой семьи, успевала одновременно и вести небольшой стеклянный завод, доставлявший (вместе со скудной пенсией) более чем скромные средства к существованию, и заботиться о детях, которым дала прекрасное по тому времени образование. Именно в младшем сыне, Дмитрии, она угадала недюжинный ум и необыкновенные способности.

В семье Менделеевых — Корнильевых женщины всегда были незаурядны, сильны духом. Ольга, старшая сестра Д. И. Менделеева, вышла замуж за декабриста Н. Басаргина, провела много лет в ссылке с мужем, помогала декабристам на поприще культурного развития Сибирского края. ещё одна тетьа Любви Дмитриевны — Аполлинария Менделеева. По воспоминаниям близких, её вера и нравственные принципы поднимались до святости. Сама имея очень мало, она все, что зарабатывала шитьем, отдавала тем, кто нуждался больше нее, шла к больным в любую погоду, даже когда уже сама была больна.. Наверное, эта сила духа и лучшие качества женщин рода передались и Л. Д.

За свою жизнь Д. И. Менделеев дважды был женат. Первый брак с Феозвой Никитичной Лещевой был неудачным. Хотя от этого брака у Д. И. Менделеева было двое детей — Владимир и Ольга. Супруги совершенно не подходили друг другу. На пятом десятке лет он встретил Анну Попову, юную и подающую надежды художницу, ровесницу своей дочери. Это был как раз тот случай, когда сила любви преодолевает все преграды. Долгое время церковники запрещали Менделееву повторно жениться. 17 апреля 1881 г. Анна Попова и Дмитрий Иванович Менделеев родили первенца — девочку, имя которой дали Любовь... По сути, ребенок был незаконорожденным, ведь её родители смогли сочетаться законным браком только в 1882 г., в том же году девочку окрестили и, благодаря весу Менделеева в обществе, Любу записали законорожденной, будто бы 1882 г. и был годом её рождения: «Мне казалось, — пишет Л. Д. не без доли женского кокетства, — мое положение привилегированным: «дитя любви», даже имя — Любовь — все это вырывало меня из буден, что мне было в ту пору очень ко двору. Но годик-то я с удовольствием скостила» [1]. Позже у Менделеева родились младшие дети: сын Иван и близнецы Мария и Василий.

Росла Л. Д. прямо-таки в «хрестоматийном» окружении. Многие годы в доме отца проводились «менделеевские среды» — регулярные собрания людей искусства и науки. На них бывали художники И. Н. Крамской, И. Е. Репин, Н. А. Ярошенко, В. Е. Маковский, М. П. Клодт, В. М. Максимов, А. М. и В. М. Васнецовы, В. И. Суриков, И. И. Шишкин, А. И. Куинджи, М. А. Врубель и В. В. Верещагин; ученые А. Н. Бекетов, Н. П. Вагнер, А. И. Воейков, К. А. Тимирязев, В. В. Докучаев, И. М. Сеченов, П. А. Костычев, Боткины... В бобловской усадьбе несколько раз бывал изобретатель радио А. А. Попов, который однажды демонстрировал семье Менделеевых свое изобретение в действии: он провел сеанс радиосвязи с Бобловом из соседних Бабаек.

Все дети Д. И. Менделеева получили прекрасное образование. Л. Д., в частности, окончила Высшие женские курсы, где изучала историю, филологию, философию, психологию. Она много читала, любила музыку и прекрасно разбиралась в искусстве. Также брала уроки актерского мастерства у известного педагога М. Читау, которая прочила Л. Д. блестящее будущее на сцене в амплуа молодых «бытовых» актрис. Кстати, театр занимал немаловажное место в семье Менделеевых. В их имении в Боблово периодически устраивались домашние постановки, в которых принимали участие и члены семьи, и гости. Самыми известными спектаклями, пожалуй, были «Гамлет», где Л. Д. играла Офелию, а принца Датского — начинающий поэт А. Блок, также «Горе от ума» (Л. Д. — Софья, А. Блок — Чацкий).

Именно тогда между ними начало зарождаться большое чувство. После оба уехали учиться в Петербург, где продолжали встречаться. В то время А. Блок в какой-то мере находился под влиянием философии Вл. Соловьева о Вечной женственности. Возможно, после драматической развязки отношений с первой любовью, Ксенией Садовской, женщиной бывшей намного старше Блока, именно юная Люба Менделеева для него воплотила в себе черты возлюбленной другого типа — «Неземной». Так Л. Д. стала Прекрасной Дамой.

Скорее всего, Любви Менделеевой, как и всякой молодой девушке, да ещё робкой по своей природе, льстило такое изысканное внимание к своей персоне. Но, увлекаясь театром, она понимала, что Прекрасная Дама — это образ, персонаж, роль. Понимала и «громадность» этой роли, и то, что она «совершенно не подходила для нее». Они несколько раз разрывали отношения. Однако благодаря своему женскому чутью и душевной щедрости Л. Д., в конце концов, ответила согласием на предложение А. Блока. И кстати... Ведь поэт на случай отказа уже заготовил предсмертную записку. Здесь, в своем первом периоде жизни она, наверное, спасла Блока впервые.

Но супружеская жизнь с Блоком (с 1903 г.) для нее началась трагически, как сама она писала в мемуарах: «И я решаюсь говорить о тех трудностях и сложностях, которые встали перед моей коренной неосведомленностью в делах жизни, в делах любви. ... Он сейчас же принял теоретизировать о том, что нам и не надо физической близости, что это «астартизм», «темное» и Бог знает ещё что». Наделив жену чертами неземной Возлюбленной (сборник стихов о Прекрасной Даме), он не воспринимал её как земную женщину с её обычными земными потребностями: «Когда я ему говорила о том, что я-то люблю весь этот ещё неведомый мне мир, что я хочу его — опять теории: такие отношения не могут быть длительны, все равно он неизбежно уйдет от меня к другим. ... Отвергнута, не будучи ещё женой, на корню убита основная вера всякой девушки в незыблемость, единственность». Была короткая вспышка чувственного увлечения, но она лишь убедила Блока в своей теории.

В 1904 году А. Блок знакомит свою жену с молодыми символистами Сергеем Соловьевым и Андреем Белым (литературный псевдоним Бориса Бугаева), которые уже были заочно влюблены в нее, как в Прекрасную Даму. Скорее угадывая, что в семье Блоков не все в порядке, Белый сначала для того, чтобы друг опомнился, начинает ухаживать за Л. Д. Потом влюбляется всерьез. Долгое время исследователи приписывали Л. Д. Блок и А. Белому любовную связь. Об истинном положении вещей мы можем прочесть в мемуарах. Л. Д. была близка к измене. Белый даже хотел продать свое поместье и за вырученные деньги бежать с любимой хоть на край света. Решительный отказ Л. Д. нанес ему глубокую душевную рану. «Но тут вся беда была в том, что равный Саше (так все считали в то время) полюбил меня той самой любовью, о которой я тосковала, которую ждала, которую считала своей стихией ... Андрей Белый, который был в те времена авторитет и для Саши, которого мы всей семьей глубоко уважали, признавая тонкость его чувств и верность в их анализе. Да, уйти с ним это была бы действительно измена». В отчаянии Белый идет на крайние меры — вызывает законного мужа своей возлюбленной на дуэль. И только активное вмешательство Л. Д. предотвратило трагическую развязку их отношений: «Саша, как всегда, спокоен и охотно идет навстречу всему худшему — это уж его специальность. Но я решила взять дело в свои руки и повернуть все по-своему, не успели мы ещё подняться на балкон. Встречаю Кобылинского [секунданта — авт.] непринужденно и весело, радушной хозяйкой... Ну, а за обедом уж было пустяшным делом пустить в ход улыбки и «очей немые разговоры» — к этому времени я хорошо научилась ими владеть и знала их действие. К концу обеда мой Лев Львович сидел уже совсем прирученный, и весь вопрос о дуэли был решен... за чаем». Конечно, трагедии могло не случиться, и оба остались бы живы. Но похожая ситуация была описана А. Бестужевым-Марлинским в повести «Роман в семи письмах»: «Я убил его, убил этого благородного, великодушного человека! ... В забвении стоял я над

хладным трупом [...] и напрасно припоминал, за что убил его. Я чувствовал свое преступление и не находил ему вины, и напрасно искал извинения в своей страсти — она как будто развеялась с выстрелом, будто застыла в крови соперника. Мне казалось, что я убил лучшего друга, любимейшего брата...».

Это было второе спасение Блока Прекрасной Дамой, а может быть и Белого, или сразу обоих.

После этих событий Л. Д. с головой окунулась в театральную-гастрольную жизнь. её яркая жизнелюбивая натура требовала своего выражения. Театру актриса Любовь Басаргина (творческий псевдоним Л. Д., который она взяла в честь тетки, бывшей замужем за декабристом Н. В. Басаргиным) отдавала себя полностью. Часто ездила на гастроли: Псков, Оренбург, Украина... С мужем не прекращалась переписка. Они скучали друг без друга, тем не менее, долго вместе быть не могли. У каждого была своя личная жизнь. Возможно, ей хотелось вырваться из клетки — образа Прекрасной Дамы, и зима 1906-1907 гг. как бы «опутала», «закружила» «каким-то легким хмелем». А. Блок впервые «публично» изменяет жене — это увлечение актрисой Н. Волоховой, вдохновившей его на создание поэмы «Снежная маска». Проявив великодушие к измене мужа, Л. Д. решает и на свою. её первым избранником стал Г. Чулков, и Блоку пришлось смириться с этим. Драматизм ситуации отразился в драме «Роза и крест» (прототипы главных героев: А. Блок, Н. Волохова, Г. Чулков и Л. Блок).

Тем не менее, как свидетельствует переписка, духовно Блоки-супруги оставались близки друг другу. Один из следующих романов Л. Д. заканчивается новой драмой (он подробно описан в мемуарах). Л. Д., всегда боявшаяся материнства, забеременела. Поэт решает, что это будет их общий ребенок. Но человек предполагает... Мальчик, названный в честь великого деда Дмитрием, прожил всего неделю. Это событие оставило свой след и в душе матери, и в душе Блока, который готов был признать сына своим. Он пишет стихотворение «На смерть младенца» и до конца жизни посещает маленькую могилку.

После столь нелегкого испытания Блоки уезжают за границу. С 1909-го по 1912 год все шло более или менее мирно. Но впоследствии Л. Д. охарактеризовала этот период двумя словами: «Без жизни». Душевные раны затянулись, и по возвращении в Петербург снова начинается бурная творческая деятельность.

В 1912 году Л. Д. стала инициатором одного очень интересного предприятия. В те годы значительными событиями в культурной жизни российской столицы стали летние театральные сезоны в дачных театрах Петербурга. Наиболее известные дачные театры — это знаменитый Прометей, который находился на границе Оллили и Куоккалы, и териокское Казино. На сценах этих театров выступали многие известные деятели культуры: М. Горький и М. Андреева, А. Блок и К. Чуковский, Н. Евреинов и В. Мейерхольд, В. Маяковский и Л. Андреев — имена можно перечислять очень долго.

Именно идею создания такого дачного театра в Териоках, где можно было бы свободно и творчески работать, не обременяя себя финансовыми обязательствами, подала Л. Д., а также спонсировала постановки на деньги, полученные от отцовского наследства. Руководителем и главным режиссером Товарищества актеров, музыкантов, писателей и живописцев, в которое входили артисты А. Мгебров, В. Чекан, В. Веригина, Л. Блок, режиссер В. Соловьев, композитор М. Гнесин, художники Н. Сапунов, Н. Кульбин, Ю. Бонди, поэт М. Кузьмин и другие, был Всеволод Эмильевич Мейерхольд. Репертуар, с которым выступало Товарищество, был достаточно разнообразным, в нем нашли место и веселые комедии, и серьезные драматические пьесы, концертные номера, пантомимы, чисто экспериментальные постановки молодых режиссеров. Многие из пьес возможно было поставить именно в Териоках, так как в царской России они были запрещены (например, «Винновны — невиновны» известного шведского драматурга Августа Стринберга, одного из самых в те годы популярных в России писателей). Александр Блок считал, что наиболее интересной была игра трех актеров, а именно: Л. Д. Блок, Александра Мгеброва и Виктории Чекан. То, что его жена — актриса, Блоку часто было неприятно, и он не скрывал этого, но в Териоках его мнение об артистических способностях Любови Дмитриевны изменилось. Он отмечал в ней «зататки здоровой работы», хотя и признавал отдельные недостатки.

Вообще, история жизни и творческой деятельности Л. Д. Блок «обросла» до наших дней разнообразными мифами. Первый миф об отношениях Л. Д. с Андреем Белым мы уже описали выше. Второй миф — о том, что Л. Басаргина была посредственной актрисой. Да, она не выступала на больших сценах, не имела больших ролей, её

привлекала гастрольная жизнь и в истории провинциальных театров Л. Д. оставила свой след в числе знаменитых актеров. Но была ещё одна причина, которую Л. Д. описывает в своих мемуарах так:

«Вообще брезгливости и преувеличенной чистоплотности во мне было гораздо больше, чем то было нужно для успешного прохождения жизненного пути. Я совершенно была не в состоянии пойти навстречу человеку, которому я нравлюсь, если тут могла получиться для меня корысть. Несколько таких случаев, когда я себе сильно вредила: отказывала режиссеру (между прочим, культурному и даже интересному) в том «внимании», которое ему казалось просто даже его «правом» и, как на зло, у него перед носом бросалась навстречу какому-нибудь забулдыге «Петьке», и многое такое... Теперь мне кажется идиотичным, что я не использовала положение Блока для достижения своих целей все из той же брезгливости. Правда, и он, как нарочно, ничего не делал, чтобы помочь мне в моем пути и таким образом даже и вредил, так как, конечно, могло вызвать только сильный скептицизм его невмешательство, которое казалось сознательным отстранением вследствие неверия. Но если бы я просила, если бы я объяснила ему, — конечно, он стал бы помогать, это я знаю наверно. И я ещё пуще гордилась и пыталась идти одна. Все, чего я в театре добивалась, я добила сама, безо всякой посторонней поддержки, наоборот, с большим гандикапом подавляющих имен — отца и мужа». Вот она вся — открытая щедрая натура.

Почему же, читая о Блоке и его жене, его возлюбленной, его музе, образ Любви Дмитриевны вырисовывается столь негативный, дескать, Люба бросила поэта, когда он нуждался в этом, Люба опять пишет в письмах «любовный лепет» (В. Орлов), относится к своей внешности предвзято, увлечение театром — это лишь способ уйти в новый роман и пр. Все это вроде бы подтверждается документально: письмами, дневниками. И тут возникает естественный вопрос, почему Блок, не терпящий ни фальши, ни лжи, так и не свергнул Л. Д. с пьедестала Прекрасной Дамы, наоборот, все больше нуждался в ней и ценил. Тогда рядом с «Любиным любовным лепетом» должен существовать и «Сашин любовный лепет». Но по отношению к великому поэту так написать невозможно. А вместо этого Блок пишет в своих дневниках: «У меня женщин не 100-200-300 (или больше?), а всего две: одна — Люба, другая — все остальные» (А. Блок). «Все остальные» — это и Волохова, и Дельмас, которая, по словам Л. Д., «победила все травмы и только с ней узнал Блок желанный синтез и той и другой любви», и множество других женщин, любимых поэтом и любивших его.

Бурный роман А. Блока с Л. Дельмас заканчивается быстро — виной этому был отъезд Л. Д. на фронт (шел 1914-й год): «Немногие знают, что когда грянула Первая мировая, когда Блок кричал по телефону Гиппиус, что «война — это прежде всего весело», Люба уже решила идти на фронт. Писала оттуда корреспонденции, которые печатались под рубрикой «Из писем сестры милосердия». И уж совсем удивительно, что Блок посылал ей в действующую армию свежие журналы мод. «Зачем ей там моды?» — изумилась Веригина. На что мать поэта ответила: «Саша знает, что она это любит, — её немного развлечет»... Потом в армию призывают и Блока. Встретив его в ресторане Царскосельского вокзала (Загородный, 52), Гумилев, уже одетый в военную форму, скажет Ахматовой свою знаменитую фразу: «Неужели и его пошлют на фронт? Ведь это все равно что жарить соловьев...».

Взять хотя бы письма Л. Д. с фронта. В. Орлов упоминает, что некоторые из них анонимно опубликовал сам Блок. Разумеется, они представляли некую ценность (хотя многие и были правлены цензурой), иначе, почему Блок вообще сделал это. Почему анонимно? Возможно, Л. Д. не приняла бы открытой помощи. Известна фотография, где Л. Д. Блок — в форме сестры милосердия. Она уехала на войну в одном из первых отрядов и провела в действующей армии девять месяцев. Преимущественно во Львове, в составе госпиталя Кауфмановской общины. Говорят, из нее вышла образцовая сестра милосердия: «Мама, сегодня я, наконец, получил письмо от Любы. Она с трудом нашла свободный час, чтобы написать. Она сидит отрезанная от всего мира в Львовском госпитале, в большой палате, устроенной ей самой. В коридорах в грязи лежали 200 раненых, которых несколько дней мыли и переносили в палаты. Обед — полчаса, 10 минут чай, а потом сестры засыпают как убитые. Люба ничего не знает о войне, только с утра до вечера делает всё, что нужно, для раненых...» (А. Блок).

После окончания 1-й мировой войны начинаются глобальные перемены в общественно-политической жизни. Петербург становится новым незнакомым городом Петроградом. Едва успев отметить 300-летие царского дома Романовых в России, монархия перестала существовать. Прекрасных Дам больше нет, равно, как и господ, на смену им приходят «товарищи». Товарищем и стала для своего мужа Л. Д. В 1918 г. была написана Блоком небезыз-

вестная, а может и роковая поэма «Двенадцать». Многие «товарищи» по перу осудили поэта. Именно Л. Д. первая читала её публично, именно с этой поэмой она выступала в кабаре «Бродячая собака», организовывала вечера Блока. Когда в разорённой войной и революцией стране шла борьба за выживание, как могла, поддерживала семью, доставала продовольствие, дрова, налаживала быт.

Дважды Прекрасная Дама спасала поэта, но в третий раз не успела, Блок заболел. Его болезнь, больше душевная, чем физическая, прогрессировала. Единственным выходом было увезти поэта за границу. Блок, очевидно, готовясь принять свою судьбу, долгое время отказывался, но и новая власть не давала разрешения на выезд. Именно Л. Д. хлопотала по всем инстанциям, вела переписку с М. Горьким. 7 августа 1921 г., как раз в тот день, когда приехал заграничный паспорт, великий поэт умер.

С этого момента начинается третий период жизненного пути Л. Д. — вдовы великого поэта. Об этом периоде нам известно менее всего. Зато больше всего мифов. У некоторых даже есть свои авторы. Например, К. И. Чуковский писал: «3 марта 1925 г. Видел недавно Любовь Блок: или она прибудняется, или ей действительно худо. Потёртая шубёнка, не вставленный зуб, стоит у дверей — среди страшной толчеи, предлагает свои переводы с французского. Вдова одного из знаменитейших русских поэтов, Прекрасная Дама, дочь Менделеева! Я попытаюсь устроить ей какой-нибудь заработок, но думаю, что она переводчица плохая. ... 22 марта 1925 г. Звонила мне вдова Блока — в её голосе слышится отчаяние, она нуждается катастрофически. Что я могу? Чем помогу?».

Или же Э. Лимонов: «Когда Блок уже давно был мёртв, в 1928 году какой-то мемуарист, не помню кто, но помню сцену, встретил Любу Менделееву, толстенькую, маленькую женщину с папиросой, в коридоре какого-то учреждения вроде «Потребсоюза» или издательства, она курила. Прекрасная Дама! Любовь Блока, она была в плохих рваных чулках. Боже мой, лучше бы она умерла!».

Неоднократно она спасала и духовно поддерживала Блока. Свои деньги, доставшиеся в наследство от великого отца, потратила на развитие театра. Её милосердие помогло сохранить жизнь многим и многим раненым 1-й мировой войны. Руки Прекрасной Дамы, как и многих других, пропахли селёдкой и гнилой картошкой, которые она чистила для всей семьи в кратких перерывах между выступлениями в тяжёлые послереволюционные годы: «Я щедра. Я щедра не только на деньги, но и на свою душу, даже дух. Я всегда щедро разбрасывала себя, отказываясь от того, что считала ценнейшим и, к сожалению, не только для Блока, но для других — часто первых встречных. И не потому, что не ценила в те минуты себя; нет, из вечно присущей мне брезгливости к мелочности. Дарить себя по мелочам? Нет, дарить щедро, дарить то, что мне представляется драгоценным». Ей же помогать никто не собирался — только презрение, только слова: «лучше бы она умерла!».

До смерти свекрови они вместе проживали в той самой квартире, где умер Блок. Болезнь сердца заставила Л. Д. уйти со сцены. Она делала французские переводы и писала воспоминания «И были, и небылицы об Александре Блоке и о себе» (1929).

Она свято оберегает память о своем муже. Потому с большой неохотой принимает у себя критиков, историков, искусствоведов и др., пытавшихся писать о Блоке. Наверное, в связи с этим главным мемуаристом семьи Блока считается его тётка М. А. Бекетова, которая никому не отказывала в приёме и всегда любила рассказать о гениальном племяннике. После смерти Марии Андреевны в руки Л. Д. попали её дневники и письма матери Блока, содержание которых потрясло её до глубины души: «Нет слов, которыми они не поносили бы меня. И некрасивато, и неразвита, и зла, и пошла, и нечестна, «как мать, да и отец» (это у Александры Андреевны)! Вот до чего доводили одну — явно сквозящая зависть, другую — дикая ревность ко мне. Нормально это? Назвать Менделеева нечестным — это можно только с пеной у рта, в припадке сумасшествия. Всей этой подкладки я не знала, конечно, и от Саши она тщательно скрывалась («Люба удивительная, Люба мудрая, Люба единственная» — вот что для его ушей)». Для Л. Д. же всегда главной была правда отношений. Не надуманная, а действительная. Эта честность,

смелость её характера, душевная прямота во многом мешали ей и в обыденной жизни. Друзей у неё было немного.

На это время приходится её новое увлечение балетом. С помощью своей подруги А. Вагановой, Л. Д. устраивается преподавать историю балета в Хореографическое училище при Театре оперы и балета им. Кирова — бывшем Мариинском. Пишет вступительную статью к книге Вагановой.

Она переживает вторую молодость, вступает в пору подлинного творческого расцвета. Она работает в одиночку, на свой страх и риск, по собственной программе, исходя из собственного понятия, что такое балет и как надо писать о балете. И за 5 лет, как утверждают искусствоведы, делает больше, чем многие теоретики и историки, писавшие об искусстве танца, за всю жизнь. Оказывается, Л. Д. долгие годы хранила в себе не только литературный, но и исследовательский талант. Историк по образованию (как писалось выше, в юности Л. Д. окончила Бестужевские высшие женские курсы), она исследует историю классического танца и балета, и делает это по-своему, умело соединяя в своей литературной деятельности образность мысли А. Блока и научно-исследовательскую методику гениального отца. Использует при этом в своей работе очень редкий иконографический метод, который до неё практически никто не применял для описания танца. По сути, как отмечали многие, она создаёт свою «Периодическую систему» — систему балета.

Её театроведческие работы, статьи по исследованию классического танца, портреты отдельных деятелей балетного искусства (М. Тальони и др.), напечатанные в 1937-1939 гг., вместе с рукописью «Возникновение и развитие техники классического танца. Опыт систематизации», также с сохранившимися страницами для книги о Ш. Дидло, основателе российского балета, были собраны в книгу «Классический балет. История и современность», которая впервые была издана в 1987 г., через 48 лет после её смерти, и высоко оценена современными искусствоведами. «Скажем так: у неё была сверхзадача. Именно сверхзадача позволила Л. Блок найти в себе истинные сверхчеловеческие силы, в короткий срок овладеть безграничным неосвоенным материалом, в такой же короткий срок осмыслить этот увлекательный, но чужой материал, и преобразовать его в текст, ставший в уровень лучших образцов русской художественно-критической прозы» — писал В. Гаевский.

И хотя в ещё не старой женщине невозможно было узнать блоковскую Прекрасную Даму, на внешности, которую она когда-то так любила и которой гордилась, отпечатались и минувшие страсти, и трагедии, она сохранила бодрость духа и острый менделеевский ум.

Пусть читатель не думает, что Л. Д. вела затворнический образ жизни. Она всегда была окружена молодыми артистами балета, которые часто приходили к ней домой. Квартира, в которой она проживала с тёткой Блока, М. А. Бекетовой, была разделена пополам. Из половины, принадлежащей Л. Д., была вынесена почти вся мебель, установлены большие зеркала и балетный станок, нетронутым оставался маленький островок — диван Александра Александровича, портрет Блока работы Г. Гиппиус над ним и шкура на полу... В мемуарах Л. Д. упоминает о своей любимой ученице. Кто она? Доподлинно нам не известно. По некоторым сведениям, это Г. Кириллова, в будущем основавшая свою школу балетного искусства в Киеве, внёсшая большой вклад в развитие украинского балета. Наряду с Кирилловой дома Л. Д. занималась с артистами Кировского и Малого оперного театров — Н. Дудинской, В. Чабукиани и другими, ставшими впоследствии известными деятелями советского балета, ревниво опекая их, передавая свои знания, уча и при этом у них же и учась. Её душа всегда была открыта всему новому и прогрессивному. Из всех известных ей балетных школ, Л. Д. всегда выделяла ленинградскую / петербургскую, считая, что именно за ней будущее балета. Поэтому, изучив написанное ею и о ней, нам кажется, что роль Л. Блок в жизни ленинградского балета 30-х годов, не очень заметная со стороны, была очень существенна.

К сожалению, многим творческим планам Л. Д. не суждено было сбыться.

Есть красивая история, а может миф, будто бы Л. Д. ждала в гости подругу, но почему-то ей, каждый день вспоминая мужа, показалось, что за ней придёт её Саша. Раздался звонок в дверь, она пошла открывать, и сердце, так долго болевшее, остановилось.

Грустно. Но ещё грустнее другая история.

Несколько десятков лет спустя, советский публицист Нея Зоркая, многие годы изучавшая жизнь и творчество Блока, в одном из своих эссе описывает интервью с людьми, жившими по соседству с поэтом и его женой сначала

до его последних дней, а потом и её.

— Любовь Дмитриевну хоронили тихо-тихо, скромно-скромно, никого народу не было. Не верилось даже, что дочку Менделеева хоронят. Плохо было, несолидно.

...я хотела попробовать избрать путь, даже как будто и подсказанный самим Блоком: «свято лгать о прошлом»... Комфортабельный путь. Комфортабельно чувствовать себя великодушной и всепрощающей. Слишком комфортабельно. И вовсе не по-блоковски. Это было бы в конце предать его собственное отношение и к жизни, и к себе, а по мне — и к правде. Или же нужно подняться на такой предел отрешённости и святости, которых человек может достигнуть лишь в предсмертный свой час или в аналогичной ему подвижнической схиме. Может быть, иногда Блок и подымал меня на такую высоту в своих просветленных строках. ... Может быть, и во мне были возможности такого пути. Но я вступила на другой путь, мужественный, фаустовский. На этом пути если чему я и выучилась у Блока, то это беспощадность в правде. Эту беспощадность в правде я считаю, как он, лучшим даром, который я могу нести своим друзьям.

Л. Д. Блок

Авторами статьи сделана попытка глубже понять и раскрыть жизнь и творчество Л. Д. Менделеевой-Блок не как блоковского образа, а как человека, имевшего собственные жизненные принципы и устои, основываясь не столько на отзывах критиков, литературоведов, биографов, сколько на дневниках, письмах, творческом наследии самой Л. Блок. В этой статье рассмотрены три периода — «возраста» её жизни: детство и юность, замужество, творческая зрелость.

Л. Д. не верила в мистику, в неё верил А. Блок-символист. Но именно мистики говорят, что полное взросление человека происходит в период от 18 до 21 года... И три периода жизни Л. Д., приблизительно равные по своей продолжительности, удивительным образом совпадают с этими цифрами.

Каждый из них характеризует Л. Д. как высокодуховного, творческого, незаурядного человека. Она всегда была на виду, и как дочь великого учёного, и как жена великого поэта, и как самостоятельная творческая личность. Но есть и ещё один период жизни человека — период, когда начинают «жить» его творения. Для Л. Д. этот период, наверное, настает только сейчас. В этой статье мы лишь намекаем на него. Творческое наследие Л. Д. Менделеевой-Блок очень долго пылилось на полках архивов и в частных коллекциях, а теперь оно даёт новую жизнь своему автору.

Дмитрий ЖУКОВ, aka “DANTE”

Харьков

Поговорим о фэнтези

Важная составляющая в литературе, это — язык, или даже скорее стиль, характер и манера автора выражать свою мысль. Язык вносит существенные коррективы, как способ отражения мировосприятия; стиль же придаёт специфичность и неповторимость.

Происхождение фэнтези. От верований древних — к живому и яркому воображению

Большинство людей знают о том, что «фэнтези» изначально было лишь словом, а потому и не могло расцениваться, как литературный жанр. Само слово сравнивалось с воображением, или скорее с самой способностью представлять и фантазировать. Прежде, чем фэнтези стало самостоятельным жанром, мы знали только о научной фантастике, и любое ответвление так же воспринималось, как научная фантастика. Некоторые специалисты относят фэнтези не к конкретному жанру, а к категории субжанра. И, тем не менее, настойчивое требование фэнтези быть признанной, как жанр, или хотя бы как субжанр, очевидно и вполне обоснованно количеством и качеством изданной литературы, представленной на суждение и критиков, и публики. Учёные и критики по-прежнему спорят о том, что является основополагающим: фантастика или всё же фэнтези. Здесь, как мне кажется, следует обратиться к верованиям и представлениям об устройстве мира древних людей. Однако прежде чем начать, я бы хотел выразить свою точку зрения, и сказать о том, что у обоих жанров, а я таковыми считаю и фэнтези, и научную фантастику, есть тенденции быть схожими и прямо, и косвенно, иногда и взаимозаменяя друг друга, а чаще, я бы сказал, — дополняя друг друга. Всё сказанное зависит от конкретного источника, к которому мы обращаемся.

Эпическая поэма о герое Гильгамеше вполне подходит для того, чтобы разобраться в том, насколько тесно переплетены фэнтези и фантастика, как обе они могут создавать фон друг для друга и одновременно стоять на переднем плане. Гильгамеш обладал невероятной силой и, будучи полубогом, построил для жителей своего царства Урук оборонительные укрепления. Его сила и знание были призваны оберегать его дом, однако божественная часть всегда стремилась к высшему, а потому Гильгамеш обращался к мудрости Утнапиштима. Герой эпической поэмы использовал так называемый портал для своих путешествий. Эта идея наталкивает нас на то, что Шумерская цивилизация была не просто великой, но была продвинута в использовании неизвестных нам технологий контактирования с внеземным. Это был своего рода источник, который возможно поддерживался жрецами культов тех времён или некими хранителями. Всё это засвидетельствовано в исторических хрониках.

Далее я воспользуюсь термином «астронавт».

Наш мир пестрит бесчисленным множеством разнообразных мифов, легенд и даже религий, которые возникли сразу же после появления этих таинственных «астронавтов». Конечно же, таковыми они на самом-то деле не являются. Это боги и божества, сверхъестественные сущности, прилетевшие посетить землю на своих чудесных колесницах. Этим колесницам подходит скорее термин «космические корабли» (возможно, это и есть те самые порталы, о которых идёт речь; не исключено, что это некая универсальная технология или даже межпространственный уникальный поток энергии, посредством которого знающий способен перемещаться и внутри, и вовне пространственных координат; полагаю, что путешествие осуществляется посредством использования и сознания, и подсознания на сверхуровне, и позволяет путешествующим вступать в контакт с прочими существами согласно их уровню сознания, дабы исключить непонимание, страх, и как результат — агрессию). Мы могли бы с улыбкой отнестись к подобным историям, если бы они не имели тенденцию повторяться. В культуре каждой цивилизации каждого народа есть ссылки на подобные контакты. Конечно же, есть и такие документы, записи которых до сих пор не расшифрованы, что даёт повод полагать, будто сделаны эти самые записи не людьми, но предназначены они — для людей. Осознание истины и понимание, равно как и принятие существования материи на разных уровнях, а не только проявляющуюся в виде человека, позволит расшифровать древние записи, соединив их в читаемые тексты. Эпическая поэма о Гильгамеше описывает возникновение нашей планеты, что имеет сходство с Библией. Однако учёные продолжают игнорировать подобные утверждения, ссылаясь на то, что если древние всё же контактировали с инопланетным разумом, то почему мы не можем.

Сложный вопрос для тех, кто не привык видеть дальше своего носа. Однако я полагаю, что неведение или незнание не даёт повод отрицать. Возможно, для нас уже сделали всё возможное. Здесь, наверное, стоит сказать огромное спасибо писателям-фантастам, которые представляют и фантазируют на тему того, как могла бы выглядеть встреча человека с теми, кого мы называем инопланетянами. Для некоторых из них мы, быть может, такая же загадка, как и они для нас. Всё зависит от точки зрения и готовности изменить её.

Фантазии фэнтези. Великая вселенная бесконечных миров

Вселенная — это форма жизни. Причём постоянно развивающаяся. В этом мы схожи. Существование измерений, временных и пространственных координат, параллельных миров, даже самого времени, как мы его себе представляем, — лишь стремление дать всему окружающему нас многообразию проявлений название, чтобы не запутаться. Наша жизнь — это процесс, который изменчив и подвижен. Используя понятие «мир», я подразумеваю не конкретно нашу планету, но всю вселенную. Давайте представим наш мир, как большой дом. Некоторые его места мы посещаем чаще других: одни — потому что любим в них пребывать, они дарят нам приятные воспоминания,

с ними что-то связано важное для нас; другие места в этом самом доме мы посещаем по необходимости. Это — мир, пространство, которое мы делим с теми остальными, кто пребывает в нём. Вселенная не имеет границ и пределов, однако эти границы существуют для нас в нашем разуме, который в попытке уберечь нас становится тюремщиком. Однако это не суть рассматриваемого вопроса.

Давайте представим мир, как нечто, что можно оставить на какой-то промежуток времени, и ничего страшного не случится. Конечно же, наша планета велика, гораздо больше, чем те дома, в которых мы живём. И всё же, так ли уж они отличны? Давайте подумаем о нашей планете как не о чём-то просто уникальном, а как о части чего-то уникального и совершенного, без чего великое и уникальное никогда бы не было совершенным — таким, каково оно есть.

Вся наша вселенная состоит из таких вот домов, и каждый из них по-своему уникален и важен. То же самое и с литературой. Неважно, жанр это или субжанр — они одаривают нас своим многообразием, палитрой красок и оттенков. Некоторые миры фэнтези — это королевства, в которых эльфы сражаются с людьми, отстаивая своё право на существование и свободу. В других мирах эти же самые эльфы, быть может, лишь чуточку отличные, сражаются плечом к плечу с людьми, пытаясь отвоевать свой дом у демонов и оживших мертвецов, что пришли из других соседних миров-домов, как завоеватели. Одни для нас представляют свет, потому что защищаются, другие же — силы зла, потому что они несут смерть, хаос и разрушение. В первом случае мы имеем дело с политикой, во втором, это нечто большее, чем расовые предрассудки и предубеждения.

История и фэнтези. Рисуня прошлым будущее

Наше прошлое и будущее отражаются друг в друге, как в зеркале, — они связаны. На этом можно было бы поставить точку. Однако я этого делать не стану, и позволю себе немного порассуждать.

ёлагаю, что наши предки действовали четко, создавая предпосылки для будущих поколений двигаться по намеченному ими курсу. Принципиальное отличие людей друг от друга заключается в том, как каждый из нас воспринимает окружающий его мир. Некоторые объясняют эти отличия, ссылаясь на языковые отличия и особенности географии каждого отдельного народа. Всё верно, но не совсем. Я, конечно же, не буду пытаться кого бы то ни было убедить в том, что не так уж мы и отличаемся друг от друга, я не ставлю перед собой такую задачу. Но я хочу сказать, что яблоко всегда будет яблоком: оно может быть зелёным, красным или жёлтым, любым, но всегда будет фруктом, которым мы привыкли наслаждаться. Разница наблюдается во вкусе: кто-то любит сладкие, кто-то кислые, а кто-то и кисло-сладкие. Это то, как мы воспринимаем окружающий мир, построенный на контрастах. Так мы учимся, если, конечно, таков наш выбор.

Я полагаю, что людей посеяли, как семена, чтобы они со временем вырастали и становились фруктовыми деревьями: кто-то станет яблоневым, кто-то персиковым, а кто-то апельсиновым. Многообразие и разнообразие этого мира — и есть красота. Наши предки мечтали о совершенном мире, строя его для последующих поколений, неистово молясь своим божествам, чтобы они помогли нам не сойти с этого пути. Преуспели они и мы в этом — сложно сказать. Думаю, здесь следует поразмыслить над тем, что нужно, чтобы преуспеть. И всё же, успех — это лишь составляющая часть предстоящего действия. Лично я убеждён в том, что главными составляющими следует считать волю и стремление преодолевать трудности. Ими и следует руководствоваться. Здесь хотелось бы привести несколько цитат из творческого наследия известного писателя-фантаста Рея Брэдбери. Люди вроде него и творят историю этого мира, равно как и сам мир.

«Я из категории мечтателей — выдумщиков нового. Они появились ещё в пещерном веке. Тогда человечество было совсем примитивным, искало пути к выживанию... Оттуда, собственно, и берет начало научная фантастика. Топор, нож, копье, колесо — всё это было фантастикой. Идея развести костёр сначала зарождалась в мозгу, а уж потом воплощалась в реальность».

«Марс — это наше будущее. Мы, американцы, находимся в своей стране лишь потому, что однажды Колумб открыл этот континент. И так как уже кто-то другой открыл страну, где мы живём, все, что нам остаётся — открывать другие земли. Марс — идеальное направление».

Рей Брэдбери был человеком, полагавшим, что при помощи пера и бумаги он в состоянии создать нечто многим более интересное, чем сотня программистов с современными машинами. Он также считал, что вселенная — это театр, а мы — публика, цель которой является наслаждение представлением, а если что-то нас не устраивает, то мы обязаны покинуть театр и не мешать другим.

Я убеждён в том, что любое творческое деяние, любая творческая инициатива имеют основополагающий характер, который и определяет путь прогресса. История человечества — это память, что охватывает и взлёты, и падения: творческая деятельность — это подлёты, войны и катастрофы — очевидные падения. Однако, как уже было сказано, наш мир — это мир контрастов.

И, завершая своё повествование, я бы хотел сказать, что фэнтези со всей её историей и географией заслуживает стать чем-то вроде науки, поскольку как жанр или субжанр она требует не только литературного подхода, но и психологического. В конце концов, я не думаю, что любезный читатель станет возражать против того, что фэнтези вызвало неоднозначную реакцию, являясь попыткой переосмыслить некоторые философские взгляды на жизнь, представляя нерадикальный взгляд на вещи.

Елена КОРО
Евпатория, АРК

Поэт, писатель, публицист, литературный обозреватель литпортала Книгозавр.

От автора

Когда в начале нового тысячелетия появился литклуб «Гель-Гью» и стал издаваться альманах «Polus-Крым», стала евпаторийским редактором альманаха, вела в нём рубрику «Миры и мифы». Тогда же прошёл первый семинар крымского клуба фантастов. На нём впервые и прозвучала идея сотворения Фаззии (фантастической поэзии), моё эссе о поэтической фантастике «Фазт-Крым» было напечатано в журнале «Чёрное море». В 2005 году вышел первый сборник фаззии «Я — лёгкий образ мира».

Сборник «Я — лёгкий образ мира» характерен этим переходом в «фазты»: «Фазт несёт в реальность неуловимую духовную гармонию всего живого и истинного с целью очистить и возвысить сознание будничное и заземлённое: его задача — донести множеству читателей светлый, тонко тканый образ, отблеск миров духовных, чтобы пробудить отзвук и отклик в душе каждого, стремление к вечно высокому».

Я рассматриваю фаззию в общекрымском контексте как попытку художника противостоять торжеству разрушения.

Фаззия — путь творческой индивидуальности, направленный на выход из безвременья.

Фаззия — состояние души, желающей преодолеть безумие времени и разрушающей эпохи.

Фаззия — попытка духа вновь обрести гармонию, присущую всему живому.

Фаззия — стремление уберечь, перефразируя Мориса Метерлинка, «душу поэзии», слабый огонёк, ведущий к великой цели, — сохранению себя как личности, сохранению в себе художественного видения мира, сохранению культуры как высшего проявления человеческого в человеке и обществе.

Фаззия — это, возможно, утопическая, иллюзорная попытка пробудить в читателе ощущение невыразимо прекрасного, бесконечно светлого и такого призрачно хрупкого, ускользающего счастья.

Фазтослов часов

Существует несколько методов прочтения «Часов».

Во-первых, необходимо отметить, что ещё английский романтик У. Вордсворт метафорически уподобил сутки чудесному образу вращающегося колеса, чьи мгновения, подобно неустанным спицам, сливаются в непрерывном мелькании. Итак, в нашем случае в коловращении суточного колеса стремительно сменяют друг друга часы японского зодиака. Каждому часу согласно старинному японскому исчислению времени соответствует зодиакальное животное. Мелькают часы в суточной круговерти, скользят по поверхности сферы, сменяя друг друга, образы животных: Крысы — Быка — Тигра — Зайца — Дракона и т. д.

Заинтересованный взгляд неопита-читателя притягивает волшебная сфера, прозрачный хрустальный шар «часов», вращающийся подобно маленькому глобусу. Эта чудесная сфера укутана едва прозрачным дымчатым покрывалом, скрывающим от непосвящённых лицо Истины. Познать её можно несколькими способами. Вот как поэтически описывает методы познания мистик-кабалист Зогар: «Подобная красавице, спрятавшейся во внутренностях своего дворца, которая, в то время как её любимый проходит, открывает на мгновение потайную дверь, через которую она видима только им, и снова исчезает надолго, доктрина показывает себя только избранным и показывается не с одинаковой полнотой всем избранникам. Вначале она лишь делает знак рукой мимоходом, и тогда дело в том, чтобы узреть этот знак, — это есть метод, который называют методом намёка; позднее она приближается несколько ближе, нащёптывая несколько слов, но облик её покрыт густым покрывалом, через которое взоры не могут проникнуть, — это есть метод, именуемый методом образным; ещё дальше она предстает перед избранником с лицом, прикрытым лишь легким покрывалом, — это есть метод агады; наконец, когда он, таким образом, привыкает к такому общению, она предстаёт пред ним лицом к лицу и раскрывает затаённые уголки своего сердца, — это есть метод мистический. Посвящённый тогда легко постигает все те многочисленные таинственные истины, которые скрыты под внешним смыслом и которые не могут быть ни сокращены и не дополнены».

Так Истина, Великая мать, Богиня наставляет избранных. В Египте это Изиды, супруга Озириса; во Фригии — Цибелла; Премудрость — в Книге Премудрости Соломона; Эвридика — в орфических гимнах; в Самофракии, Греции и Риме — Церера (или Деметра); у скандинавов — Фрейя.

Мы же назовём её Фазтикой, дивной сферой сущего — Фазта, истинной азбукой Фаззии (фантастической поэзии), буквы которой и надлежит познать фазту (поэту фантастического), посвящаемому в таинственные истины, дабы выразить их образным языком фаззии.

Итак, перед нами сфера «Часов». К познанию Алфавита, или Фазтослова часов мы будем приближаться согласно древним методикам мистиков.

Обозначим некоторые константы нашего фазтослова условными терминами. Назовём буквы нашей символической азбуки понятием «фаззы». В волшебной сфере фазтики фаззам соответствуют константы-часы старинного японского исчисления времени. Будем в дальнейшем обозначать часы, как фаззы Фазтики.

Таким образом, наша чудесная сфера состоит из 12 констант-часов, из 12 символических букв фазтослова. Премудрость Фазтики пронизывает внутреннее содержимое сферы, ткёт дивные картины, сочетая буквы гармонически связями, создавая волшебные сюжетные узоры из образов фаззии, соответствующих буквам-часам фазтослова.

Фазтослов часов — это чудесный букварь, книга-азбука для посвящаемого в таинства фаззии. Неопиту надлежит стать избранником Фазтики, предстоит пройти мистический путь посвящения в фазты.

Таинственные буквы проступают вначале изысканными контурами, лёгкими намёками привлекают внимание неопита, проступая на поверхности волшебной сферы, едва мерцая под дымчатым покрывалом, окутавшим хрустальный шар.

Присмотревшись внимательнее, посвящаемый начинает различать знаки, скрывающиеся за неуловимыми очертаниями букв. Так начинает действовать метод намёка.

Глаз неопита различает сменяющие друг друга образы животных: Крысы — Быка — Тигра и т. д. Он замечает, что сквозь контур буквы-часа проглядывает соответствующий образ животного; буквы расцветаются определёнными цветовыми тональностями. Так вступает в силу метод образный. И вот вслед за мелькающими фразами: час Зайца — час Дракона — час Змеи и т. д., возникают поэтические строки японских трёхстиший — хокку, соответствующих символу каждого часа. Отдельные фазы дают начало поэтическим строкам, рождается фаззия. Дымчатое непроницаемое покрывало, окутывающее сферу, становится прозрачным. Посвящённый легко следит за поэтическими картинками, мелькающими на поверхности шара:

ЧАС ЛОШАДИ ЧАС ОВНА

Небо Демерджи. Лик в зелени вод.

Всадник в ущелье духов. — Путь на спуск — в отраженье.

Солнце смеётся. Чай с лотосом пью

и т. д. Расширяется и углубляется сознание избранника. Бегущие по поверхности сферы строчки хокку увлекают неопита в мистическое путешествие по отдельным мирам, сквозящим за лёгкими очертаниями букв, слов, строк. Эти миры сочетаются в глубинах сферы пластическими токами, взаимообуславливая друг друга. Возникают новеллы часов, назовём их фаэмами. Каждая фаэма-мир чётко структурирована. Она состоит из трёх частей. Каждую часть последовательно открывает строка хокку, вынесенного в эпиграф фаэмы. Согласно нашему фаэтослову, фаэза-час сферы фаэтики, сферы сущего, последовательно, трехступенчато развертывает свое содержание в мир-фаэму. Определяющим символом фаэзы-часа становится соответствующее зодиакальное животное. Этот первообраз определяет содержание хокку, первичной цельной поэтической миниатюры. С возникновением первой поэтической картинки-миниатюры (хокку) рождается фаэзия первообразов. Из этих 12 первичных картин состоит первый раздел наших «Часов» — «Миры первообразов фаэзии». Эта образная картинка, сюжетно развиваясь и наполняясь деталями, превращается в новый синтетический жанр, миниатюру-новеллу, в которой переплетаются разнообразные поэтические и прозаические стили. Это мини-комментарий первичной образной картинке-хокку — с помощью средств фаэзии. Произведение этого синтетического жанра мы обозначим условным понятием «фаэма». Раздел «Часов» «Миры фаэм» складывается из 12 фаэм, соответствующих 12 первичным константам фаэтики — 12 фаэзам часов.

Итак, равно как на первичном этапе буквы азбуки сочетаются друг с другом в единую сферу фаэтики (полный круг — 12 фаэз); на втором этапе происходит гармоническое сочетание первообразов фаэзии, представленных в фаэтослове «Часов» в виде хокку. На третьем этапе возникает произведение нового синтетического жанра — фаэма. 12 фаэм, по аналогии, взаимообуславливаясь, составляют полную сферу миров фаэзии.

Последний раздел «Часов» в комментариях к парам противоположных часов методом сравнительного анализа: час Крысы — час Лошади; час Быка — час Овна; час Тигра — час Обезьяны и т. д., частично раскрывает и прослеживает связи между определёнными фаэмами. Синтез пары противостоящих фаэм приводит к выявлению определённого качества, интеграла и производного двух противоположных миров-фаэм. Таким способом было выявлено шесть качеств-интегралов. Эти качества и составили синтетическое ядро сферы фаэтики.

Таким образом, в результате поэтапного, последовательного творческого анализа и последующего синтеза мы выявили шесть категорий сферы фаэтики: в истинном вневременном свете проявленная индивидуальность, несущая мирам Красоту, Любовь, Добро, утверждающая Истину — духотворчеством. Эти категории выявляют суть нашего фаэтослова. Эти качества раскрываются в природе индивидуальности фаэта духотворчеством в мистическом пути Посвящения.

Феномен фаэзии

*Так замереть над книгой знанья
Запретного мне раз пришлось;
Глаз жадно тил строк очертанья...
Но буквы, — смысл их, всё слилось
В фантазиях... — без содержания...
Эдгар По «Тамерлан»*

В этом, на мой взгляд, суть романтизма: поймать очертанья строк книги знания и ускользнуть, не доглядев, не разглядев букв и их смысла, рассеяться в фантазиях без содержания. Вследствие этого постоянное стремление настичь и постичь тайный ускользающий смысл поэзии. Лёгкие фантазии на первых порах, как у курильщиков опиума, сменяются у романтиков, в итоге безнадежных блужданий в этом мире фантазий без содержания, мрачными апокалиптическими видениями, однако и они только фантазии Поэзии, суть которой (её буквы (азбука)), по-прежнему скрыты от взора потомков пеленой видений.

Именно так, в блужданиях без смысла, именно там, в пелене иллюзий, в плену видимостей была зачата фантастическая поэзия (фаэзия). Дух романтизма выпестовал её. Но, как цветок лотоса из болотной тины, выросла фаэзия из мрачных, зачастую безобразных видений постромантической эпохи, преодолев существование вне Сущего

(экзистенциализм) (очевидно, пробившись к Сущему, сиречь Творцу, путём последовательных усилий творческого/их субъекта/ов — прим. А. У.), сбросив покровы мрачных иллюзий сюрреализма, и, наконец, утвердившись в знании истинной азбуки, духовных букв Поэзии.

Незримое Провидение вело фаззию сквозь миражи, чтобы взрастить способность её духа отличать иллюзорное от существующего, а существующее от Сущего. Обозначим Сущего фаззии условным понятием — Фаэт.

Этот Высокий Субъект постепенно, сверхъестественно (в силу фантастичности самой фаззии) вводит вечные объекты, архетипы сущего в мир существования (экзистенции) поэзии. Обозначим их условным термином — фаззы. Ими, первоэлементами, кирпичиками, оперирует Фаэт в творческом пресуществлении из состояния бытийности в состояние осуществлённой экзистенциальности.

Фаззы — это неделимые константы, буквы фаззии, алфавит, или в высоком понимании квинтэссенция фаззии — Фаэтика. Сама фаэтика — синтез констант-первоэлементов в точке Сущего. Вспомним «Алеф» и «Сферу Паскаля» Хорхе Л. Борхеса. Определим фаззу, как алеф, содержащий в себе одновременно всё: как в состоянии первичного синтеза первоэлементов сущего, так и в состоянии конечной дифференциации каждого элемента в виде первообраза существующего. Определим фаэтику как сферу, центр которой везде, а пределы нигде. Таким образом, каждая точка сферы фаэтики — фазза сущего — центр миротворения, Алеф мироздания, квинтэссенция, содержащая в себе потенциально всё: и синархическое единство сущего, и иерархическое множество существующего; каждая точка запредельна и беспредельна. Число фазз сущего условно бесконечно, как условно бесконечно число точек сферы фаэтики, центр которой везде, а пределы нигде. Итак, фаэтика — категория сущего, сфера, состоящая из условно бесконечного числа точек. Каждая точка — фазза сущего — квинтэссенция, алеф сферы. Следовательно, фаззы фаэтики и запредельны, и трансцендентны.

Каждая трансцендентная точка даёт начало имманентному миру. Число имманентных миров — фазз фаззии — также условно бесконечно. Существование имманентных миров объединено в гармоничное целое живым током фаззии, пластично сплетающей миры экзистенции — фаззы существования — в живой узор красоты существующего (переполнение Вселенной, ибо каждый имманентный мир суть тоже носитель бесчисленного множества фазз. — Отражение-отражения-отражения-отражения... где каждое последующее равнозначно предыдущему.

Очевидно, где-то предусмотрен предел. Возможно, как раз на уровне вещного мира, где фаззы переходят в состояние потенциальности.)

Итак, фаззия — категория существования, её фаззы — глубоко индивидуальные миры первообразов — квази-фаззы сущего. Если Высокий субъект сущего, Фаэт, мыслью объединяет точки сферы — константы фаэтики, если сама фаэтика мыслью Фаэта движется от точки к точке, стимулируя фаззы к созданию имманентных миров, то вся эта идеальная деятельность сознания Высокого Субъекта трансцендентна творческому сознанию поэта (в дальнейшем этого посредника и проводника фаззии будем называть фаэтом). Следовательно, категориями и элементами сущего этот тип сознания оперировать просто не в состоянии, вернее, он способен мыслить о трансцендентном, но для осуществления трансцендентного творчества в имманентном сознании нет элементов трансцендентного (и не может быть), с помощью которых имманентное сознание могло бы осуществить акт трансцендентного творчества. Удел творчества фаэта — сопряжение в момент творческого экстаза с фаззами имманентных миров существующего (будем называть эти миры в дальнейшем истинными мирами воображения фаэта). Для такого сопряжения необходимо несколько условий:

- 1) существование в сознании фаэта базовых элементов — фазз экзистенции — в виде символов и образов фаззии;
- 2) творящая сила фаззии, связующая воображение фаэта с самими фаззами истинных миров воображения;
- 3) творческий экстаз, как момент сопряжения.

Итак, фаэт, руководствуясь этими факторами, создаёт некое синтетическое целое, состоящее из субъективных элементов его сознания, из базовых констант фаззии и из условно объективных миров воображения. В силу всех этих условий творчество и творения фаэта глубоко индивидуальны.

Без соответствия базовых символов фаззии и субъективных качеств личности фаэта невозможен творческий экстаз, так как невозможно сопряжение высококачественных фазз с низкими (или даже безобразными) эстетическими и этическими сторонами субъективного мира фаэта, а, следовательно, невозможно сопряжение с истинными мирами фаззии. Главной задачей и целью фаэта является следование высоким качествам фаззии; очищение и трансформация субъективных элементов внутреннего мира с целью эстетического и этического соответствия внутреннего содержания сознания уровню высококачественной фаззии. В этом фундаментальное отличие творчества фаэта от творчества поэтов иных направлений. Если внутренний уровень фаэта не соответствует качественно знанию букв фаэтики, всё опять ускользает в «фантазии без содержания».

Содержанием фаззии является высокий уровень синтеза рядов фазз, которые выстраиваются фаэтом, оперирующим элементами систем, относящихся к различным видам искусств, религий, философии, отчасти науки. Сочетая элементы разных систем по закону аналогии или тождества, фаэт получает базовую ячейку своего творчества — синтетическую автономную фаззу. Такие фаззы сопрягаются в качественно новое единство — ряд фазз. Сочетая ряды фазз, фаэт получает качественно высокий уровень синтеза.

Следуя этой закономерности, мы понимаем, что истинные миры воображения включают в свой состав элементы разных систем и отличаются друг от друга определёнными качествами. Именно совокупность качеств лежит в основе синтеза множества имманентных миров. Некое качество является духовной образующей того или иного мира, который выстраивается вокруг этого качества, как периферия вокруг центра; данное качество определяет элементы, тональности, связи имманентного мира.

Высокий Субъект, Фаэт, оперируя некой совокупностью фазз фаэтики как набором определённых качеств, методом анализа добывается низведения в имманентное определённой фаззы, проявляющейся в нём дифференцированным множеством — имманентным миром. Непосредственно фаэт, оперируя определённым количеством единичных факторов фаззии, методом синтеза этих фазз восходит к искомому качеству. Итак, качество — точка

сопряжения в имманентном непосредственного проявления фазы сущего и конечного синтеза творческой деятельности фазета. Достижение точки качества возможно только тогда, когда субъективный состав сознания фазета соответствует и тождественен качеству духовного интеграла.

Следовательно, мы видим из вышеописанного, что сознание фазета сопрягается с проявленным качеством сущего в имманентном в высший момент духовно-творческого экстаза только тогда, когда оно (сознание) в полном объёме способно отождествиться с высшим качеством существующего. В этом фазет подобен духовному подвижнику...

Фазет несёт в реальность неуловимую духовную гармонию всего живого и истинного с целью очистить и возвысить сознание будничное и заземлённое: его задача — донести множеству читателей светлый, тонко тканый образ, отблеск миров духовных, чтобы пробудить отзвук и отклик в душе каждого, стремление к вечно высокому.

Живым током струится фаззия от миров духовных, сопрягаясь с высокоразвитым сознанием личности, трансформируя низкие элементы в сознании личности во всё более высокие категории, в корне изменяя саму личность.

Как легендарный Фазтон, устремляется фазет в мир огненной духовности, но горячие лучи духа не сжигают его и не бросают оземь, но, изменив естество, превращают в фазета духа, властителя огненной стихии. Трансформируясь в мгновенном революционном взлёте, Фазтон превращается в Фазета-Победителя.

Фаэтика — азбука точек

В первой статье цикла мы определили, что фаэтика — синтез констант-первоэлементов, букв-фаэз в точке Сущего. Следовательно, наша азбука (квинтэссенция фаэтики) сводится к Алефу, то есть все буквы нашего алфавита (фаэтослова) начинаются в Алефе, как точке Сущего, затем, дифференцируясь в трансфинитные множества внутри целого (Алефа), обретают квази-бытие в условиях относительной беспредельности производных частиц первичного целого. Их бытие ограничено и обусловлено SAT — чистым бытием Эн-Софа (в каббале), или же, согласно нашему фаэтослову, чистым бытием Фаэта. С другой стороны, перводанное сущее, Алеф, согласно теории множеств, не больше, чем какая-либо из составляющих его частей, производных чистого бытия Алефа.

Эта взаимная обусловленность целого и его частей, чистого бытия запредельной точки и относительной квази-беспредельности частиц разрешают кажущуюся парадоксальность созданием целостного интегрального бытия внутри сферы, центр которой, как об этом писалось в предыдущей статье, везде, а пределы нигде.

Так, фаэтика из чистого бытия точки Сущего — Фаэта — превращается в сферу интегрального бытия точек, как производных первичной точки, или же, продолжая ряд аналогий, — букв Буквы (Алефа), чисел Числа, символов Символа. Так Алеф творит Алфавит; а, по нашей терминологии, Фазет создаёт Фаэтослов. Буквы нашего алфавита, символы-фаэзы фаэтослова, объединяются живыми, гармоничными связями в сфере Фаэта — фаэтике.

По мере сотворения Сущим Алфавита, Фаэтом — Фаэтослова, первичная точка передаёт творящую силу интегральному множеству производных точек — алфавиту, сама же удаляется в запредельность чистого бытия вне своих атрибутов, отрешаясь от творческой деятельности, становясь трансцендентной сотворённому ею множеству — алфавиту. Так Фазет удаляется в трансцендентность, передав все свои творческие полномочия Фаэтике — сфере точек-букв Фаэтослова. На этом этапе каждая составляющая фаэтослова — фаэза фаэтики, наделённая творческой властью, даёт самобытное существование частицам внутри себя самой, создавая тем самым трансфинитное множество, объединённое в новую сферу.

Создаётся новый план бытия в форме множества сфер, производных от букв фаэтослова, внутри сферы фаэтики. Материнская сфера фаэтики со множеством дочерних сфер-миров внутри себя имманентна первичной точке сущего — Фаэту.

В дальнейшем сферы букв нашего алфавита, рождаясь, обретают самобытное существование в качестве имманентных миров фаэзии, сплетающей миры в живой, гармоничный узор чистой экзистенции.

На этом этапе творения Фаэтика, разрешившись от бремени миров, удаляется от творческой деятельности. Она вновь возвышается к Фаэту, точке Сущего, уходя в трансцендентную запредельность по отношению к рождённым ею мирам фаэзии. Чистая экзистенциальность фаэзии сочетает пластическими связями сферы миров-букв фаэтослова в гармоничные картинки существования первообразов букв алфавита.

Так, фаэзия на стадии чистой экзистенции творит миры первообразов.

В этот период в творческую деятельность включается фазет (поэт фантастического). Вдохновлённый мирами первообразов фаэзии, он создает творения, соответствующие высоким качествам фаэзии. Так индивидуальность фазета, включаясь в сотворческую деятельность, раскрывается полностью сама в творчестве и открывает всем ищущим истинные миры фаэзии. Чистое сотворческое существование индивидуальности фазета, миров первообразов и фаэзии трансцендентно и запредельно по отношению к имманентному существованию сознания творческой личности ищущих.

Задачей фазета, как это уже говорилось в первой статье цикла, является раскрытие индивидуальных миров фаэзии, миров духа: из трансцендентной запредельности индивидуальности — в имманентное существование личности с целью возвысить, изменить и раскрыть начатки духа, начатки индивидуальности в каждой творческой личности.

Продолжение следует.

Юлия КУЛИКОВА

Харьков

Поэтический эрос, или Миф о Сафо

Наверняка каждому попадали в руки поэтические произведения эротического содержания. Одни считают чтение подобных — делом сомнительным, другие — не видят в этом ничего особенно развращающего или растлевающего.

В русской и зарубежной литературе можно найти тексты эротического содержания. Разумеется, в каждую литературную эпоху была цензура, накладывающая запрет на подобные произведения. Последнее время запреты ослабли — после упрощения цензуры как таковой. Единственным требованием к эротической литературе является обязанность быть совершенной в художественном отношении.

Произведения эротического характера не есть все и сплошь отталкивающие скабрёзностью или аморальностью своего содержания. Умение передать именно страсть, а не пошлость, — удел и способность, а может быть умение и дар отнюдь не каждого, взявшегося за исследование данной области человеческой сущности.

Основной стержень, на мой взгляд, — в творческом подходе к реальности происходящего. Здесь я подразумеваю, что моделированное чувство — для человека, знающего и понимающего в литературе — видно сразу. И совсем другое дело, если передавать истинное чувство, пережитое, вкладывая душу в повествование (не важно, поэтическое или прозаическое), тогда само произведение становится живым, воспламеняющим умы читателей своей неподдельной «сущностью».

Так, в творчестве любого поэта есть периоды (циклы или отдельные произведения), которые принято относить к любовной или эротической поэзии (да, разница между эротической поэзией и любовной лирикой присутствует, но существуют разные мнения по поводу соотношения того или иного произведения с конкретным жанром).

Что же на самом деле побуждает писать стихотворения столь личного содержания?

Возьмём за точку отсчёта начало XIX века, когда аромат эротики пронизывал воздух литературных и театральных салонов, придавая остроту и пикантность искусству. Гомоэротические связи почти не скрывались и почти не считались предосудительными. Сафическая любовь была если не в моде, то не новостью, и воспринималась по-разному.

Марина Цветаева тоже попала под влияние своей эпохи. А может быть, это не было влиянием эпохи — просто жизнь поэтессы сложилась так, что подобные отношения имели место быть в её жизни.

Итак, эрос — Сафо — Цветаева. Что общего?

Осенью 1914 года Марина Цветаева знакомится с поэтессой Софией Парнок, женщиной на девять лет старше себя.

То ли от неудовлетворённости (хотя на тот момент Цветаева уже была женой и матерью), то ли от нежелания «постороннего в своём теле», Марина бросается в омут вспыхнувшей страсти. (Впоследствии сама Цветаева достаточно подробно опишет эти отношения в своём «письме к Амазонке».)

Зимой 1919-20 года она собирает стихотворения, обращённые к Парнок в цикл «Ошибка». Видимо, так Цветаева пыталась показать и определить своё отношение к этому эпизоду жизни. Позже Цветаева изменит первоначальное название «Ошибка» на «Подругу», чтобы не выказывать открыто всю интимность тайны.

Нельзя отрицать ни страстного увлечения Цветаевой, ни её привязанности к Парнок. Но чем могла быть вызвана эта связь? Что могло так притягивать Цветаеву в Парнок? Жизненный опыт? Или свойственное им обоим желание (скорее — жажда) жизни? «Судорожная, лихорадочная жадность жить», — так Цветаева напишет в письме В. Розанову. А может — любопытство, неременная черта гения, ощущение родной души, счастье и свобода «любить сердцем без тела, любить без страха, любить, не причиняя боли».

София Парнок — властная, активная, играющая, непостоянная...

*...Вы были уже с другой,
С ней путь открывали санный,
С желанной и дорогой, —
Сильнее, чем я — желанной...*

Строки этого стихотворения свидетельствуют о женской ревности Марины Цветаевой. Было ли это на самом деле — нам не знать. То есть, имела ли место быть неверность Парнок. Но, исходя из автобиографичности цветаевского творчества можно судить о подобном поведении Софии Парнок, как о действительно произошедшем.

Только ли страсть, или была и любовь? Особая, особенная любовь к старшей подруге...

*...повторю в канун разлуки,
Под конец любви,
Что любила эти руки
Властные твои...*

София Парнок видела и чувствовала всю серьёзность увлечённости Марины Цветаевой собой. О чём она [С. Парнок] победоносно заявит в письме С. Эфрону — мужу Цветаевой:

*Не ты, о юный, расколдовал её.
Дивясь на пламень этих любовных уст,
О, первый, не твоё ревниво, —
Имя моё помянет любовник.*

Но настает момент, когда обе рванутся друг от друга, по разным причинам: у Парнок — следующее увлечение, у Цветаевой — стремление освободиться от чар этой уже нестерпимой страсти. Цветаева знала, что не в силах сама оторваться от Парнок, и потому заклинает отпустить её:

... Разлюбите меня, все разлюбите!

Это почти крик души. Той Души, которую она в Парнок сначала нашла, и которая потом ей «встала поперёк души...».

Последние стихотворения к С. Парнок, написанные после окончательного разрыва, говорят о материнско-дочернем оттенке их отношений:

*В оны дни ты мне была, как мать,
Я в ночи тебя могла позвать...*

И Цветаева звала, звала не только все те полтора года, сколько длились эти отношения. Звала так же как она сама — откликнуться на её чувства — звала всех, но не все поняли, не все приняли, не все захотели и сумели понять, принять цветаевскую особость...

Стихотворения Цветаевой — это страстный монолог: весь их строй, весь темп согласован с жестом, с дыханием...

Звонкая и сильная — Цветаева притягивала и притягивалась сама к себе же подобным, и, вероятно, любви хотела яркой, ничуть не омрачённой болью, тяготами и утратами.

Двадцать лет спустя в «Письме к Амазонке» Цветаева пытается проникнуть в самую суть гомоэротических отношений между женщинами, найти их корни и понять причину их краха. По её мнению, началом всего являются поиски Души. И на эти поиски Марина Цветаева потратила всю свою жизнь, чтобы в один из отчаянных дней — будучи ещё Сафо — сказать:

*...Счастлив, кто тебя не встретил
На своём пути...*

Анна МИНАКОВА

Харьков

Нино, возлюбленная Александра

В высокой, романтической, трагичной истории отношений выдающегося русского человека Александра Сергеевича Грибоедова (поэта, музыканта, мыслителя, дипломата) и юной грузинской княжны Нины Чавчавадзе — как в капле воды отражаются и многовековые приязненные узы русского и грузинского народов, чье географическое соседство и культурные взаимопроникновенные общности нередко подвергаются проверке на прочность. Мы все — по обе стороны границ — верим, что сегодняшние трудности отношений, искусственно и искусенно созданные нашими врагами, будут преодолены. Быть может, новым позывом к потеплению русско-грузинских отношений станет и 200-летний юбилей (4 ноября по нов. ст.) Нины Чавчавадзе (Грибоедовой), фактически ровесницы Отечественной войны 1812-го года, в которой, к слову сказать, одним из ярчайших героев стал грузинский князь Багратион, сложивший у Бородина голову за свободу России.

Судьба Нины Чавчавадзе в чем-то перекликается с судьбой Натальи Гончаровой. Обе появились на свет в год Бородинского сражения, обе отличались поразительной красотой, обе в ранней юности стали женами светил русской культуры — двух Александров Сергеевичей (Пушкина и Грибоедова), обе рано овдовели. Правда, Наталью Гончарову после гибели её супруга ждали порицание и клевета, а Нино Чавчавадзе была любима и почитаема в свете.

Ее отец, князь Александр Чавчавадзе, генерал-майор русской армии, крупнейший грузинский поэт и литератор, губернатор-наместник Нахичеванской и Эриванской областей, создал в Тифлисе своеобразный культурный центр притяжения светских кругов, военных и интеллигенции. Служивший в 1822 г. в Тифлисе Грибоедов стал вхож в дом блестящего князя. На глазах Александра Сергеевича росла и воспитывалась старшая дочь А. Чавчавадзе, кареглазая Нино. Грибоедов, недурно музицировавший, сочинявший музыку (помним его вальсы), стал обучать девочку игре на фортепиано. Однажды в шутку «дядя Сандро», умиленный прилежностью ученицы, сказал ей: «Если будешь и дальше так стараться, я на тебе женюсь». Кто же тогда знал, что эти слова окажутся пророческими.

Снова оказавшись в Тифлисе в 1828 г., А. Грибоедов посетил дом старого друга и был поражен необыкновенной красотой выросшей Нины, изысканностью её манер и душевной добротой. Современники свидетельствовали, что Нино была стройной, грациозной брюнеткой, с чрезвычайно приятными и правильными чертами лица, темно-кариыми глазами. Известно, что Грибоедов сравнивал юную грузинку с Мадонной работы испанского живописца Б. Мурильо.

16 июля 1828 г. в Тифлисе, в доме Прасковьи Николаевны Ахвердовой, которая была большим другом семьи Чавчавадзе состоялось объяснение А. Грибоедова. В письме приятелю Булгарину Грибоедов вспоминал об этом судьбоносном вечере: «Я обедал у старой моей приятельницы Ахвердовой, за столом сидел против Нины Чавчавадзевой... Все на нее глядел, задумался, сердце забилось, не знаю, беспокойства ли другого рода, по службе, или что другое, придало мне решительность необычайную, выходя из-за стола, я взял её за руку и сказал ей: «Пойдемте со мной, мне нужно что-то сказать». Она меня послушалась, верно, думала, что я усажу её за фортепьяно, вышло не то... Мы взошли в комнату, щеки у меня разгорелись, дыханье занялось, я не помню, что я начал ей бормотать, и все живее и живее, она заплакала, засмеялась, я поцеловал ее... нас благословили, я повис у нее на губах, во всю ночь и весь день».

В адрес невесты Грибоедова со всех сторон сыпались комплименты. Вот слова генерала Альбранта: «Улыбка Нины Александровны так хороша — как благословение! При свидании скажи, что я поклоняюсь ей, как магометанцы — солнцу восходящему!». Сослуживец Александра Сергеевича К. Аделунг, погибший в Тегеране вместе с Грибоедовым и другими сотрудниками русской миссии, так характеризовал Нину: «...она необычайно хороша, её можно назвать красавицей, хотя красота её грузинская. Она, как и мать ее, одета по-европейски; очень хорошо воспитана, говорит по-русски и по-французски и занимается музыкой».

В истории остались и письма некоего Николая Сенявина, служившего на Кавказе в 1827—1828 гг.: «Цветок целого мира пленил меня, и в уснувших чувствах моих пробудилась наконец страсть, дотоле мною не знаемая. Все, что в мире есть священного, я не нахожу уже более ни в ком, как в ней одной. Где найду я себе другую, хотя сколько-нибудь подобную ей? Нигде, ибо, доживши до 28 лет, видал ли что-нибудь похожее? Нет, в мире не может существовать такого совершенства! Красота, сердце, чувства, неизъяснимая доброта, как умна-то! Божусь, никто с ней не сравнится!»

Среди поклонников Нины Александровны были весьма «видные» персоны. Среди них — Сергей Ермолов, сын знаменитого грозного генерала А. С. Ермолова, наместника Кавказа, генерал-лейтенант В. Д. Иловайский, поэт и генерал Григорий Орбелиани, чьи ухаживания Нина отвергала в течение 30 лет. её сердце принадлежало только А. С. Грибоедову.

«Полномочный министр в Персии Его Императорского Величества статский советник и Кавалер Александр Сергеевич Грибоедов вступил в законный брак с девицею Ниною, дочерью генерал-майора, князя Александра Чавчавадзе и супруги его, княгини Саломеи», — такая запись была сделана в церковной книге 22 августа (3 сентября) 1828 г. в Сионском кафедральном соборе в Тифлисе. Грибоедову было 33 года, Нине — 15. Во время венчания Александр Сергеевич, страдавший от лихорадки, уронил обручальное кольцо, что считалось дурным предзнаменованием. Как тут не вспомнить, что суеверный Пушкин тоже ронял кольцо на венчании.

Отголоски недолгого семейного счастья Александра и Нины звучат в письмах А. Грибоедова. Вот фрагмент из его письма давней знакомой Варваре Миклашевич: «Как это случилось? Где я, что и с кем? «Будем век жить, не умрем никогда!» — Слышите? Это жена мне сейчас сказала, ни к чему, — доказательство, что ей шестнадцатый год. Но мне простительно ли, после стольких опытов, стольких размышлений, вновь броситься в новую жизнь, предаваться на произвол случайностей и все далее от успокоения души и рассудка. А независимость, которой я был такой страстный любитель, исчезла, может быть, навсегда, и как ни мило, как ни утешительно делить все с милым, воздушным созданием, но это теперь так светло и отрадно, а впереди так темно, неопределенно! Бросьте вашего Троспера и Куперова «Prairie», — мой роман живой у вас перед глазами и во сто крат занимательнее; главное в нем лицо — друг ваш, неизменный в своих чувствах, но в быту, в роде жизни, в различных похождениях не похож на себя прежнего, на прошлогоднего, на вчерашнего даже; с каждою луною со мною сбывается что-нибудь, о чем не думал, не гадал».

Чавчавадзе (Грибоедова). Картина работы Нателы Ианкошвили

Вскоре после женитьбы супруги были вынуждены отправиться в Персию. Их сопровождал огромный караван в сто десять лошадей и мулов. Нино сопровождала мужа, уже будучи беременной и часто болея. Не желая подвергать Нину опасностям, А. Грибоедов оставил её в Тавризе — своей резиденции полномочного представителя Российской империи в Персии, и в декабре 1828 г. отправился в Тегеран в одиночестве.

За две недели до гибели, в Сочельник, Грбоедов написал жене письмо (это единственное письмо к Нине, сохранившееся до наших дней). Приведем его полностью. Нам, читателям, знающим о печальных событиях, ожидавших автора письма, теперь слышится в этих строках обреченность и безысходность: «...Бесценный друг мой, жаль мне тебя, грустно без тебя как нельзя больше. Теперь я истинно чувствую, что значит любить. Прежде расставался со многими, к которым тоже крепко был привязан, но день, два, неделя, и тоска исчезала, теперь чем далее от тебя, тем хуже. Потерим еще несколько, ангел мой, и будем молиться Богу, чтобы нам после того никогда боле не разлучаться...

Вчера меня угощал здешний Визирь, Мирза Неби, брат его женился на дочери здешнего Шахзады, и свадебный пир продолжается четырнадцать дней... Однако, душка, свадьба наша была веселее, хотя ты не Шахзадинская дочь, и я незнатный человек. Помнишь, друг мой неоцененный, как я за тебя сватался, без посредников, тут не было третьего. Помнишь, как я тебя в первый раз поцеловал, скоро и искренно мы с тобой сошлись, и на веки...

Прощай, Ниночка, Ангельчик мой. Теперь 9 часов вечера, ты, верно, спать ложишься, а у меня уже пятая ночь, как вовсе бессонница. Доктор говорит — от кофеев. А я думаю, совсем от другой причины. Прощай, бесценный друг мой еще раз, поклонись Агалобеку, Монтису и прочим. Целую тебя в губки, в грудь, ручки, ножки и всю тебя от головы до ног.

Грустно весь твой А. Гр.

Завтра Рождество, поздравляю тебя, миленькая моя, душка. Я виноват (сам виноват и телом), что ты большой этот праздник проводишь так скучно, в Тифлисе ты бы веселилась. Прощай, мои все тебе кланяются».

Его въезд в Тегеран пришелся на воскресенье 5-го дня месяца реджеб, когда солнце стоит в созвездии Скорпиона. В глазах персов это было недобрый знаменением и сразу вызвало неприязнь населения. Оберегая интересы России, министр-посланник настаивал, чтобы на Персию не слишком давили с уплатой контрибуций. Но в Петербурге придерживались иного мнения и требовали, чтобы Грибоедов держался как можно тверже. За это его прозвали «сахтир» — «жестокое сердце». Тоскуя по молодой жене, Александр Грибоедов купил красивую чернильницу, отделанную фарфором, и отдал граверу с текстом на французском: «Пиши мне чаще, мой ангел Ниноби. Весь твой, А. Г. 15 января 1829 года. Тегеран».

30 января 1829 г. Александр Грибоедов был растерзан взбунтовавшейся толпой исламских фанатиков. Кроме него погибло более пятидесяти человек, служивших в русском посольстве. Его тело было сильно обезображено и брошено в яму, и опознано впоследствии лишь по ранению, полученному на так называемой «четверной» дуэли, в результате которой у него была прострелена и серьезно повреждена кисть левой руки. Отрубленную голову Вазир-Мухтара (так его именовали персы) носили по городу на палке.

От Нины долго скрывали ужасную новость. По настоянию родственников она вернулась в Тифлис. У потрясенной Нины случились преждевременные роды, спасти ребенка не удалось. Об этом в марте 1829 г. она сообщала в одном из писем: «...Спустя несколько дней после моего приезда, когда я едва отдохнула от перенесенной усталости, но все более и более тревожилась в невыразимом, мучительном беспокойстве зловещими предчувствиями, сочли нужным сорвать завесу, скрывающую от меня ужасную правду. Свыше моих сил выразить вам, что я тогда

испытала... Переворот, происшедший в моем существе, был причиной преждевременного разрешения от бремени... Мое бедное дитя прожило только час и уже соединилось со своим несчастным отцом в том мире, где, я надеюсь, найдут место и его добродетели, и все его жестокие страдания. Все же успели окрестить ребенка и дали ему имя Александр, имя его бедного отца...»

18 июня 1829 г. тело Грибоедова прибыло в Тифлис, и он был похоронен близ церкви св. Давида, где сейчас находится пантеон Мтацминда. По распоряжению безутешной вдовы на могиле Александра Сергеевича был установлен памятник с надписью, пронзившей многие русские и грузинские сердца: «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя?»

Оставшуюся жизнь Нина Чавчавадзе-Грибоедова прожила попеременно в Цинандали и Тифлисе, продолжая носить траур по мужу. Благодаря неизменному траурному платью её стали называть Черной розой Тифлиса.

Автор «Закавказских воспоминаний», окружной начальник в Мингрелии К. Бороздин, познакомившийся с Ниной Александровной, когда ей было уже за сорок, писал о ней: «То был ангел-хранитель всего семейства, а в то же время и существо, которому поклонялись все служившие тогда на Кавказе. Она носила с собою какой-то особенный ореол благодушия, доступности, умения войти в нужды каждого и делать эти нужды других всегда своими. В манерах её не было и тени суетливости, приторности и сантиментальности, столь свойственных огорченным вдовушкам; она вполне обладала изящною простотою тона, составляющею секрет женщины самого высокого круга и воспитания, и всем этим нехотя подкупала всякого. Глаза ее, кажется, никогда не могли состариться: столько было в них выражения доброты, приветливости и ясности душевной».

Н. Чавчавадзе. Фото 1857 г.

Огромные суммы из своего состояния Нина Грибоедова тратила на благотворительность. Со временем она перестала отказываться от развлечений и балов, стала посещать музыкальные вечера и сопровождать отца и сестру на приемах. К слову, её младшей сестре, Екатерине Чавчавадзе, будущей княгине Дадиани, М. Ю. Лермонтов посвятил два стихотворения: «Как небеса, твой взор блистает» и «Она поет — и звуки тают, как поцелуи на устах».

Нина Александровна Грибоедова, урожденная княжна Чавчавадзе, скончалась в июне 1857 г., в возрасте сорока пяти неполных лет, во время эпидемии холеры, пришедшей в Тифлис из Персии. Ухаживая за больным родственником, она отказалась покинуть город, выходила больного, но безнадежно заболела сама. Последние слова её были: «Меня...рядом с ним».

К. Бороздин свидетельствует, что удивительную женщину оплакивал и провожал в последний путь весь Тифлис: «О ней нельзя было не плакать, то было существо редко встречавшееся на белом свете: она вся преисполнена была любовью. Она показала выполнением данного ею обета, на какое глубокое чувство христианского самопожертвования способна грузинская женщина во имя любви. Для этого ей не понадобились ни монашеская ряса, ни келья. Не разрывая связей с той средой, в которой она родилась и жила, всю себя посвятила она её служению. Больше всего на свете дорожила она именем Грибоедова, и своею прекрасною, святою личностью еще ярче осветила это славное русское имя».

В 1879 г. поэт Яков Полонский посвятил памяти этой удивительной женщины стихотворение «Н. А. Грибоедова», завершающееся такими строками:

*...Там, в тёмном гроте — мавзолей,
И — скромный дар вдовы —
Лампадка светит в полутьме,
Чтоб прочитали вы
Ту надпись и чтоб вам она
Напомнила сама —
Два горя: горе от любви
И горе от ума.*

Памятник на могиле А. Грибоедова и Н. Чавчавадзе

В 2010 г. телеканал «Культура» в рамках проекта «Больше, чем любовь» показал фильм «Александр Грибоедов и Нина Чавчавадзе» (сценарий Анны Эпштейн, режиссер Ираклий Кочламазашвили, Грибоедова сыграл Георгий Квливидзе, Нину — Кетеван Габискириа и Гванца Коршиа).

Кадр из фильма «Александр Грибоедов и Нина Чавчавадзе»

А режиссёр Н. Михалков, к сожалению, не осуществил своего намерения снять многосерийную ленту об авторе неувядающего «Горя от ума» и дивного «Грибоедовского вальса» о принявшем мученическую кончину в Тегеране нашем «втором» Александре Сергеевиче. Наверняка достойнейшее место в этой картине занял бы образ супруги Грибоедова, и высоко прозвучала бы нота трагической любви. Верится, что эта удивительная русско-грузинская супружеская пара, а также сам образ княжны Нины Чавчавадзе еще найдет своих художников в литературе и кино, и будет воплощен — быть может, не менее ярко, чем знаменитые образы мировой культуры.

Фото с сайтов ru.wikipedia.org, fotki.yandex.ru, fenixclub.com и др.

Наталья Гончарова. 200 лет безо всякой фальши

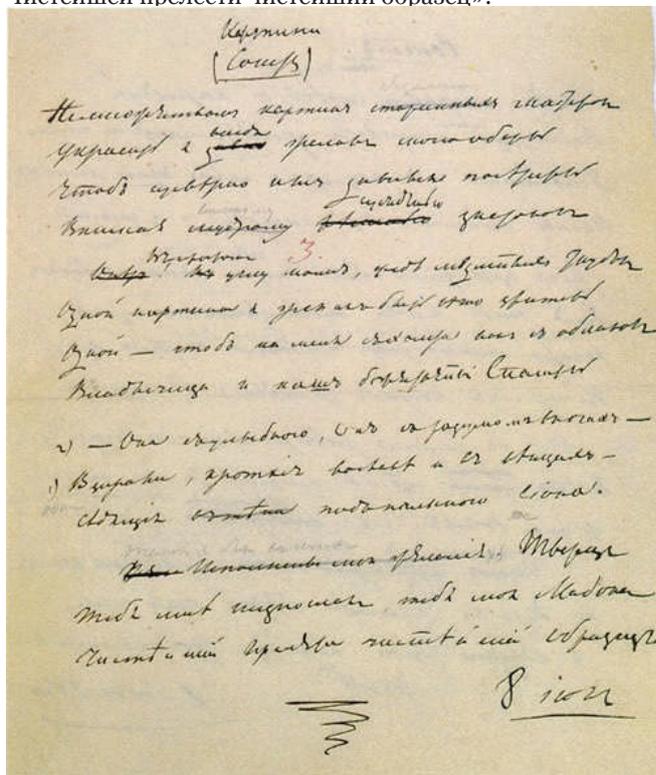
Возможно ли смахнуть пыль столетий и разглядеть человека в той, которая давно превратилась в миф? Как это сделать, когда в памяти возникают лишь плоские картинки, портреты со стен школьного класса, где читались «русский язык и литература»?

Эта женщина вошла в историю как супруга «нашего всего», «солнца русской поэзии», Александра Сергеевича Пушкина, как мать его четверых детей — Марии, Александра, Григория, Натальи, как невольная причина его трагической кончины. Нередко поклонники поэта берутся рассуждать и осуждать, они всегда слишком «много знают», видят все насквозь. В течение многих десятилетий накапливаются суждения сторонних людей. И однажды мы понимаем, что ничего не знаем о Наталье Гончаровой, зато помним, что Ахматова называла её «сообщницей Геккернов в преддзельной истории», «агенткой» нидерландского посланника. А наотмашь бьющая Цветаева резюмировала: «Только — красавица, просто — красавица, без корректива ума, души, сердца, дара. Голая красота, разящая, как меч. И — сразила». Так — ревниво — «пригвоздили» Наталью Николаевну две выдающиеся русские поэтессы, обе по-своему влюбленные в Пушкина.

А сам А. С. Пушкин в 1830 г. писал ей: «Чем боле я думаю, тем сильнее убеждаюсь, что мое существование не может быть отделено от вашего: я создан для того, чтобы любить вас и следовать за вами; все другие мои заботы — одно заблуждение и безумие. Вдали от вас меня неотступно преследуют сожаления о счастье, которым я не успел насладиться. Рано или поздно, мне, однако, придется все бросить и пасть к вашим ногам».

В том же году он посвятил юной Наталье стихотворение «Мадонна», в котором признавался: «Исполнились мои желания. Творец

Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадона,
Чистейшей прелести чистейший образец».

Беловой автограф А. С. Пушкина — стихотворение «Мадонна» с поправками от 08.07.1830 г.

Наталья Николаевна родилась 8 сентября (27 августа по ст. ст.) 1812 г. — на следующий день после Бородинского сражения. В тот момент её семья находилась в поместье Кариан Тамбовской губернии после вынужденного отъезда из Москвы из-за нашествия Наполеона. Она стала пятым ребенком в семье Гончаровых.

Наташа воспитывалась в семье со сложными взаимоотношениями: строгая и властная, порой истеричная мать, отец, сходящий с ума — то ли из-за травмы головы, то ли из-за пьянства, дед, проматывающий состояние. Возможно, все это повлияло на некоторую «закрытость» девушки, которую впоследствии светское общество принимало то за холодность, то за недостаток ума. По словам писателя Н. Раевского, она довольно быстро освоилась в обществе, но так и не стала настоящей светской дамой. В качестве жены «первого поэта России», человека, имевшего не только друзей, но и врагов, Пушкина с самого начала оказалась в «нелегком положении»: одни ожидали видеть в ней совершенство, другие — «искали в его жене недостатки, которые могли бы унижить самолюбивого поэта».

В. Гау. Н. Н. Пушкина. 1842—1843 гг.

Впрочем, были и обратные мнения. Н. Еропкина, знавшая Наталью с ранних лет, вспоминала: «Я всегда восхищалась ею. Воспитание в деревне, на чистом воздухе оставило ей в наследство цветущее здоровье. Сильная, ловкая, она была необыкновенно пропорционально сложена, отчего и каждое движение её было преисполнено грации. Глаза добрые, веселые, с подзадоривающим огоньком из-под длинных бархатных ресниц... Но главную прелесть Натали составляло отсутствие всякого жеманства и естественность. Большинство считало её кокеткой, но обвинение это несправедливо. Не её вина, что все в ней было так удивительно хорошо. Все в ней самой было проникнуто глубокой порядочностью. Все было *comme il faut* — без всякой фальши. Пушкина пленили её необычная красота и, не менее вероятно, прелестная манера держать себя, которую он так ценил».

Пушкин встретил 16-летнюю Наталью Гончарову в Москве в декабре 1828 г. на балу танцмейстера Йогеля. Можно сказать, что с этого момента началась мучительная история сватовства поэта, длившаяся около двух лет. Приятельница Гончаровых Н. П. Озерова рассказывала: «...мать сильно противилась браку своей дочери, но... девушка её склонила. Она кажется очень увлеченной своим женихом». Сама Наташа в письме деду не менее красноречиво выражает свое отношение к Александру Сергеевичу: «Любезный дедушка!.. Я с прискорбием узнала те худые мнения, которые Вам о нем внушают, и умоляю Вас по любви вашей ко мне не верить оным, потому что они суть не что иное, как лишь низкая клевета...»

6 апреля 1830 г. согласие на брак было получено, и через месяц, 6 мая, состоялась помолвка. В связи с переговорами о приданом, разрешением финансовых трудностей, эпидемии холеры и огромного количества прочих неурядиц венчание состоялось только 18 февраля (2 марта) 1831 г. — в московской церкви Большого Вознесения у Никитских ворот, в Сторожах. Во время обряда венчания произошел ряд неприятностей: Александр Сергеевич нечаянно задел аналой, с которого упали крест и Евангелие, при обмене колец кольцо Пушкина упало на пол, а потом у него погасла свеча. На поэта, верившего «знакам судьбы», это произвело тяжелое впечатление.

Памятник Пушкину и Гончаровой на фоне храма Вознесения Господня в Москве. Скульптор М. Дронов. Фото С. Минакова. 6.04.2011 г.

Вскоре после свадьбы А. С. Пушкин писал своему другу П. Плетневу: «Я женат — и счастлив; одно желание мое, чтоб ничего в жизни моей не изменилось — лучшего не дождусь. Это состояние для меня так ново, что, кажется, я переродился».

Натали Пушкина почти сразу же стала одной из первых красавиц Петербурга. Успех жены в обществе, с одной стороны, льстил Пушкину, а с другой стороны, угнетал его — поскольку каждое появление в свете требовало ощутимых расходов. Наталья Николаевна довольно внятно высказывала свое отношение к свету много лет спустя в одном из писем к своему второму мужу, П. Ланскому: «Втираться в интимные придворные круги — ты знаешь мое к тому отвращение. Я нахожу, что мы должны появляться при дворе только когда получаем на то приказание, в противном случае лучше сидеть спокойно дома».

В дневнике 1 января 1834 г. Пушкин записал: «Третьего дня я пожалован в камер-юнкеры (что довольно неприлично моим летам). Но Двору хотелось, чтобы Н. Н. танцевала в Аничкове». Существует мнение, что Николай I был увлечен Н. Гончаровой, и это не могло не раздражать вспыльчивого поэта. «Не кокетничай с царем», — писал он жене.

В письмах к своей Н. Н. поэт обращался озорно — «женка», «душка моя», «какая ты дура, мой ангел!», «баба умная и добрая».

Наталья Николаевна Пушкина. Рисунки А. С. Пушкина на рукописях разных лет.

В 1835 г. произошла встреча Натали с французским подданным, кавалергардом Жоржем Дантесом. По поводу их взаимоотношений написано огромное количество исследований и изысканий, которые читать неприятно и неинтересно — погрязешь в каких-то глупостях, интрижках, анонимных посланиях. Даже странно, что из-за всего этого мог погибнуть человек.

Кузен и секундант Дантеса на роковой дуэли виконт д'Аршиак считал: «Не отдельные лица были причиной гибели Пушкина — не Дантес, Геккерн или Нессельроде, взятые порознь, а все петербургское общество в целом, глубоко враждебное к поэту, беспощадно клеймившему их политическое и сословное исповедание и кидавшему им в лицо свои отравленные и бессмертные сарказмы».

Это же общество не прекратило нападков на вдову, обвиняя её в гибели поэта. Анонимные реплики продолжались, распространялись в обществе, в том числе и в стихотворной форме: «Жена — твой враг, твой злой изменник... К тебе презреньем все здесь дышит... Ты поношенье всего света, предатель и жена поэта».

Супруга одного из самых близких друзей поэта, В. Нащокина, уверяла: «Наталья Николаевна была его богом, которому он поклонялся, которому верил всем сердцем, и я убеждена, что он никогда, даже мыслью, даже намеком на какое-либо подозрение не допускал оскорбить ее... В последние годы клевета, стесненность в средствах и гнусные анонимные письма омрачали семейную жизнь поэта, однако мы в Москве видели его всегда неизменно веселым, как и в прежние годы, никогда не допускавшим никакой дурной мысли о своей жене. Он боготворил её по-прежнему».

М. Савицкий. «Пушкин и Натали»

Она очень тяжело переживала смерть мужа. По свидетельству В. Ф. Вяземской, «конвульсии гибкой станом женщины были таковы, что ноги её доходили до головы». Впрочем, были и те, кто обвинял вдову Пушкина в том, что она недостаточно глубоко страдает, и вообще, «ундина, в которую еще не вдохнули душу».

До конца своих дней она хранила бережную память о погибшем муже. Дочь Натальи Николаевны А. Арапова говорила: «Тихая, затаенная грусть всегда витала над ней. В зловещие январские дни она сказывалась нагляднее: она удалялась от всякого развлечения, и только в усугубленной молитве искала облегчения страдающей душе».

Напомним, что этот краткий шестилетний брак дал миру четверых детей и немалое число потомков в других поколениях, дошедших и до нас.

Фото 08= Дети Пушкина — Гриша, Маша, Таша, Саша. Рисунок Натальи Ивановны Фризенгоф, подруги Натальи Николаевны и её сестры Александры. Михайловское, 1839 г.

По решению императора были оплачены долги Пушкина, назначена пенсия вдове и дочерям до выхода замуж, сыновья записаны в пажы, на них выделялось по 1500 рублей в год до поступления на службу. Из Петербурга Наталья Николаевна с детьми и сестрой Александриной выехала уже 16 февраля 1837 г. — в Полотняный Завод, к брату Дмитрию. Почти два года она прожила в деревне, как и просил её поэт перед смертью: «Поезжай в деревню. Носи по мне траур два года, а потом выходи замуж, но только не за шалопаю».

Наталья Николаевна возвратилась в Петербург в начале ноября 1838 г. и пеклась о сохранении наследия супруга. По её инициативе начались переговоры о выкупе Михайловского у сонаследников для детей поэта, а в августе 1841 г. на могиле Пушкина в Святогорском монастыре было установлено надгробие.

В 1844 г., через семь лет после смерти Александра Сергеевича, Наталья Николаевна приняла предложение руки и сердца от генерала, командира конногвардейского полка Петра Петровича Ланского. Свадьба состоялась в Стрельне 16 июля 1844 г., венчание проходило в церкви Спасо-Преображения. Николай I пожелал быть «посаженым отцом», но Наталья Николаевна, по словам Араповой, уклонилась от этого предложения. Ей было 32 года, Ланскому — 45. Прежде он женат не был. Детей Пушкина Петр Петрович принял как родных. В новой семье родилось еще три дочери: Александра, Елизавета и Софья.

Друзья Пушкина положительно отзывались о Ланском. Плетнев писал: «Он хороший человек». Таково же было мнение Вяземского: «Муж её добрый человек и добр не только к ней, но и к детям».

В петербургском доме Ланских в конце 1840-х гг. часто гостили дети друзей. Наталья писала мужу: «Положительно, мое призвание быть директрисой детского приюта: Бог посылает мне детей со всех сторон, и это мне несколько не мешает, их веселость меня отвлекает и забавляет. Я никогда не могла понять, как могут надоедать шум и шалости детей, как бы ты ни была печальна, невольно забываешь об этом, видя их счастливыми и довольными».

Перед самым концом Крымской войны, осенью 1855 г., П. Ланской был командирован в Вятку, куда вместе с ним отправилась Наталья Николаевна. Там ей удалось посодействовать прощению и возвращению в Петербург писателя М. Е. Салтыкова-Щедрина, который был сослан в Вятку. Благодаря помощи Ланской, которая действовала «в память о покойном муже, некогда бывшем в положении, подобном Салтыкову», Михаил Евграфович был возвращен из ссылки.

Н.Н. Пушкина-Ланская. Фото. Конец 1850-х — начало 1860-х гг.

Наталья Николаевна обращалась к П. Ланскому в письме: «Пустые слова не могут заменить такую любовь, как твоя. Внушив тебе с помощью Божией такое чувство, я им дорожу. Я больше не в таком возрасте, чтобы голова у меня кружилась от успеха. Можно подумать, что я понапрасну прожила 37 лет. Этот возраст дает женщине жизненный опыт, и я могу дать настоящую цену словам. Суета сует, все только суета, кроме любви к Богу и, добавляю, любви к своему мужу, когда он так любит, как это делает мой муж».

В последние годы жизни Наталья Николаевна серьезно болела. Не помогало даже курортное заграничное лечение. Возвратившись в Петербург из Москвы, с крестин внука, сына Александра Александровича Пушкина, она слегла с тяжелым воспалением легких и скончалась 26 ноября 1863 г.

В одной из российских газет был опубликован некролог, подписанный пушкинистом П. Бартевым: «26 ноября сего года скончалась в Петербурге на 52-м году Наталья Николаевна Ланская, урожденная Гончарова, в первом браке супруга А. С. Пушкина. её имя долго будет произноситься в наших общественных воспоминаниях и в самой истории русской словесности. С ней соединена была судьба нашего доселе первого, дорогого и незабвенного поэта. О ней, о её спокойствии заботился он в свои предсмертные минуты. Пушкин погиб, оберегая честь ее. Да будет мир её праху».

Одна из знаменитейших женщин России, к которой по понятным причинам и впредь будет приковано внимание Русского мира, была погребена на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры. На памятнике выбита только одна фамилия: «Ланская». И хотя поэт Серебряного века Г. Адамович скажет: «Она не графиня Ланская, а опять и навсегда — Пушкина, по имени первого мужа, давшего ей бессмертие», для нас, потомков, она навсегда остается Гончаровой.

Могилы Н.Н. Пушкиной-Ланской

Вспомним строфу из стихотворения Ю. Друниной:
*Но повторять наветы
Нам негоже.
Забьли мы,
Что, уходя с земли,
Поэт просил
Наташу не тревожить, —
Оставим же в покое
Натали...*

Замечательные портреты Н. Н. Гончаровой разных лет: <http://hgyyu.beon.ru/o-11-istorija-v-hudozhestvennyh-obrazah-natal-ja-pushkina.zhtml>

Потомки Пушкина и Гончаровой: <http://www.liveinternet.ru/users/3775656/post127745839/>

Станислав МИНАКОВ

Харьков

«Харьковский Пикассо» и его белгородский ученик

В этом году в Москве состоялось подлинное «пришествие» творчества харьковчанина Василия Ермилова (1894–1968), русского человека, которого вместе с харьковским коллегой Борисом Косаревым (1897–1994) называли отцами украинского авангарда, поскольку пик их художественного авангардно-поискового взрыва, экспериментаторства в рамках всяких «измов» пришёлся на 1920–1930-е, когда Харьков был первой столицей Советской Украины. Оба родились, жили, скончались и похоронены в Харькове.

Эта пара — яркое свидетельство того, что «новое украинское» левое искусство, активно насаждавшееся и поддерживавшееся большевиками, создавали, между прочим, «дети разных народов». Если взять Харьков, то к Ермилову и Косареву следует добавить в литературе Мыколу Хвильевого (на поверку оказывающегося Николаем Фитилевым) и Майка Йогансена, а в скульптуре назовем Матвея Генриховича Манизера, который не только знаменито оформил московские станции метро «Площадь Революции» и другие, но и создал харьковский многофигурный монумент Т. Шевченко. Ставший, как говорят, самым знаменитым в мире, памятник Кобзарю создан двумя евреями и одним русским (скульптор М. Манизер, архитектор И. Лангбард, инженер П. Рудяков, как гласит гравировка на памятнике), да и отлит памятник был в Ленинграде. Но это так, к слову.

Мы говорим о Ермилове. Именно он, чья выставка с 5 июня по 22 июля триумфально экспонируются в московском Мультимедиа-артмузее, сто лет назад, в 1912 г., поступил в Московское училище живописи, ваяния и зодчества, учился в одном классе с В. Маяковским и Д. Бурлюком, затем в студии И. Машкова и П. Кончаловского. Участник Первой мировой войны, Георгиевский кавалер, Ермилов, по рассказам знакомцев, полвека прожил на харьковском чердаке (ул. Свердлова, 33, ныне Полтавский шлях), расписанном им в конструктивистском стиле.

В. Ермилов. Агитационно-рекламная установка-трибуна для юбилейной выставки к 10-летию Октябрьской революции. Харьков. 1927.

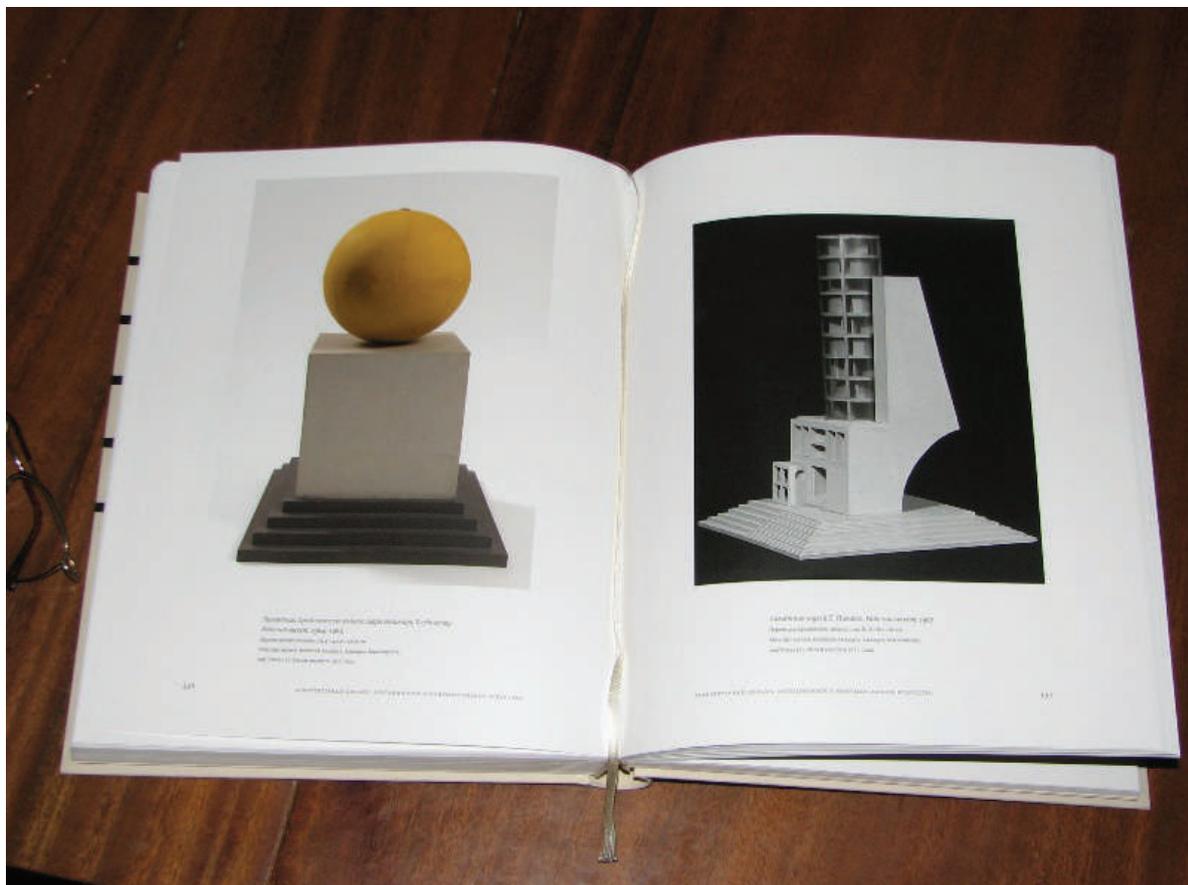
Конструктивизм Ермилов исповедовал вместе со своим другом и соратником, поэтом Валерианом Полищуком. Из их непримиримо левой прокламации для объединения «Авангард»: «Форма поэзии неоклассиков, этих назадников содержания, идеологов мещанской грязи, поэтических жаб, которые с удовольствием квакают, сидя в болоте хуторящины, и форма их поэзии вполне тому соответствует». Кстати, Полищук, написавший книгу о Ермилове, был в 1935-м арестован, а книга изъята.

Молодой В. Ермилов на фоне своих работ.

Считают, что Ермилов был одним из основателей Художественно-промышленного института в Харькове в 1922 г. и преподавал в нем, правда, с большим перерывом, в 1935—1963 гг. Ермилову же — было поручено, как утверждает бывший харьковчанин Э. Лимонов, оформить советский павильон на Всемирной выставке 1937 г. в Париже.

Известный исследователь творчества поэта-будетлянина Хлебникова А. Парнис (ныне москвич, а в прошлом киевлянин, одно время литературный секретарь прозаика В. Некрасова), выпустивший в этом году в Москве трехкилограммовый, альбомного формата том о Ермилове, рассказывает в «Новой газете», что харьковского отца украинского авангарда называли «украинским Татлиным», «Пиросмани формализма», «украинским Пикассо».

Ермилов дружил с Хлебниковым в продолжительный харьковский период поэта, оформлял его книги, выходявшие тиражами по 50 экз. на обойной бумаге, однако стихи о Ермилове, боготворившем Пикассо, оставил нам другой поэт, уроженец Харькова Борис Слуцкий, нашедший свой образ для поименования художника, назвав стихотворение «Харьковский Иов». Это одно из последних стихотворений, опубликованных Слуцким при жизни:

*Ермилов долго писал альфреско.
Исполненный мастерства и блеска,
лучшие харьковские стены
он расписал в двадцатые годы,
но постепенно сошел со сцены
чуть позднее, в тридцатые годы.*

...

*Потом пришла война. Большая.
Город обстреливали и бомбили.
Взрывы росли, себя возвышая.
Фрески — все до одной — погибли.*

*Непосредственно, самолично
рассмотрел Ермилов отлично,
как все расписанные стены,
все его фрески до последней
превратились в руины, в теми,
в слухи, воспоминанья, сплетни.*

...

*В первую послевоенную зиму
он показывал мне корзину,
где продолжали эскизы блёкнуть,
и позволял руками потрогать,
и бормотал: лучше бы мне ослепнуть —
или шептал: мне бы лучше оглохнуть.*

В Харьковском художественном музее сохранилось лишь 14 графических работ В. Ермилова, а в частных собраниях находятся несколько пейзажей, созданных в последние годы жизни; примечательно, что в них нет ни одной вещи конструктивистского периода.

Ермилов писал в одной из своих анкет: «Большая часть моих работ погибла. Работы не репродуцировались. Музеями не приобретались». В 1971 г., уже после смерти художника, в его квартире-мастерской случился пожар, погибла часть работ и почти весь архив мастера. Погиб в Великую Отечественную и знаменитый Харьковский Дворец пионеров, первый в СССР, расположившийся в здании Дворянского собрания. Туда до войны в танцевальный и тракторный кружки ходил и мой отец, Александр Минаков (1929–2005).

В. Ермилов. Дворец пионеров и октябрят в Харькове. Проект оформления интерьеров. 1934–1935.

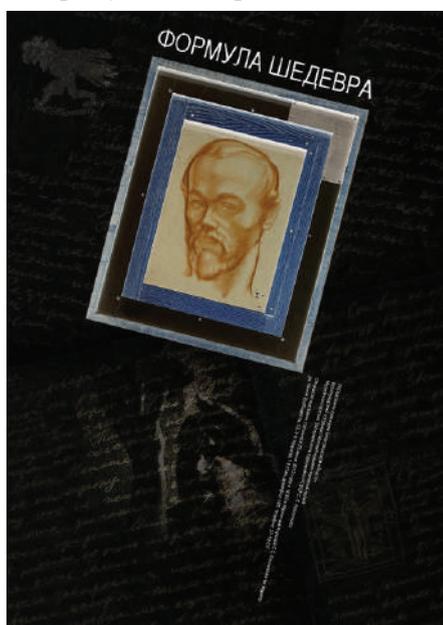
А. Парнис рассказывает: «С середины 30-х годов, когда начались репрессии на Украине и были арестованы многие друзья и знакомые художника, имя Ермилова на несколько десятилетий было вычеркнуто из истории украинского искусства. Его стали травить за формализм, в 1934 г. уволили из художественного института, где он преподавал со дня его основания, а в 1940-х его преследовали за космополитизм и в 1948 г. исключили из Союза художников. ...Ермилов пробыл «за бортом», как он написал одному из друзей, более 12 лет. ...Пятьдесят лет назад, в 1962 г., во время «оттепели», в Харькове состоялась первая и единственная при жизни персональная выставка Ермилова, приуроченная к 50-летию творческой его деятельности, но на ней не были представлены его работы конструктивистского периода».

С. Хачатуров в «Московских новостях» высказывает соображение, что благодаря новой книге А. Парниса о В. Ермилове «мы по-настоящему вводим художника в Большую Историю искусства. Огромное количество исследовательских статей дополнены интереснейшими публикациями писем художника, в которых он вспоминает о тех, с кем ему довелось общаться в Харькове в золотые годы авангарда: о своем друге Велимире Хлебникове, об их общей музе поэтессе Екатерине Неймаер, о сестрах Синяковых и прежде всего о знаменитой художнице Марии Синяковой-Уречиной. Все эти драгоценные сведения оживляют эпоху, делают её близкой и почти родной». В книгу включен альбом вещей мастера и самый полный каталог подлинных его произведений (около 400 работ).

Харьков тоже сказал свое слово: 23 марта с. г. (почти в день рождения В. Ермилова) в подвале Национального университета им. В. Н. Каразина открылся выставочный зал современного искусства с неожиданным названием Ермилов-центр. Напомним, что в украинском авангарде 1920-х существовали термины «ермиловский шрифт», «ермиловская школа» и шире — «ермиловский период» искусства. С 1995 г. в Харькове учреждена ежегодная премия им. В. Ермилова в области дизайна (а для поэтов с 1998 г присуждается, кстати, премия им. Б. Слуцкого).

Возможно, что-то в ракурсе преемственности нам прояснит витиеватое русско-англоязычное название первой же экспозиции Ермилов-центра: «Construction. От конструктивизма до Contemporary. Харьков XX—XXI». Возможно — список имен её участников. Кроме корифеев авангарда, собственно Ермилова и Косарева (понемногу), здесь были выставлены работы современных харьковских художников: П. Макова, А. Волокитина, Р. Минина, Г. Зеньковского, А. Клейтман. В этом списке выделим ученика Б. Косарева и В. Ермилова Виталия Куликова, ныне преподавателя рисунка в Харьковском государственном техническом университете строительства и архитектуры (ХГТУСА, бывш. ХИСИ), заслуженно почитаемого современным классиком. И от Куликова сделаем переход к его однокласснику по Харьковскому художественно-промышленному институту (ныне Харьковская государственная академия дизайна и искусств), любимому, последнему ученику Ермилова Станиславу Косенкову, знаменитому белгородцу, все годы обучения в Харькове очень близко общавшегося с Ермиловым, делавшего под его руководством диплом, оставившего интереснейшие дневники с воспоминаниями о Ермилове.

20 июня в Белгородском музее-мастерской С. С. Косенкова, хранящем и работы Ермилова, подаренные мэтром Косенкову, открылась выставка трех десятков графических и живописных работ «Формула шедевра», посвященная памяти В. Ермилова. На афише, разработанной для вернисажа и изготовленной сыном художника Артемом Косенковым, портрет С. Косенкова помещен в рамку работы Ермилова, — словно прорастая, вырастая из нее — а сам фотообраз Ермилова проступает из черного поля листа.

Афиша выставки «Формула шедевра». Автор А. Косенков.

«Невозможно на практике изобразить формулу шедевра. Мешали как эмоции, так и рассудок, как полученные знания, так и открывающаяся за ними темнота и пустота. И сколько раз я приходил к выводу, что сама формула неизобразима», — написал С. Косенков в статье-размышлении «Формула шедевра»... — Сколько только шедевров мирового искусства я ни сменил на своих стенах, они не содержат всей формулы, а только лишь её частичку. В них (шедеврах) лишь часть мировой гармонии, через эту часть предугадывалась мировая гармония, но тем острее чувствовалась predetermined ограниченность природой человека. Становилось тускло, темно и неудобно в светлой мастерской. Все системы терпели крах из-за того, что претендовали на единственно верное решение, этим они за-

мыкались на себе, становясь догмой, и оставались только в истории, «этапом на пути».

Фотооо Фрагмент белгородской экспозиции «Формула шедевра». Прямо в кадре две работы В. Ермилова, слева — работы С. Косенкова, на столике — уникальный фотопортрет В. Ермилова. Фото С. Минакова

Заведующая музеем-мастерской С.С. Косенкова, вдова художника Анна Косенкова главную идею выставки определяет как поиск художником совершенства и гармонии в творчестве, и подчеркивает, что в экспозиции использованы вещи, предметы, фотографии и работы Ермилова и Косенкова, создающие атмосферу тех лет, когда Станислав Степанович учился в Харьковском художественно-промышленном институте и общался с выдающимся художником, ставшим для него Главным Наставником его жизни.

А. Косенкова открывает вернисаж, на фоне этюда С. Косенкова «Деревья в Шошто». Фото А. Косенкова. 20 июня 2012 г.

В экспозиции, которая продлит работу до октября, представлены как ранние работы С. Косенкова (в частности, «Вечная схватка», «Свобода слова»), — это живописные холсты, картоны и графические рисунки, выполненные карандашом, углем, сангиной, литографии, где очевиден даже для зрителя-неспециалиста творческий поиск художника, эксперименты, сознательные заимствования пластических находок известных художников; так и зрелые творения — «Окно», «Чернобыль России — деревня», «Неистовый Микель» (о Микеланджело), работы из трагического цикла «Чернобыль России — деревня» (1990) и др.

В экспозиции участвуют и дипломные работы Косенкова «Солдаты мира», «Интернационал», собирательные портреты-образы «Большая семья», «Старая женщина» и другие. Центральное место в экспозиции занимают автопортрет художника и натюрморт «Завтрак на газете» (1963), созданные автором в первые годы учебы в институте. Многие работы в этой экспозиции впервые представлены широкому зрителю. На нижеследующем фото — сотрудница косенковской мастерской-музея В. Пушкарева, подготовившая к публикации воспоминания Косенкова о Ермилове, и журналист Е. Дубравный — на фоне «сезанновской» работы С. Косенкова «Подсолнухи на дорожке».

На белгородском вернисаже. Фото А. Косенкова. 20 июня 2012 г.

«Ермилов или «В.Д.», или «папаша», как его в своих дневник называл Косенков, оказал огромное влияние на формирование самостоятельного творческого мышления, на становление Косенкова не только как художника в техническом, изобразительном плане, но и как на художника-мыслителя», — утверждает А. Косенкова.

Прочитав дневники Косенкова. Его записи о Ермилове вошли как в альбом «Станислав Косенков» (СПб, 2011), к которому мне посчастливилось написать вступительную статью, так и в новую московскую книгу А. Парниса о Ермилове. Показательна запись от 15.07. 1964 г.: «В.Д., глядя на забор, удивительно красивый по цвету и напоминающий русскую икону (золотистый цвет дерева и местами сохранившаяся синяя краска), сказал: «Ну, на кой мне сдались эти абстракционисты, когда глядя на это, я получаю большее удовольствие, и гораздо интереснее и содержательнее».

13.08. 1964 г. Косенков в пространном рассказе о посещении Ермилова цитирует мэтра: «Вы сейчас дошли до того, что начинаете думать, как работать, и видите, что учат совсем не так, как это надо было бы. Но я за хорошую школу, а не за дилетантское лихачество. ... Кажется, в прошлом году вы показывали мне свои работы? Там вы, пожалуй, шли от трех художников: Сезанна, Ван Гога и Гогена. Сезанн гораздо сложнее, как художник, чем Ван Гог и Гоген, даже труднее, чем старые мастера. Но именно поэтому у него многому можно научиться. Пикассо говорил, что, когда он вышел с выставки Сезанна, почувствовал себя жалким пигмеем перед этим могучим мастером, и он взялся за его изучение. Так вот, если вас интересует Сезанн, то постарайтесь написать так, как это написал бы Сезанн, чтобы человек, не особенно сведущий, спросил: «Откуда это у вас Сезанн?» Не бойтесь, что вас будут обвинять в подражании Сезанну — вы делали это сознательно, и это вас оправдывает. Ренуару сказали, что очень много появилось подделок под него, и как он к этому относится. Ренуар ответил: «Если хорошо, то это мое».

«Ермилов — вот пример честного и добросовестного подхода и отношения к своей работе, — записал Косенков об.оз. 1964 г. — Его главный принцип в работе: работать «без дураков». ...Рисунки у него с четким контуром и с точной моделировкой внутренних форм резинкой. Впечатление цельное и поразительное по своей точности и выразительности. О нем можно рассказывать очень и очень много. ... В моей памяти навсегда останется восхищение и уважение к его трудолюбивой и человеческой натуре».

Рассказывают, что руководство харьковского отделения Союза художников отказалось предоставить зал для гражданской панихиды по В. Д. Ермилову, что катафалк стоял у входа в СХ на морозе. А по дороге на кладбище в него врезался трамвай. Уверяют, из автобуса потекла красная краска...

Могила В. Д. Ермилова на харьковском кладбище оформлена в конструктивистском стиле. 7 июня 2010 г. Фото С. Минакова

Однако у истории своя логика: спустя полвека открылись ермиловские выставки в Москве, Харькове и Белгороде, вышли книги. Ермилов возвращается?

«Мы все одна родня и помним имена...»

Морок годов безбожного помрачения всё ещё не только внутри нас, но и на наших улицах и площадях, в названиях городов, поселков, мест. Я не обсуждаю содержание коммунистической идеи, я вполне за социальное государство, каковым, по моему мнению, вполне может быть (и должна быть), скажем, русская монархия. Я хочу сказать здесь, в частности, о сонме поселков Пролетарских, Октябрьских, парков имени Горького, улиц Карла Либкнехта, площадей Розы Люксембург или Клары Цеткин, а паче того, носящих имена или клички кровавых большевистских палачей, сотнями и тысячами отправлявших наших соотечественников на уничтожение либо даже расстреливавших лично. Их чрезвычайно много в наших населённых пунктах.

Сразу скажу, что, к примеру, памятник Ленину, стоящий в Харькове на самой большой в Европе площади — разумеется, Свободы (от кого? от чего?) в художественном смысле ничуть не хуже, а то и лучше знаменитого харьковского многофигурного памятника Т. Шевченко, созданного руками двух евреев, скульптора М. Манизера и архитектора И. Лангбарда, а также питерского инженера-москаля И. Рудякова (отлит на заводе КНАП в Ленинграде в 1934 г.). Так что пусть стоит этот «красивый Ленин» — как страшное назидание. Хотя бы потому, что с харьковской площади Конституции (недавно пл. Советской Украины, перед этим им. большевика Тевелева, прежде Николаевской, а со второй половины XVII в. до XIX в. Ярмарочной, в честь августовских Успенских ярмарок) накануне футбольного чемпионата ЕВРО-2012 снесли, разложив на кубические составляющие, памятник в честь провозглашения Советской власти на Украине (1975), который был в самом деле столь спорно эстетичен, что десятилетиями назывался харьковчанами «из ломбарда несут холодильник». А память-то у нас коротка. Не следовало бы также забывать, что и площадь-то «Свободы» построена была как площадь Дзержинского, и все советские годы носила имя «железного Феликса». Как с этим-то быть?

Мы помним о судьбе харьковского Купеческого спуска, на котором самостийщики самочинно водрузили табличку «Узвіз Мазепи», которая не провисела и суток, будучи снесенной харьковчанами. Отчего-то улица, соединяющая кафедральный Благовещенский собор с Успенским (Александровская колокольня коего превышает высотой московского Ивана Великого) и Покровским, показалась мазепинцам достойной присвоения имени самого знаменитого предателя в малороссийской истории. В советское время спуск носил имя террориста С. Халтурина — душегуба, по вине которого при покушении на императора Александра II в 1880 г. погибло 11 солдат, которые несли службу во дворце, и почти шесть десятков оказались ранеными; все погибшие были героями незадолго до того закончившейся войны с Турцией за освобождение Болгарии, за отличие призванные на службу в императорский дворец. Теперь эта короткая харьковская круглая улица резонно названа Соборным спуском, ибо связывает три старых городских собора — Покровский, Успенский и кафедральный Благовещенский, и по этому спуску неизменно проходят крестные ходы новейшего времени.

Но есть улицы и площади, а также города, носившие изначальные имена в дооктябрьский период. Отраднo, что им возвращают исконные названия.

***

Хорошая новость пришла недавно из Херсона: 26 сентября 2012 г. депутаты приняли решение именно о таком восстановлении исторической справедливости: улица Ленина снова станет в одной части Соборной, в другой — Греческой, а ул. Карла Маркса — Потемкинской. (Потому что в начале сентября Управление Херсонской епархии Украинской Православной Церкви, от имени духовенства и верующих города Херсона, обратилось к Херсонскому мэру В. В. Сальдо с ходатайством о возвращении улицам их исторических названий: улице Ленина — ул. Соборная, улице Краснофлотская — ул. Богородицкая).

Не смотря на протест коммунистов, нашедших финансовые резоны против такого возвращения, мэр города утверждает, что городу переименование не будет стоить практически ничего (если не считать расходов на установку табличек, которых и так нет). Более того, как сообщили СМИ, он уверен, что принятие этого решения поспособствует экономическому росту Херсона. «В 2003 г., когда мы вернули основателя города на его справедливое место и наименовали сквер Потемкинским, Херсон экономически развернулся и пошёл вперёд», — пояснил мэр Херсона. По его словам, процедура будет поэтапной и займёт 2 года.

К слову сказать, в Херсоне появилась и площадь имени Ивана Мозгового, некогда успешно руководившего регионом талантливого хозяйственника. Так разумно переименовали площадь 60-летия СССР.

О, сколько их, имени какого-нибудь съезда Советов, 50-летия ВЛКСМ, 50-летия СССР и т. д. и у нас в Харькове! Благо, одной из них, в центре города, дали имя поэта Бориса Чичибабина. Однако здесь следует подходить взвешенно: я бы несомненно возвращал улицам и городам исторические имена (к примеру, Кировограду — Елисаветград, а может быть, и Днепропетровску — Екатеринослав), однако с названиями территорий, построенных в советское время, дело не просто. Их ведь не было до «исторического материализма», они созданы именно в эпоху индустриализации, хрущевских застроек, а также при «развитом социализме». Из песни слова не выкинешь. И разве строит сегодня какая-либо власть, в какой-либо из новообразовавшихся постсоветских стран — для народа столько жилья, столько производств, учебных, детских и культурных учреждений, сколько было построено про социализме?

* * *

В продолжение и развитие херсонской темы попадает сообщение о пресс-конференции в РИА Новости, на которой директор Украинского филиала Института стран СНГ В. Корнилов, директор Российско-Украинского информационного центра О. Бондаренко, историк и политолог Р. Ищенко, актёр театра и кино, и композитор, шоумен, заслуженный артист УССР В. Быстряков и другие озвучили обращение к руководству и депутатам Киевщины с предложением о возвращении исторических названий отдельным улицам Киева, подписанным также рядом известных деятелей культуры. В обращении говорится о начале сбора подписей жителей Киева за возвращение улицам С. Петлюры и И. Мазепы их первоначальных названий — Игнатъевская и Никольская соответственно, поскольку так они изначально назывались с момента своего основания в XVIII и XIX вв.

«Возвращением исторических названий этим любимым киевлянами улицам мы закрываем эпоху противостояния советской и антисоветской Украины, придаем им их первоначальный смысл. Но, самое главное, мы исправляем преступные ошибки прежних правителей, соревновавшихся друг с другом в редактировании истории», — сказано в обращении.

Народный депутат, почётный президент АО «Укргазбанк» В. Горбаль, родившийся во Львове на ул. Лермонтова (ныне это ул. им. Джохара Дудаева) отметил, что прошедшие переименования проходили фиктивно.

С отличной инициативой выступил житель улицы им. Мазепы, политический обозреватель А. Чаленко, предложивший включить в информационную кампанию возвращение Киевскому Национальному университету им. Шевченко исторического названия — университет им. Святого князя Владимира. (Тут потребуются уточнение: основанный 8 ноября 1833 г. как Киевский Императорский университет святого Владимира, в 1917–1919 гг. он назывался «упрощённо»: Киевский университет св. Владимира). В самом деле, автор «Кобзаря» не имеет к данному учебному заведению никакого отношения.

Писатель и журналист О. Бузина помимо КНУ предложил также восстановить историческую справедливость и в отношении бульвара Шевченко, вернув ему название Бибиковский, в честь человека, который его проложил. Относительно улиц Петлюры и Мазепы писатель отметил, что «люди хотят утром просыпаться на той же улице, на которой они заснули. Нельзя именами негодяев, подонков и запроданцев называть улицы».

Мы помним, что улицы Петлюры и Мазепы появились в Киеве во время правления В. Ющенко, по инициативе которого в честь Мазепы переименовали улицу Лаврскую. Если поглядеть исторически, то Лаврская улица возникла на известном со времен Киевской Руси Ивановском пути, который соединял Подол с Печерском. Её начальный отрезок пролегал по исторической местности Долгая Нива. В этой местности находилось село Берестово с загородным дворцом киевских князей, Печерский и Никольский монастыри. Здесь сохраняется красивая церковь Спаса на Берестове (построенная ещё до 1072 г.), в которой покоится прах великого киевского князя Юрия Долгорукого, основателя Москвы. С начала XIX в. улица носила имя Никольской — в честь Николаевского военного собора. Здесь служили молебны в память о погибших военнослужащих, а в дни военных побед сюда приходили поставить свечу за упокой души павшего воина его родственники. На высоких квадратных постаментах около храма были установлены артиллерийские орудия, в память о защитниках родины. И сейчас эта улица является своего рода духовно-исторической артерией, на которой нанизаны и к которой кровно-духовно «подключены» памятные, архитектурные и культовые строения разных эпох.

Дело в том, что с 1919 г. эта улица носила название Январского восстания. Решение оранжистов 2007 года г. о мазепизации улицы украинские православные тогда справедливо назвали «кошунственным вызовом всему православному миру», поскольку на улице, названной в честь гетмана, преданного Церковью анафеме, находится Киево-Печерская Лавра — святыня и исток всего Русского Православия, которое, как известно, было предано Мазепой вместе с изменой Императору Петру I.

Народный артист Украины Д. Бабаев на вышеупомянутой пресс-конференции заявил: «Я — категорический сторонник возврата всех старых названий! Я не согласен с тем, что театр, в котором работаю, находится на ул. Богдана Хмельницкого, а не на исторической — Фундуклеевской. И с тем, что улица, ведущая к Киево-Печерской Лавре, названа именем преступника и предателя Мазепы!».

Приведём вполне взвешенное, резонное мнение историка (О. Бузины): «Нужно вообще убрать любую политику из названий улиц. Кто застраивал эти улицы, кто давал им первое имя, к тому следует и вернуться. Имя детям дают родители, имя городам и улицам — их создатели. Было в середине XIX века на месте нынешнего Майдана Незалежности Козье болото — жили там жабы и головастики, а ещё — глупые утки, на которых охотились киевские обыватели. Но решили отцы города превратить болото в центральную площадь, построили на ней городскую Думу и назвали площадь Думской. К этому названию и следует возвращаться».

А были же ещё в Киеве чудесные улицы Бульварно-Кудрявская, Керосинная, Меринговская, Лукьяновско-Подольская...

* * *

Сейчас в России появилась обоснованная, набирающая немало голосов общественности, инициатива о возвращении Волгограду имени Сталинград. Но остаётся вопрос: а как быть с Царицыным?

А логично ли, что Санкт-Петербург нынче располагается в Ленинградской области? Может, истории вполне достаточно того, что в ней останется навеки для русской памяти «блокада Ленинграда», а область логично было бы сделать питерской?

В каком-то смысле компромиссны и, быть может, на переходный период оправданны (и шадящи к старшему поколению) инициативы в некоторых городах, в частности, в Белгороде, где возвращены чудесные дооктябрьские названия: Троицкий бульвар, ул. Кн. Трубецкого, ул. Белгородского полка и многие другие. В то же время на новых красивых табличках пока что кое-где дают двойное именование: восстановленное и то, к которому люди привыкли в течение последних десятилетий.

Да, был когда-то в России город с чудесным названием Вятка... Вятка, ау!

* * *

И всё же возвратимся в наш Харьков.

24-го октября 2012 г. обнародовано постановление Харьковского городского совета о 149-ти новых наименований улиц, переулков, площадей. В частности, 25 улиц будут носить наименования исторического характера, 3 — имена Героев Советского Союза, 4 — Героев Труда, 5 — спортсменов, 8 — скульпторов, художников архитекторов, 7 — политических деятелей и бывших городских голов, 10 — деятелей науки, 3 — деятелей культуры и искусства, 3 — выдающихся литераторов.

Что касается спортсменов, то появится улица имени Николая Уграйского — известного харьковского футболиста, также увековечат волейболиста, олимпийского чемпиона Юрия Венгеровского, советскую гимнастку, олимпийскую чемпионку Марию Гороховскую и конькобежца Олега Гончаренко.

Из удивительного: одна из улиц на новых территориях Харькова станет носить имя первого пропагандиста джаза в России Джозефа Шиллингера.

А ещё теперь есть в Харькове улицы художника Василия Ермилова, историка-античника Владислава Бузескула.

Среди списка известных лиц, давших новые имена улицам Харькова, я бы отметил русского фольклориста, этнографа, литературоведа и историка, члена-корреспондента Императорской Санкт-Петербургской академии наук Николая Сумцова и, как подарок всем нам к 400-летию Дома Романовых, которое будем отмечать в 2013-м, — улица Ивана Сусанина! Кто-то внимательный пошутил: концептуально было бы именно на ней разместить Польское консульство, которое нынче находится на ул. Артема.

Особенно приятно появление имен фельдмаршала Петра Александровича Румянцева-Задунайского, губернатора Малороссии при Императрице Екатерине II, и Александра Павловича Кутепова, героя Русско-японской войны, генерала Белого движения. Кутепов был одним из основных действующих лиц «белого» Харькова, формировал Корниловские полки. Именно Кутепов сыграл ведущую роль в освобождении Харькова от саенковщины (был такой известный харьковский чекист-садист) без разрушений. А прежде, во время Февральской революции, полковник Кутепов, находившийся в краткосрочном отпуске в Петрограде, оказался единственным старшим офицером, который пытался организовать действенное сопротивление восставшим, возглавив сводный отряд, направленный на подавление революции. Увы, не был поддержан другими находившимися в Петрограде воинскими частями. По словам его сослуживца по полку В. Дейтриха, имя Кутепова стало нарицательным. Оно означает верность долгу, спокойную решительность, напряжённый жертвенный порыв, холодную, подчас жестокую волю и... чистые руки — и всё это принесённое и отданное на служение Родине.

Отчасти воплощены и мои давние инициативы: вначале 2000-х я предлагал поставить в начале ул. Рымарской памятник человеку, чей двухэтажный домик по ул. Рымарской, 4, является самым старым в городе. Это городской голова рубежа XVIII-XIX веков Егор Егорович Урюпин, дважды ездивший в Санкт-Петербург ходатайствовать об учреждении в Харькове университета, в чём был главным помощником автора харьковской университетской идеи В. Н. Каразина. Чем бы был Харьков сегодня, если бы не учреждение в нём Императорского университета в 1805 году? Как сообщает историк Д. Багaley, Урюпин собрал для этих целей с купечества около 70 000 руб., сумму превышавшую в 7 раз весь годичный бюджет тогдашнего Харькова! И это Урюпина губернатор упекал в Сабурову дачу, проще говоря, в «дурку», но Урюпин всё равно вышел победителем в этой схватке. Теперь в Харькове появится улица имени Урюпина.

Многие удивляются: как это до сих пор дореволюционная ул. Благовещенская носит имя ничем не связанного с Харьковом К. Маркса, а старинная прибрежная ул. Конторская называется чудовищным словом «Червоножовтневая»!

Была совсем свежая, заслуживающая пристального внимания инициатива «Неформального общества друзей З. Серебряковой», всемирно знаменитой художницы, чтобы дать ул. Конторской её имя, ведь ещё сохранился на этой улице домик № 25, где она жила с семьёй на рубеже 1910-1920-х и где написана, в частности, её знаменитая картина «На террасе в Харькове» (1919).

Однако новости таковы: именем Зинаиды Серебряковой названа новая улица города. Что ж, будем надеяться, что «Червоножовтневою» вернут старое название, Конторская, данное ещё лично государем Николаем Павловичем.

Но коли так, можно же тогда и улицу имени крупного советского украинского чиновника Мыколы Скрыпника, в 1933 г. покончившего с собой в собственном кабинете в Госпроме, переименовать в улицу имени поэта-футуриста Велимира Хлебникова. Да и улицей имени поэта Бориса Слуцкого Харькову давно пора обзавестись. Это ведь он увековечил Харьков в нескольких замечательных стихотворениях, оставив строки, сказанные, словно о многих из тех, кого мы вспомнили выше: «Как будто бы доброе дело / я сделал, что в Харькове жил...».

Герман ТИТОВ

Харьков

О Поколении G и не только о нём. Рецензия на повесть Вс. Непогодина «Generation G»

Прочёл новую повесть «Generation G» Всеволода Непогодина – конечно же, полную версию. В литературе мне, прежде всего, интересно то, что хотел сказать автор. А не то, что придирчиво отобрал «хороший вкус» уважаемого редактора. Но затем, конечно, прочитал – для сравнения – и журнальный вариант.

И, вот, могу сказать – несмотря на все стилистические неловкости и шероховатости – вполне терпимые, впрочем, в подобного рода литературе – книга мне понравилась. Есть в ней некая особая авторская интонация, за которой уже не хочется замечать и подсчитывать мелкие промахи.

Есть воздух, атмосфера. Есть Одесса – и она вполне узнаваема. И есть, наконец, с избытком – поколение, заглавленное в названии. Его (поколения) радости и горести. Его, если можно так выразиться, стихийная философия.

Думаю, нет нужды изучать всю родословную этой повести – от Лимонова до Бегбедера. Книга, как и личность, примечательна отнюдь не своими предками – как значительны бы они не были. Эта книга – примечательна. Сама по себе. Все очевидные стилистические недочёты её – особенно в сравнении с журнальной версией – кажутся почти достоинствами. Эффект «непридуманного», «живой жизни» от этого, пожалуй, только усиливается. И то, что герой иногда немотивированно груб с теми, кого в пору разве что пожалеть, и чересчур пространные – порой – рассуждения о том, что «хорошее – хорошо, а плохое – плохо», всё это, в сущности, чепуха, по сравнению с удачей сотворённого на страницах повести мира. Мир – очень похожий на реальность – но, конечно же, литературный – создан. Он живёт отныне по собственным законам. Автора же остаётся только поздравить с этим. И пожелать – в следующей книге – поменьше рассуждений об очевидном, и побольше непосредственного нон-фикшна.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

Побе-ЖДИТЕ-ли

Сергей ОКИШЕВ

Донбасское сетевое ЛИТО

Вера АГАРКОВА

Иван ВОЛОСЮК

Ксана ЕТАН

Александр КУРАПЦЕВ

Иван НЕЧИПОРУК

Мария СУХОТЕПЛОВА

Александр ТОВБЕРГ

За границей

Александр БЕРЕЗОВ

Елена БЕРСЕНЁВА

Владислав ЗУБЧЕНКО

Роман ИВАНОВ

Геннадий КРЕЙМЕР

Анна МАРТЫШИНА

Андрей НАСОНОВ

Ольга ОЛГЕРТ

Ксения ФОМИЧЁВА

Мария ХАМЗИНА

Виктор ХАТЕНОВСКИЙ

По родимой стороне

Евгения БАРАНОВА

ЛенКа ВОРОБЕЙ

Алина ГЛАДКОВА

Марина ГУРТОВАЯ

Алина ИЗВОЛЬСКАЯ

Нина КАРБУЕВА

Елена КОРО

Андрей КОСТИНСКИЙ

Ирина КУЗНЕЦОВА (ГРУЗДЕВА)

Юлия КУЛИКОВА

Филипп ЛЕБЕДЕВ

Андрей ЛИННИК

Герман ТИТОВ

Ирина ТЮХТИНА

Дмитрий ЧЕРАШНИЙ

Сергей ЧЕРНЯЕВ

Леонид ШЕПТОВИЦКИЙ

Юрий ШКУРКО

ПРОЗА

Анжела АРСЕНОВА (РАФАИЛОВА)

8 Дмитрий ЖУКОВ

Владимир КОВАЛЬЧУК

Павел КОЛЕСНИК

10 Александр МИНАКОВ

11 Анна МИНАКОВА

12 Сергей ОГИЕНКО

13 Юрий ПЛЮЩЕНКО

14 Лидия РАКОВА

14 Максим КАМЕНСКИЙ

15 Руслан ФОЛЮШ

СТАТЬИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

17 Ю. ГРОСУ, В. КУЗЬМЕНКО

19 Дмитрий ЖУКОВ

22 Елена КОРО

23 Юлия КУЛИКОВА

24 Анна МИНАКОВА

25 Станислав МИНАКОВ

27 Герман ТИТОВ

28 VasyI SAGAN

30

ПЕРЕВОДЫ

Елена АМБЕРОВА

58

Дмитрий ЖУКОВ

59

Литературно-художественное издание

ЛАВА

Проект клуба поэзии АВАЛ

Концепция номера,
вёрстка, дизайн – Герман Титов

Сдано в набор 17.12.2012.
Подписано в печать 18.12.2012
Формат 170х297/16. Бумага офсетная
Печать офсет. Тираж 350экз.

Типография ЧИПП «Слово»
61024 г. Харьков ул. Лермонтовская,27
тел./факс (057) 7192195
Свидетельство о внесении
в государственный реестр:
ХК № 214 от 21.11.2007г.